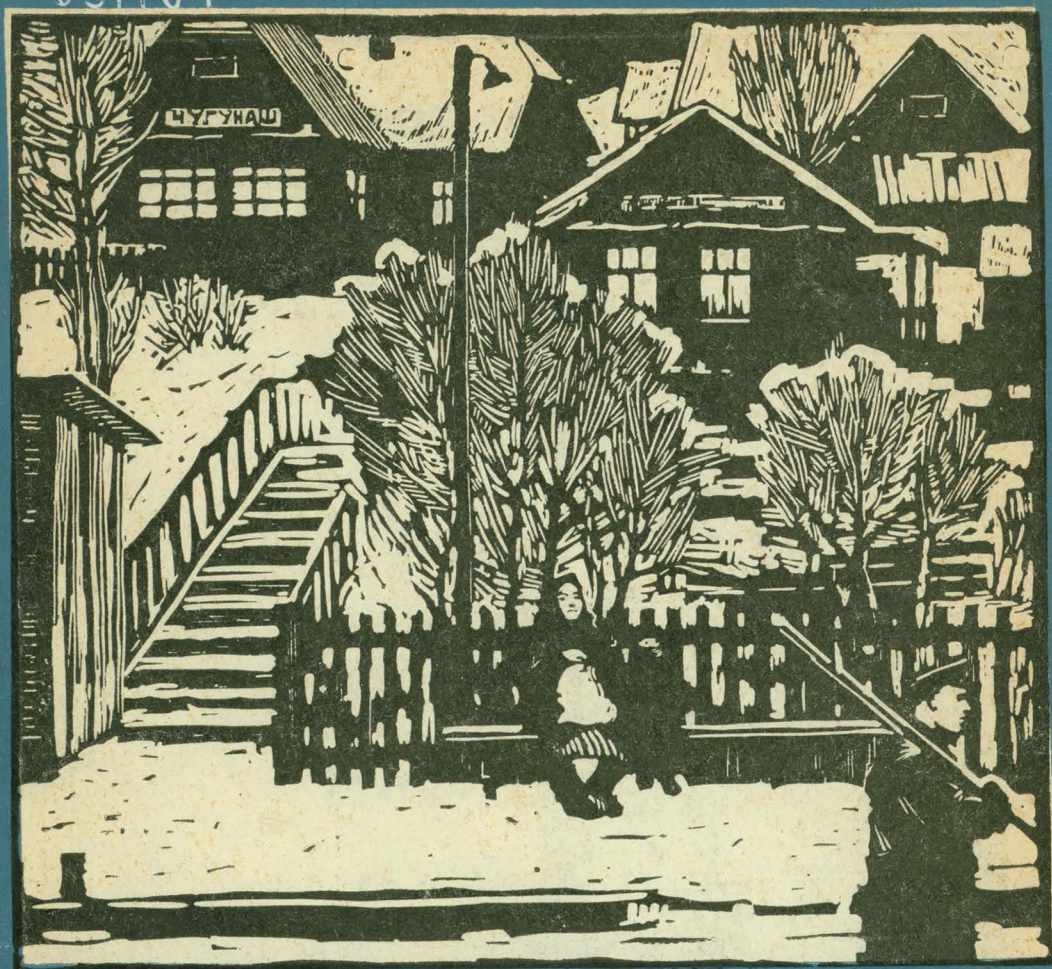

0-38
331164

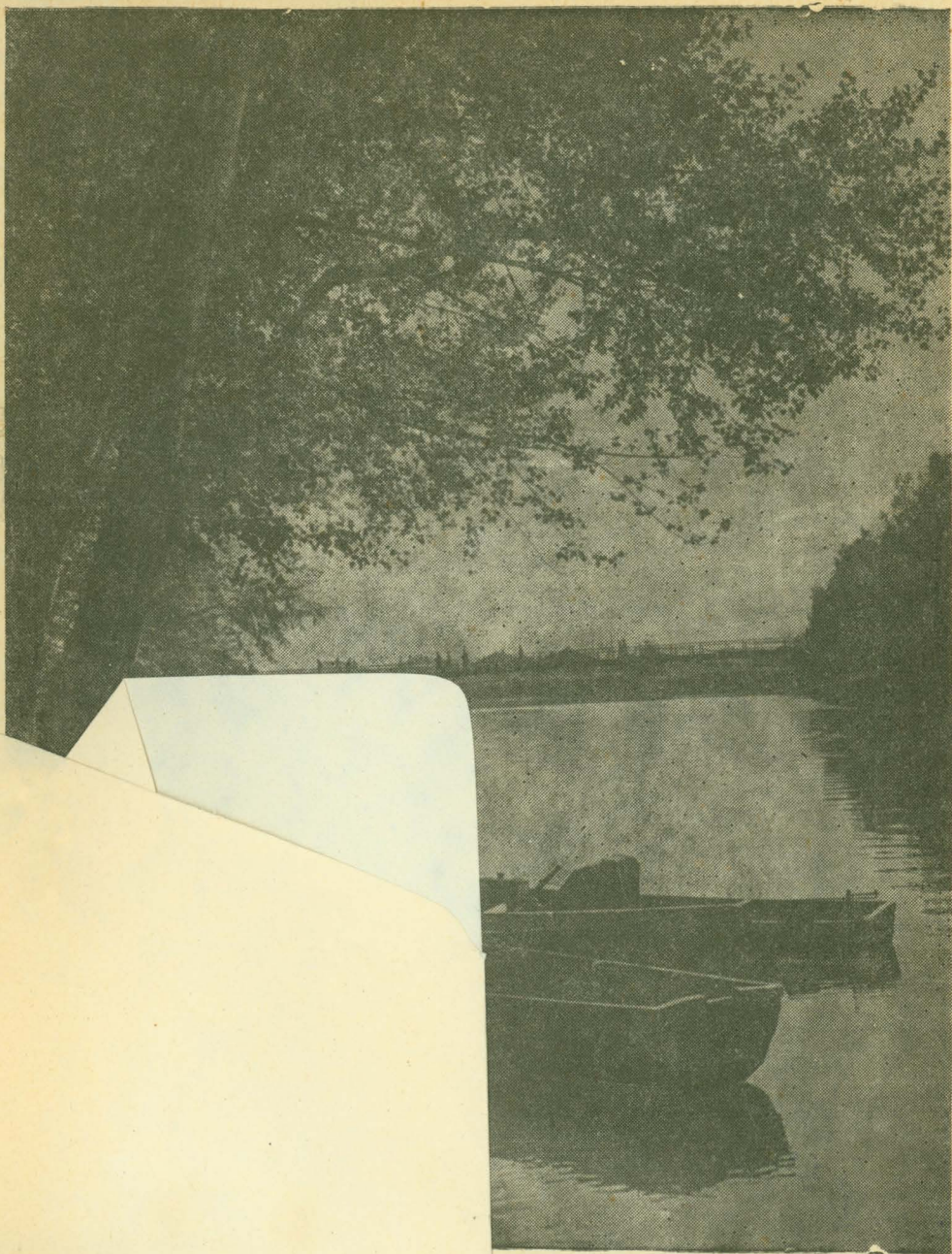
№3

№ 3 (40)

ОГНИ
КУЗБАССА

1973

НА РЕКЕ БАРЗАСЕ
Фото И. Бассардинского

Год издания 25-й

№ 3 (40)

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН
КЕМЕРОВСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

Выходит
ежеквартально

390327

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере

Наш современник

ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ. Лукьян
Селицкий, доменщик. 3

Стихи

ВЛАДИМИР ПОТАШОВ. Земле. «Небо
вспыхнуло грозою...», «Исполнен ре-
бячьего хмеля...», «Прощаюсь с
августом...» 13

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ. «Рублю
избу». Ручей Таян. «Я наблюдал за
ней подробно...» 27

НИКОЛАЙ КОЛМОГОРОВ. «Хвойный
вал тишины...», «Районный город в
липах желтых...», Гале. 42

ОЛЕГ ФИЛОСОВ. Речка Яя. «Я знал
ведь, что прояснится вода...» . . . 43

Проза

ЗИНАИДА ЧИГАРЕВА. Такие девчонки.
Рассказ. 14

СВЕТЛАНА ТКАЧ. Сложение и вычита-
ние. Рассказ. 28

АЛЕКСАНДР БАРЫШЕВ. В гостях у
Спартак Мишулина. Фото Ю. За-
бродина. 43

Человек и природа

Ю. КИСЕЛЕВ. Земля. 46
В. ТРАВИНСКИЙ. Земной пейзаж. 55

Редактор
В. М. МАЗАЕВ

Редакционная
коллегия:

А. Ф. Абрамович,
Е. С. Буравлев,
А. Н. Волошин,
Г. А. Емельянов,
Н. Н. Зеленин,
В. В. Махалов,
О. П. Павловский
(отв. секретарь)

Адрес редакции:
650053 Кемерово, 53, Со-
ветский пр., 94.
Тел. 6-85-14

Рукописи объемом менее
авторского листа не воз-
вращаются

На первой странице обло-
жки линогравюра «Стан-
ция Чугунаш» А. ХОЛО-
ДОВА.

0 **0732—41** 33—73
М145(03)73

© Кемеровское книжное
издательство, 1973 г.

Из дальних странствий

ВИКТОР ЧУГУНОВ. Томительный воз-
дух скитаний 60

Время — человек — время

ВИКТОР ДРОЗДОВ. К. М. Станюкович
в сибирской ссылке. 66

Откуда пошло слово

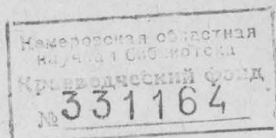
ИЛЬЯ ПОЛОВИНКИН. Югра . . . 70

Слово — критике

ЮРИЙ ИЗЮМСКИЙ. По точному
адресу 75
Читатель — автору 79

Веселая минутка

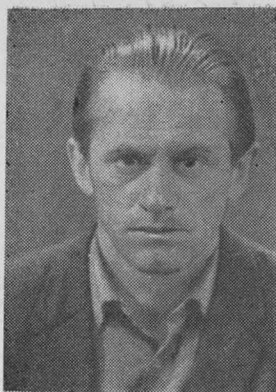
ВЛАДИМИР МАТВЕЕВ. Верность тра-
диции. У голубого экрана. Мимо цели.
Разлад на профессиональной основе.
Грезы сатирика. Сатирические ми-
ниатюры 80

Ведущий редактор **Т. И. Махалова**
Художественный редактор
Г. И. Кравцов
Технический редактор **Г. В. Адова**
Корректор **В. А. Лузина**

Сдано в набор 25. V. 1973 г. Подписано к печати
16. VIII. 1973 г. Формат 70х90¹/₁₆. Бумага типо-
графская № 2. Усл. п. л. 5,85 Уч.-изд. л. 6,67
Тираж 5000 ОП 00083. Заказ 4657. Цена 25 коп.

Кемеровское книжное издательство
Кемерово, Ноградская, 5
Полиграфическое объединение «Томь»
Кемерово, Ноградская, 5

Геннадий
Емельянов

ЛУКЬЯН СЕЛИЦКИЙ, ДОМЕНЩИК

ОЧЕРК

В этой книге я всего лишь добросовестный и прилежный писец.
(А. Бек, «Волоколамское шоссе»)

В техническом музее Дворца культуры есть панорама строительной площадки Кузнецкого комбината. Панорама, по нынешним меркам, небогатая, но все-таки впечатляет. Никто и никогда уже не увидит эту картину в натуре, не услышит голосов, тележного скрипа и железного лязга.

Я иногда смотрю на музейную панораму с новой и непроходящей надеждой отыскать глазами где-нибудь в самом глубоком котловане Лукьяна Селицкого, высокого и обнаженного по пояс... Он вытирает пот с лица брезентовой верхонкой, горячее тело его дымит, как дымит белым паром на его лопате земля. Но на мертвой картине люди одинаковы и недвижны. Они уходят от нас, эти люди, все дальше и дальше, для нас остаются цифры документов да желтые газеты. Меньше и меньше в наших руках деталей, с помощью которых оживают немые картины и начинает дышать прошлое.

Я хотел в этом очерке избежать истории, но как ее избежать, коли взялся писать о Селицком? Ведь он последний из доменщиков «первого призыва» и сорок лет уже стоит у горна. Случай в металлургии феноменальный. Говорю это не для красного словца и пущей важности — так оно и есть.

Меня предупреждали, что Селицкого «разговорить» непросто. После первой нашей встречи в моей записной книжке осталось лишь несколько строчек. Мы примостились в диспетчерской доменного цеха у стола, похожего на огром-

ный свадебный пирог. Горновой курил, и я курил. Я был не в своей тарелке, потому что не знал, о чем спрашивать.

Позже, дома, я записал в дневнике: «Лукьян Викторович Селицкий — не гигант, но роста сравнительно высокого, лицо крестьянское, нос — картофелиной, глаза маленькие, упрятаны далеко и, кажется, слегка беловаты. Ладони у него огромные, ладони рук, переделавших на своем веку немисливо огромную работу».

Селицкий почему-то все вспоминал аварии и не особенно старательно растолковывал существо, полагая, видимо, что тут все понятно и глупому: ну, выбило фурму, ну, сгорела «кадушка», сменили «паука»... Я устал держать на губах вежливую репортерскую улыбку, предназначенную для того, чтобы не вспугнуть собеседника. Но какую-то секунду профессиональная моя бдительность была ослаблена, Селицкий глянул на меня с понятием, крикнул, задавил окурок прямо о колено, на грубых своих штанах, и косо махнул рукой:

— Я пошел, значит. Пути чистить надо. И вот что. Когда, значит, напишешь — покажи. Наврешь ведь.

Беда да и только! Но по здравому размышлению я не особенно расстроился — со временем, думал, выход найдется. А пока бродил от домны к домне — смотрел и слушал.

Не могу утверждать с определенностью: привыкают ли горновые к выпуску чугуна, мне же не привыкнуть никогда.

...Летка тлеет глубоким огнем. Огонь этот цвета крепко обожженного кирпича. Внутри печи нарастает гул, похожий на отдаленные раскаты грома. Печь ворчит и тужится. По тому, как неспешно суетятся люди в литейном дворе, можно понять: скоро, сейчас.

На разливочном мостике появляется мастер, будто капитан, которому назна-

чено вести судно по опасному фарватеру.

Старший горновой подгоняет к летке тонкое сверло. Жало сверла вязнет в жерле горна, погружается в загадочное и неистовое нутро печи. Потом горновые поднимают огромный лом, упирают его в отверстие летки, бьют, клоняся телами, и летка начинает искрить. Искры вспучиваются, расправляются и бьют фонтаном, по канаве уже ползет, ускоряя бег, чугунная река. Печь родила дракона, голову дракона венчают искры. Чугун падает в ковш, и вы сразу чувствуете, как он горяч и тяжел. На дне ковша, кажется, наливается силой утреннее солнце. Литейный двор весь в блестках. Когда я уходил из цеха, то напоминал елочную игрушку, тоже блестел, и гардеробщица в заводоуправлении послала меня на улицу отряхнуться.

Мне довелось увидеть, как меняют «паучок», то бишь шлаковый прибор, мне показали «кадушку», набор богатирского инструмента горновых и многое другое. Я узнал из популярной литературы, что чугун в четырнадцатом веке и позже был для металлургов злом, русские называли его «диким камнем», англичане же — «свиным железом». Чугун считали отходом производства и первое время выбрасывали.

Приспело время сказать Селицкому: — Начнем с начала.

2

«...Жить становилось труднее, и когда семья увеличилась, Евстафий, отец мой, забегал по селу в поисках добычи, как скворец на пашне, и все время залезал в долги, а потом бесконечно их отрабатывал. В 1907 году родился и я, Степан Евстафьевич Бойко, один из первых доменщиков Кузнецка».

(Из записок С. Е. Бойко, мастера доменного цеха КМК. Свои воспо-

минания, еще неоконченные, он за-
вещает внукам).

«...Настал срок выходить на пен-
сию. Явился я в отдел кадров и
задаю вопрос: «А как увольняют-
ся?». Они меня на смех: «До се-
дых волос дожил, а не знаешь,
как увольняются?» Подаю им тру-
довую книжку, а в ней — одна пе-
чатка всего — «принят». Печати
этой больше тридцати лет. Когда
назначили в доменный цех, я по-
жаловался приятелям: никогда,
мол, топора в руках не держал, а
домы заставляют строить. Темные
были, чего с нас взять».

(Из рассказа горного
И. И. Денисова, ученика Се-
лицкого)

В комнате темно, неширокое окно
смотрит во двор. Там, за высоким забор-
ом, детский санаторий, там — старые
тополя в серой городской курже, на то-
полях — воробьи и синицы. Птиц мало,
двор задумчивый, истомленный и пус-
той, он — будто тихий островок посреди
улиц, которые текут мимо. Небо туск-
лое. Медленно падает снег.

В этой комнате, видимо, готовит уроки
сын Селицкого.

Лукьян Викторович начал свой рас-
сказ так:

— Когда я, значит, побольшел, стал
искать свою долю.

...Родился он в селе Талкино Ачинско-
го округа. Отец крестьянствовал и жил
бедно. Мать померла рано, оставила
мыкаться на белом свете троих детей,
пришла мачеха, и Лукьян, старший, по-
чувствовал себя в доме неуютно.

Попервости и малое время пробалял-
ся с приятелем случайными заработка-
ми на прииске Центральном.

Поскольку «казна» работы не давала,
набивались в артели старателей. При-
дут, бывало, к «заглавному», встанут
рядком, шапки долой и наотмашь, по-
христиански, и чуть не в ноги: «Возьми-
те, Степан Аникандрович или там Се-
мен Матвеевич, рук не пожалеем!» и

все такое прочее. Но артели были креп-
ко сбиты из родни до десятого колена,
шатунов и приبلудных не жаловали:
богаты, мол, так здравствуйте, а убоги,
так прощайтесь.

Случайные копейки, правда, перепа-
дали — тому поднести, другому подгре-
сти — но все это было шатко: сегодня —
хлеба кусок, завтра — воды туесок. Не-
ладная, одним словом, жизнь.

Зимой Лукьян белковал, но тоже без
особого проку. Ну чисто замучился, а
тут как раз слух громко катится, что
неподалеку совсем, в Кузнецке, нача-
лось строительство большого завода, и
людей туда надо многие тысячи.

Лукьян попросил у отца денег на до-
рогу.

Разговор, как сейчас помнит, состоял-
ся на крылечке. При мачехе было не-
ловко решать такое дело — баба, она и
есть баба, да еще и чужая.

Отец стоял, разлохмаченный со сна, в
опорках на босу ногу, согнутый холодом
(он выбегал в стайку за сечкой — таба-
ку хотел нарезать) и синий лицом.

— Дай, тятя, денег на дорогу.

— Айда в избу, чего на ветру-то, —
отец цвикнул через зубы длинным плев-
ком и покрякал, играя плечами.

— Здесь лучше.

— Куда же ехать надумал?

— Завод строить.

— Хе, нетути денег.

— Тогда я отделяюсь, пай мой выде-
ли.

Отец повернулся к сыну сгорбленной
спиной и, перешагивая порожек, вздох-
нувши, ответил:

— Все бери, все твое.

Лукьян скучно оглядел двор: брать
было нечего. Разве что коровенку, ста-
рую, немолодую, глаза которой плакали
по-человечьи... Кормилица! Тоже вздох-
нул Лукьян и решил тут же продать
свое ружьишко. В покупатели навязал-
ся бельмастый мужичонко по прозвищу

Моргун. Рядиться Лукьян не умел, сошлись на трех рублях без копеек и магарыча. С этим капиталом и подался в путь.

Ноябрь 1930 года. Не то что голод уж совсем, но и с жиру не забесишься, не мрут люди, но бедствуют.

В вагоне Лукьян с некоторой оторопью приглядывался к пестрой публике, убеждаясь, что вся Россия вдруг строилась с места и потекла лавиной, двинулась искать лучшую долю. И кого тут только не было: тихие и богомольные старухи, мордатые подкулачники, грязные цыганки, похожие на обклеванных куриц, бойкая городская молодежь в сапогах бутылками...

Вагон сотрясало, как рыдван на проселке, старухи бесперечь крестились и не давали открывать окна, потому что, слышать, жулики забрасывают с путей железные крючья и тащат на ходу мешки, чемоданы, а то и людей, если зацепят за карман. Было тесно и душно, пахло портянками. Подкулачники с гиком резались в карты и тянули из «гуся», четверти, самогон цвета жидкой извести, лапались совсем бесстыжие. Парень в картузе и бархатной жилетке рвал трехрядку и орал песню про Александровский централ.

Разговоры часто заходили о стройке, на которую ехали многие.

Напротив Лукьяна мостился ладный мужичок, круглоголовый, широкий и сытенький. Мужичок время от времени часто клал на колени белую тряпицу и прилаживал на ней снедь, которую, жмурясь, наощупь, вытягивал из холщового сидора. Огурчик в пупырышках, кусочек салца, луковицу, хлеб и наполедок — зеленую бутылку с пробкой. Мужик, видать, привык, чтобы его слушали, и говорил с удовольствием.

— Как нам теперича на жизнь смотреть, с какого боку на ее смотреть? — и обегал слушателей цепким глазом, —

а и не надо сбоку, будем прямо. Мы теперь государству нужные. Нужные, заметьте. Без нас государство — нигде. Будет заработок, крыша над головой и прочие удовольствия. Работай — и шабаш. — Мужик выпивал свое из горлышка, прятал меж губ огурчик. Он никого не угощал, и это Лукьяну не нравилось. Лукьян робел и боялся высказывать на станциях за кипятком, да и посуды не было подходящей. Ел всухомятку или выпрашивал у добрых людей кружечку и наливал воду из бака, чтобы не драть горло сухой коркой.

В пути отстал парень с гармошкой, это событие несколько встряхнуло публику: одни сочувствовали, другие осуждали — «лакать ее меньше надо!», ну, а основная масса оставалась равнодушной, у каждого была своя неотступная думка, и он ее думал. Новую жизнь начинать не так-то просто. Лукьяна, между прочим, точило беспокойство: все тут, а кто же хлеб сеять остался? В кармане у него было пятьдесят копеек, проест он эти деньги, а дальше? Хотя милостыню проси или ложись да помирай.

Худо-бедно доехали.

Стояло ясное утро, крепко подмороживало.

Высыпали из вагона, разморенные нездоровой духотой. Осмотрелись. Смотреть было не на что: кругом — голым-голо. Вниз с пригорка спускалась дорога, местами застеленная бревнами, усыпанная хвоей. По обе стороны дороги горбатились крышами бараки, дальше, сквозь негустое марево, размыто проступали трубы, пробивались дымы разных цветов и железные ребра цехов. Оттуда, снизу, если прислушаться, полз негромкий гул, слитый из множества звуков. Так издали шумит на перекате река.

Слева поднималось солнце, и туман над горами напоминал клюквенный кисель.

У вокзала в старых тополях возились галки.

Гамузом подались оформляться.

Лукьяна определили на земляные работы. Завитая девица подала через окошко ржаную бумагу и велела расписаться не мешкая, потому что сзади напирал приезжий народ. Лукьян помялся и сказал в окошко по возможности тише:

— Неграмотный я, вот что.

— Крестик ставь, деревня!

Поставил крестик и, потев, выскочил из очереди. Гроза, слава богу, миновала. Он опасался, что без грамоты тут делать нечего.

К вечеру определился с жильем.

Барак напоминал внутренность непросушенного мешка — был он узок, темен, под ногами хлопала водица. Ночами донимали клопы, от которых не было ни спасу, ни отбоя. Уж чего только ни пробовали — и полы на ночь водой заливали, и полынь клали под матрацы, и кипятком углы шпарили, но животина была неистребима.

«Ежедневно на станцию Кузнецк прибывали вербованные и самотечные рабочие. В среднем по сто человек в день. И по сто человек в день убегало... Все говорили об одном — бежать, бежать, пока не ударила зима» (А. Бек, «Почтовая проза»).

Но то бы еще ничего — и холод, и грязь, и клопы. Подступал голод. Хлеб стоил десять копеек килограмм, стандартный казенный обед — пятнадцать. Лукьян Викторович Селицкий забыл напрочь имена и фамилии многих, с кем работал, жил и спал рядом, но цену хлеба не забыл. Итак, килограмм в день. Пятьдесят копеек — пять дней, потом наступила слабость, пришло безразличие. После смены Лукьян заваливался на нары, чтобы меньше двигаться, и в тяжком сне чудилось ему, будто мать,

живая, печет хлеб круглыми караваем, как бывало, в доме пахнет квашней, парным молоком и калеными семечками.

Вечерами в барак наведывался беседчик из комсомольского актива, гололобый и тощий парень в потертом кожане. Парень долго разматывал вишневое кашне с тощей шеи, кашлял, приглашая героических строителей мирового гиганта подвигаться ближе, и начинал бойко калякать о происках буржуазии, о временных трудностях на площадке, а то звал грузить кирпич.

— Я исключительно в курсе, — говорил активист, — о чем хотите спрашиваете — отвечу.

Лукьян Селицкий насмелился и спросил про домну, потому что его бригада как раз начинала рыть под нее котлован.

— Домна... Это, понимаешь, друг, такой агрегат (у нас будут самые крупные в мире), который производит металл поточным способом. Процесс исключительно механизированный, и обслуживать его будут специалисты в белых халатах. Печь, значит, топится круглые сутки без перерыва. Приборы, когда надо и следует, покажут: «Готово, товарищи советские пролетарии!». Подходит человек в белом халате, нажимает красную кнопку, открывается заслонка, жар, огонь и порядок.

После Селицкий часто вспоминал шустрого парнишку в комиссаровском кожане. И не сердился на него: врать был здоров, не отнимешь, но ведь так и будет когда-нибудь — и белые халаты, и красная кнопка, и тихая чистота. Все будет. На его век, правда, не досталось этой благодати, ну, так — каждому свое.

На пустое брюхо какая там лекция, но Лукьян тогда твердо определил себя, что со временем, дай только срок, обязательно попросится в цех нажимать

красную кнопку и добывать металл для плугов и кораблей.

...Почти неделю не было у Лукьяна во рту и маковой росинки, лежал новичок на соломенном тюфяке, твердом, как старая лепешка, глядел в потолок и стойко мучился.

— Айда жрать, деревня!

— Охоты не имею.

Раз так отказался, другой, третий, и ребята догадались: нет у человека мочет и человекдохнет.

— Индивидуалист ты, сволочь! — сказали, — слезай, ешь.

Слово было городское, обидное, но Лукьян слез с нар. Собрали ребята по тумбочкам у кого что было, подкормили, денег дали маленькую толику. Так и дотянул до первой полочки, помаленьку заборол нужду.

Многое уже забылось.

За два года работы у Лукьяна было несколько больших событий: вступил в комсомол, стал ударником, но не то самое главное. В апреле 1932 года вызвал Селицкого мастер.

— Или тебе, Лукьян, золотые часы с дарственной, понимаешь, надписью, или, значит, Москва. Там совещание по хозрасчету, а ты у нас — лучший. Тебе и честь.

— Часы мне твои совсем даже ни к чему, вот что. В Москву посылай. Только не заплутаю ли там, город ведь огромный?

— Голова-то, поди, есть на плечах, не тыква, поди.

После Москвы сдал Лукьян мастеру своему брошюру о хозрасчете и твердо заявил, что уходит на домну.

— Не век же мне в земле копаться! Кругом к свету тянутся, а я разве хуже других?

Отпустили.

А куда им было деваться!

ЧУГУН В КУЗНЕЦКЕ

«...135 рабочих, живущих в бараке № 144 и № 12, ознаменовали пуск домны вступлением в ряды ударников. 6 человек подали заявления о вступлении в ВКП(б), 7 молодых ударников вступили в комсомол».

ТЕЛЕГРАММА В МОСКВУ

«МОЛНИЯ»

«Выдали первую плавку чугуна в 64 тонны. Чугун прекрасного качества — 4 процента кремния. Все агрегаты и сама домна работают совершенно нормально».

(Газета «Большевицкая сталь» за 4 апреля 1932 г.)

«Ты вот интересуешься, пускали я первый чугун? Пускал. Но я был тогда мухой на рогах вола, который нахал. На подхвате был, домны еще побаивался — хрипит она и сердится чего-то, не дай бог. Мой срок еще не наступил».

(Из рассказа Л. В. Селицкого)

Сейчас трудно воссоздать картину сорокалетней давности во всей полноте и с достаточной четкостью. В истории завода пишется о том, что когда была задута первая домна Магнитки (31 января 1932 года), секретарь Новокузнецкого горкома партии Р. М. Хитаров пригласил к себе главного инженера строительства И. П. Бардина. Секретарь горкома хотел знать точный срок пуска первой домны у нас. Бардин ответил секретарю следующее: пускать печь только для того, чтобы объявить об этом, не стоит. «Мы должны выдержать характер, — сказал Бардин, — и пустить завод, а не цех».

В феврале 1932 года началось опробование всех механизмов первого в Сибири и мощного тогда агрегата, сушили печь дровами — по настоянию американского консультанта Фергюсона-

старшего. Консультант был упрям, осторожен и не хотел терять престижа (он на своем веку пустил 24 домны, которые, кстати, в 1932-м году были все погашены по причине жесточайшего экономического кризиса). Фергюсон и другие американские специалисты не спешили, зато спешили неистовые русские — для них чугун был той вехой, откуда начинались самые важные и ощутимые победы.

После нелепых дебатов между русскими и заморскими инженерами была наконец дана команда загружать домну. Лежащий засыпали сварочным шлаком, потом уложили кокс, дрова, и обер-мастер Лаврентий Кузьмич Ровенский распорядился пустить скип, потом воздуходувка дала первые кубометры воздуха. Горновые калили на огне длинные пики, чтобы одновременно просушить их через фурменные отверстия и зажечь дрова.

На литейном дворе днем и ночью толклись сотни людей — своих и чужих. Кто помогал, кто и мешал. Были отпечатаны и розданы строго по списку приглашительные билеты, но затея, конечно же, не оправдала себя: кто может задержать горный поток бумажной плотной. Смешно!

В этой толпе был и мой герой — Лукьян Викторович Селицкий. Он разгребал мусор на литейном дворе и украдкой косился на печь, искал ту самую створку, что должна в определенный момент открыться, словно дверь, и дать дорогу чугуну. Он завидовал обер-мастеру Ровенскому. Этот человек господствовал, ему подчинялись все и беспрекословно. Он давил мощью, богатырским сложением, топыристыми усами. Голос Ровенского, старейшего доменщика юга России, говорят, был слышен аж в заводоуправлении. Одним словом, фигура, редкий самородок, выученик беспощадной школы царских времен.

Селицкий подвинулся к одному горновому, дядьке неласкового вида, откашлялся в кулак и, кося глазами, осведомился: сколько, дескать, надо лет, чтобы сделаться непременно таким, как Лаврентий Кузьмич? Дядька, не помедлив, без улыбки ответил: полагаю, годов сорок.

У Селицкого отлегло от сердца — тогда ему казалось, что сорок лет не так уж и много, он был молод и искренне верил, что жить ему вечно. Через три месяца, будучи уже старшим горновым, встретил того дядьку и, сплюнув под ноги, сказал:

— Это тебе сорок лет еще муржиться, а мне меньше — я, вишь, способный.

Теперь бы он так не отшил человека, но тогда он был зелен и жил простыми понятиями.

Впрочем, я забежал несколько вперед.

...В 7 часов 50 минут по местному времени первого апреля в домну пошло дутье. Ровенский яростно покрутил ус и впервые, кажется, улыбнулся.

— Ревет, матушка, как Днипро!

3 апреля в 6 часов 30 минут утра, ровно через два года после того, как была вынута первая лопата под котлован, из домны рванул чугун. Выдавала его вторая бригада под руководством мастера-южанина И. Е. Гончарова, старшего горнового Яснова (имя и отчество его выяснить не удалось) и сменного инженера Б. Н. Жеребина.

Рассказывают, что первую партию чугуна, шестьдесят четыре тонны, всю как есть растащили на сувениры. Может, преувеличивают очевидцы. Я лично верю: могли растащить.

Газета «Большевистская сталь» писала, что А. С. Филиппов, человек-экскаватор, знаменитейший землекоп, чьи рабочие рукавицы хранятся и поныне в музее Революции, первый и последний раз сочинил стихи.

ДОЛГИЕ-ДОЛГИЕ ГОДЫ

«Борис Николаевич Жеребин, наш директор, часто писал из Бхилаи: «В порядке ли могила Семена Николаевича Болгова? На месте ли Лукьян Викторович Селицкий? Передай ему привет. Обязательно!»

(Из рассказа бывшего референта директора КМК И. П. Чиркова)

«Кузнечные доменщики преподнесли незабвенный дар миру».

(В. Величко. Послесловие к повести «Огонь человеческий»)

Если не ошибаюсь, с полгода назад Селицкий получил с юга письмо такого содержания: «Лукьян, напиши ты мне справку, что у тебя в подручных ходил, два года, ты понимаешь, не хватает горячего стажа. Оформляю пенсию. Я свое отбарабанил, пусть молодые стараются. А ты, говорят, еще ничего — и волоска седого нет на твоей голове. Ты, Лукьян, выдать, железный!».

Лукьян Викторович, сколько ни ломал голову, не мог вспомнить за фамилией лица. Отписал назад: «Ты мне, товарищ дорогой, фотографию пришли, не поленись, узнаю — получишь ты свою справку. Зачем нам с тобой Советскую власть-то обманывать». Получил вскоре фотографию, и все поставилось на место: точно, был такой, на шлаковой стороне стоял. Ничего, справлялся.

Старшим горновым Селицкий, повторыю, был уже через несколько месяцев после того, как появился на домне. Случай, даже по тем временам, исключительный. Отметил его сам Ровенский вот после какого момента.

Открывали летку все на той же первой печи. Через канаву, как заведено, перекинули железные листы, Селицкий

встал на колени со сверлом, чтобы нащупать отверстие и тут замер: фурма над леткой была вся красная, она как бы набухла, пучилась на глазах. Он, новичок, зная уже, что такого не должно быть, закричал истошным голосом, предупреждая ребят, которые стояли за его спиной. Только успели отскочить на шлаковую сторону, как из фурмы упала, дробясь ручьями, громко и тяжело упала, струя металла, заливая литейный двор. Еще, может, секунда или две — и не уйти бы никому.

Обежали домну рысью, запалась от ужаса пережитого, а там вахта с винтовками, штыки в пузо и не пускают.

— Но как же так?!

— А вот так. С нас тоже спрос.

Выручил Ровенский, он был желтлицом, и знаменитые его усы никли.

— Все живы, ну?

— Все, Кузьмич.

— Ну, спасибо тебе, Лукьян! Вот уж спасибо, хлопче!

— Это ничего, Кузьмич. Ничего...

На Селицком тлела роба, дымилась деревяннные подметки ботинок, но он не замечал ничего, не замечал, что тихонько горит и тлеет: сам Ровенский должное отдавал!

Замечу попутно: за долгие годы в смене Селицкого не было ни одной аварии по его вине.

В начале этой подглавки была процитирована строчка из послесловия к повести В. Величко о том, что кузнечные доменщики преподнесли незабвенный дар миру. Величко имел в виду прежде всего Степана Евстафьевича Бойко. Это он весной 1936 года впервые в истории мировой металлургии закрыл чугунную летку на полном ходу печи. Доменный процесс стал, таким образом, непрерывным, и резко увеличился выход товарного металла. Все правильно. Но на счету наших доменщиков не один этот дар. Инженерная мысль искала, дерза-

ла и находила новое непрерывно. Тоже правильно. Но обращает на себя внимание еще один важнейший и непреложный факт: здесь, на КМК, как, может быть, нигде, проявил себя с первых дней и прочно утвердился новый тип рабочего-новатора. И Лукьян Викторович Селицкий безусловно один из них.

Иван Платонович Чирков, бывший референт многих директоров. Кроме того, он человек пишущий. С его орбиты, как выразился один журналист, очень часто соскакивают положительно заряженные электроны. Не берусь судить, правильно ли это будет с точки зрения физики, но образ есть образ. Иван Платонович тонко понимает, что нужно нашему брату-литератору, и его оценки вряд ли подлежат сомнению.

Как-то я поинтересовался у Чиркова: за что же уважал Селицкого, например, Борис Николаевич Жеребин, видный в наши дни ученый-доменщик, а в недалеком прошлом и не менее видный практик.

— За великую преданность делу и талант,— был ответ.

Лукьян Викторович Селицкий начал закрывать летку на полном ходу едва ли не одновременно с Бойко и делал эту операцию с непревзойденной четкостью. В те времена, когда у домен стояли слабосильные паровые и пневматические пушки, не каждый мог и не каждый решался мгновенно осушить русло чугунной реки.

Домна теперь — сложнейший агрегат, однако и сейчас это производство самое, пожалуй, тяжелое в металлургии. Многое осталось еще от пращуров. Возьмем канаву (то самое русло, по которому бежит к ковшу жидкий чугун). Канавную массу (она состояла раньше из специальной глины) меняли каждую смену. Я не говорю уже о так называемой распределительной коробке.

Селицкому с самого начала не нра-

вился негритянский этот труд — долбить спекшуюся массу ломом, укладывать тут же новую, трамбовать ее и сушить. Лукьян думал неотступно, колдовал. Как-то, осмелев, но втихую, вместо песка одну сторону распределительной коробки обложил леточной глиной, затем выложил глиной все четыре стороны, и она, коробка, выдюжила целых двенадцать дней. Так, хорошо. Идем дальше.

В сентябре 1932 года Селицкий после смены решил канаву не ломать, он трезво рассчитал, что она может выдерживать сутки, а то и больше, он восстал против инерции.

Заступила вторая бригада. Увидели ребята такое безобразие и сразу на дыбки:

— Почему не сломали?

— Она еще постоит, зачем зря пупрывать?

— Ломайте!

— Не буду!

Сцена получилась неприличная. Лукьян Селицкий схватил лом и пригрозился трахнуть этим нелегким и немягким предметом сменщика (кажется, Зекцера) по дурной его башке. Старших горновых с немалыми хлопотами растащил Лаврентий Кузьмич Ровенский.

Отдышавшись, Селицкий сказал:

— Я останусь. Если канава не выдержит, сам сроблю.

Осталась вся его бригада.

Ничего чрезвычайного, конечно, не случилось. Селицкий устал, издергался, и когда они гурьбой покидали цех, хотел издали показать Зекцеру дулю, но только махнул рукой: пусть их!

Первый шаг сделан, за ним будет второй, третий... Путь долог, бесконечен.

Селицкий обратил внимание, что канавная глина после выпусков сильно спекается и прилипает к кирпичу — не оторвешь. Можно же, наверное, найти такой состав, который бы держал чу-

гун дольше и отскакивал от основания легче. В ход поначалу пошел коксик, просеянный через ситечко и смешанный с глиной. Старший горновой насеял в свободное время два ведра и сам закрыл своей «кашей» метр канавы. Для пробы. Простоял этот кусок преспокойненько двое суток, был гладок, как яичко, и даже вроде весел на вид. Постепенно Лукьян Викторович нашел оптимальное решение: коксик, пек, глина. «Век» канавы — четверо суток, а то и больше — вся неделя. Было оформлено рационализаторское предложение. Но минули, к сожалению, многие годы, прежде чем новое нашло применение. Теперь канавную массу меняют раз в неделю, а то и полторы.

Рассказать о Лукьяне Викторовиче Селицком более или менее подробно в очерке невозможно. Я не упомянул о том, что горнового-инструктора часто

поднимают ночами по телефону и зовут в цех, когда случаются ЧП, не сказал о том, что с помощью этого редкого специалиста в рекордно короткие сроки устранялись сложнейшие неполадки на печах. Да мало ли чего еще не сказано, о чем не поведано...

В юбилейный день обер-горновой Лукьян Викторович Селицкий собирается подать в отставку. Даже он, железный и неустанный, устал. И не будет больше у печей ни одного доменщика «первого призыва». Грустно, конечно, но что поделаешь — жизнь бежит...

До свиданья, Лукьян Викторович!

Мы с Вами встретимся, попробуем вспомнить забытое, восстановить пропущенное — для истории, для детей, которые не ведали лиха потому, что были Вы. Было много таких, как Вы.

До свиданья, Лукьян Викторович!

Владимир Поташов

ЗЕМЛЕ

Земля, родимая до боли,
Как веки врезались, остры,
В мою судьбу, в мои мозоли
Твое картофельное поле,
Твои кострища и костры.

Ты разметнулась — не истопать,
Слезой людской не оросить.
Ужели я мастак лишь лопать.
Да милостей твоих просить!

Поверь же мне, пока живется,
Пока я твой топчу песок,
Моя стезя не повернется
Твоей судьбе наискосок.

Мне рук не мыть в крови лебяжьей,
Мне колос разминать в горсти
И на краю могилы влажной
Сказать последнее прости,

И душу живу и повинну
И тяжкую свою любовь —
Они твои, от крови кровь —
Сложить к ногам, как должно сыну.

Небо вспыхнуло гробом
По-над крышами домов,
Осветило полосой
Нитки синих проводов.

И канаву светом блеклым,
И дорогу и ветлу.
Неожиданно и мокро
Ветром брызнет по стеклу,

Пошатнет сырые колья,
Мураву к земле пригнет.
И безжизненной болью
Душу вдруг захолонет.

Словно больше не услышишь
Ни одиножды, нигде
Предосенней пляски крыши
На ветру и на дожде,

Словно будет где-то в прошлом:
Ночь, секущая глаза,
Где трассирующей прошвой
Сыплет по небу гроза.

Исполнен ребячьего хмеля,
Не я ль у петровских ботфорт
Стоял в фезеушной шинели
И чист, и наивен, и горд.

Матросы шагали проулком,
Мелькали девчачьи платки,
И весело, буднично, гулко
В порту заливались гудки.

И я, ремесленок с подковой,
Само удивление и страх,

Как денежка в кружке церковной,
На гулких звенел площадях.

Вишу на подножке трамвая,
Разинув по-галочки рот,
Потом ленинградка седая
Мораль мне за это прочтет.

Я с этой старухой не спору,
Я выучке будто бы рад:
Старуха седая, как море,
И строгая, как Ленинград.

Давно это было, признаться,
Как росчерк минувшего сна...
И лет-то мне только пятнадцать,
Всего лишь пятнадцать, пятна...

Рыжеет полоска заката,
Ограда повита плющом.
И все это было когда-то
И будет наверно еще:

И ржавь на мортирах кургуzych,
И Петр на тяжелом коне,
И вечная юная муза,
И колокол, бьющий во мне.

●
Прощаюсь с августом.
Рассвет.
Стерня.
Роса.
Кустарник колкий.
Сквозь поле дымное нет-нет
Удар последней перепелки.
С одоньев воронье падет
И разлетится с криком длинным.
Обетованный день грядет,
Махая факелом рябины.

Зинаида
Чигарева

ТАКИЕ ДЕВЧОНКИ...

РАССКАЗ

«Вот и все.»

Сзади тяжело бухнула дверь, будто поставила точку. На улице все было так же, как и полчаса назад, когда Алешка входил в эту дверь. Шурша и взвизгивая тормозами у перекрестка, катили машины. Проходили люди: молодые, старые, задумчивые, веселые, озабоченные...

«Вот и все!» — повторил Алешка и, как бы стирая паутину, провел рукой по лицу. В груди была пустота. Сердце задышалось в ней, ворочалось больно и трудно. Алешка вдруг испугался, что кто-нибудь из знакомых увидит

его возле этой двери. Он засунул блокнот поглубже в карман и пошел прочь. Ему было безразлично, куда идти и что делать. Отныне это не имело никакого значения. Потому что все, ради чего он жил до сих пор, что наполняло его душу ощущением праздника, давало крылья для взлета, все рухнуло, разлетелось вдребезги.

Женщина в редакции, к которой его направили, собиралась уходить. Стоя, она искала что-то в сумочке. Увидев его, отложила сумочку и села.

— Ну, что там у тебя?

Она читала Алешкины стихи, и на ее плоском усталом лице не отражалось никаких чувств, никаких душевных движений. Алешка смотрел на желтоватые пальцы, спокойно листающие страницы блокнота, и вспоминал, как по утрам просыпался он, задыхаясь от теснившего грудь восторга, как, торопясь уловить самые необыкновенные, самые красивые слова, хватался за карандаш. И они приходили, эти слова, и он верил им, и потом еще долго лежал у окна, распахнутого в предрассветную прохладу институтского сада, и лицо его пылало, и сердце стучало так гулко, что он исподтишка оглядывался на спящих рядом товарищей.

Потом в его стихи пришла Лидочка Завальнюк со своей ленивой улыбкой, рассыпчатыми волосами и маленькими позолоченными пантолетками, которые она постоянно роняла с ноги на больничной лестнице. Вместе с Лидочкой Завальнюк пришли в его стихи страдания неразделенной любви. Он знал, что Лидочка никогда не снизойдет до такого невидного парня, как он. Другое дело, если б он был Вовкой Федосеенко с его бицепсами культуриста и славой факультетского спортивного светила... (правда, Вовка — круглый дурак, но это ничего, это даже модно теперь — дурак). Или же фтизиатром Прокоповичем с его прогрессирующей лысиной и внешностью известного эстрадного певца Льва Лещенко... Он же был просто Алешкой Кругляковым, второкурсником с лечебного факультета. Рост 174 сантиметра. Размер обуви сороковой. Потому надеяться ему было не на что.

Выручали стихи. Они приходили к нему в самый критический момент, и все его горести и обиды, переплавленные в ритмичные, похожие на заклинание строчки, теряли остроту, приносили облегчение и даже своеобразную радость... Что ж, Лидочки приходят и уходят, зато у него есть счастливая тайна, заповедное сокровище, и этого не отнять у него никакими силами.

Но как он, однако, заблуждался!

Женщина прочитала стихи и улыбнулась. И эта покровительственная, жалеющая улыбка открыла Алешке все. Сквозь звон в ушах он смутно слышал, что говорила ему женщина, возвращая блокнот.

Алешка не помнит, как он сбежал по лестнице и вышел на улицу. Только гулкий удар редакционной двери привел его в чувство.

Часы возле почтамта показывали без четверти десять. Он мог вполне успеть в больницу — там, в третьем корпусе терапии, проходит практику их группа. Но мысль о том, что его постную физионо-

мию увидят ребята, увидит Лидочка Завальнюк, заставила Алешку замедлить шаги. Хорошо еще, что ни одна душа в группе не знает, куда его понесло с утра пораньше.

Алешка завернул за угол. Прямо перед ним широко и просторно разметнулось синее полотно реки. На желтеющей кромке пляжа темными значками рисовались немногочисленные загорающие. Плотная тишина над водой гасила далекий уличный шум, и каждый звук здесь — будь то детский крик, вспышка смеха, отдаленный говор — не нарушая этой тишины, обретал чистоту и ясность музыкального аккорда.

На берегу Алешка разыскал небольшую впадину (когда-то здесь, наверное, проходил овраг, его заволокло песком, и вот осталось едва приметное углубление), разделся, лег на холодноватый песок и закрыл глаза.

Рядом жила река. Алешка чувствовал на теле ее прохладное дыхание, слышал вкрадчивый монотонный шепот. Нет! Он не будет, он не хочет думать ни о чем! Вот будет лежать так — и все тут; и гори все они синим огнем — и Лидочка Завальнюк, и редакторша! Тоже мне, выискалась, великий знаток! «Поете, мол, с чужого голоса... Ничего своего — ни мыслей, ни образов, ни интонаций...».

Да что бы она понимала в поэзии? Щи бы лучше варила своему мужику да бегала по магазинам! Алешка уже готов был, как за соломинку, ухватиться за спасительную мысль, что его не поняли, не оценили, как немедленно появилась другая, простая и беспощадная: редакторша здесь ни при чем — все дело в том, что он, Алешка Кругляков, бездарь и типичное ничто.

От этого ужасного открытия Алешку бросило в жар. Он приподнялся и сел, уставившись в одну точку. Вот это да! Вот это номер!

«Так тебе и надо, гений в лаптях! — горько издевался над собой Алешка. — Мечтал еще «глаголом жечь...». Наяву видел, как потрясенное человечество со слезами благодарности возносит его на вершину славы. Извольте-ка, дорогой товарищ, спуститься на грешную землю и превратиться в обыкновенного нормального человека, как тысячи тысяч других...».

Внезапно до Алешки донесся чей-то смех. Был он тоненький, стеклянный — словно мелкие бусинки позвякивают, сталкиваясь друг с другом. Алешка оглянулся и увидел — ее. Эту девочку!

Девчонка сидела на корточках у самой воды и ловила солнце консервной банкой. Солнцу никак не хотелось сидеть в банке — оно выплескивалось и стекало огненными каплями по ее тонким рукам. Девчонка смеялась.

«Ишь резвится, счастливая! — думал Алешка, наблюдая за девчонкой. — Солнышко, речка, ржавая банка из-под шпротов или частичка в томате — и больше ей ничего не надо! Хотя что взять с такой? Пацанка еще, пшено... А другие-то как, те, которые взрослые? Не все же гении, не все таланты. А живут — и хоть бы что. Вон их тут сколько — весь пляж усеяли, несмотря что пятница, рабочий день: валя-

ются на песке, в реке плещаются, жуют бутерброды, смеются — и никаких тебе печалей!».

Девчонке наскучило ловить солнце. Она выпрямилась и стала похожа в своем красном купальнике на отраженный в синем стекле язычок пламени. Колеблясь и вздрагивая, точно под ветром, сделала несколько робких шажков по воде, однако забираться глубоко не решилась, а быстро присела тут же у берега, подняв целый фонтан радужных брызг.

«Зачем вы, девочки, красивых любите?» — донесся до Алешки срывающийся высокий голосок.

Напевая про непостоянную любовь, девчонка улеглась на мелкоте и, держась для страховки за большой прибрежный камень, принялась сосредоточенно молотить ногами по воде. Теперь Алешка видел ее лицо, худенькое, узкое, большеглазое. На щеки и лоб свисали прямые редкие прядки. Некрасива она была, эта кроха. Алешка почувствовал жалость к ней и на какое-то время отвлекся от созерцания собственных бед.

«Зачем вы, девочки, красивых любите? — что бы ты понимала в этом? Вот погоди — вырастешь да хлебнешь горького до слез, небось запоешь не так. «Красивых любите...». Мужчине красота все-таки не так важна. Другое дело — женщина. Для нее в красоте единственное оправдание. А тебя, мое золотце, ждет то же самое, что приключилось сегодня со мной — все корабли на дно и никаких надежд. Но ты-то пока ничего этого не знаешь...».

Стоп! Еще одно открытие! Алешка мотнул головой и усмехнулся. Ну и денечек — одни сплошные открытия! Он ведь тоже считал себя в общем-то счастливым, пока ему не сказали всей правды о его стихах, пока он не знал. Что ж, выходит, счастье — незнание, неведение? Может, и у всех людей так же? Просто они знать не знают, ведать не ведают, что жизнь их ничемна, неинтересна? А им-то она, пожалуй, представляется исполненной большого благородного смысла. Забавно! Так ведь можно весь свой век прожить — и не узнать горькой истины.

Алешка набрал горсть песка. Тонкие желтые струйки потекли между пальцами...

Ей-богу, еще вчера все было прекрасно. Еще вчера, ощущая под сердцем сладкий холодок вдохновения, он повторял в телячьем восторге: «Милая, ясная, ты как солнце восходишь над сумерками дней моих...». Фу! Натуральная пошлость. «Восходишь, как солнце...». А он еще набрался нахальства — потащился в редакцию журнала с этой мурой. Тоже мне — юное дарование! Вундеркинд! Поразить хотел честлюбивое сердечко Лидочки Завальнюк, чтобы она не расточала свои блистательные улыбки этому живому весу — Вовке Федосеенко или стареющему красавчику и кандидату наук Прокоповичу...

Девчуха вылезла из воды, жалкая, смешная, похожая на опипанного куренка. Даже ее яркий купальничек и тот, кажется, посинел

от холода. Чтобы разогреться, она принялась скакать туда-сюда на одной ножке.

Вот ведь женщины! Торчит тут рядом с ним — и ноль внимания. Будто его вовсе нет или он не живой человек, а так — камень, дерево, пучок травы. Какая-то зачуханная пацанка и, пожалуйста! — этакое пренебрежение!

Алешка поднялся, стряхнул налипший на кожу песок, постоял немножко — полюбовался пейзажем — и, как бы между прочим, вроде чтоб маленько размяться, сделал стойку на руках. Вышло вполне прилично. Стоило рискнуть пройтись колесом. Он, конечно, не чемпион, но тоже кое-что может.

Проделывая свои курбеты, Алешка исподтишка вел наблюдение за девчонкой. Она, разумеется, сделала вид, что ничего особенного не происходит. Однако хватило ее ненадолго. Вот уже готова — встала столбиком, лапки прижала, глаза блестят. И странно, она уже не выглядит такой уродкой. А как мало, оказывается, нужно, чтобы прославиться. Встань на голову в нужный момент, и, пожалуйста, успех обеспечен, на тебя уже смотрят почти как на героя.

Алешка горько усмехнулся — нечего сказать, докатился! И нарочито не замечая девчонки (пусть не думает, что это он ради нее устроивал представление), сбежал к реке.

Стремительное тело почти без всплеска ушло в синевато-зеленую мглу. Прохладная вода приятно обожгла кожу. Алешка вынырнул, вдохнул глубоко полной грудью и поплыл к середине реки, разрезая скупыми, точными взмахами плотную водяную массу. Ее упругое сопротивление вызывало в мышцах радостное напряжение, наполняло тело ощущением здоровой молодой силы.

Что ж! Великий поэт Алексей Крутяков не состоялся. У маленьких людей тоже есть свои маленькие радости. Живут же другие — будет жить и он. Выучится на врача. Обзаведется женой и квартирой. приобретет японский костюм и голландские туфли. Вот и все! Предел мечтаний. Покладистая синица вместо заносчивого журавля.

А публики все прибывало. Можно было подумать, что целый год, забросив дела, устремился на пляж, чтобы не упустить скупого тепла короткого сибирского лета. Солнце, будто сочувствуя сибирякам, старательно поджаривало их бледные тела.

Ну вот — здравствуйте, пожалуйста! К немалой своей досаде Алешка обнаружил, что его укромное местечко облюбовала пышнотелая особа в лиловом купальнике. Расположилась, как дома за самоваром, в окружении свертков, кульков, авосек и пухленького амурчика лет пяти-шести.

Алешка отнюдь не обрадовался новому соседству. Давишняя девчонка была куда терпимее. А, кстати, где она? Он пошарил глазами по пляжу, выискивая красное пятнышко. Ему показалось, что он видит знакомую маленькую фигурку, но, приглядевшись, понял, что ошибся. Девчонки нигде не было видно. Пропала девчонка. Алешка даже забеспокоился, но тут же не без ехидства одернул себя:

«Нет, вы только гляньте на человека! Нашел о чем тревожиться! И чего она далась мне, эта пигалица?».

Возвращаться на свое место, в общество лиловой толстухи и ее наверняка избалованного дитяти, для него было просто нож острый. Он развернулся и поплыл вверх по течению — подальше от пляжного многолюдья.

«Сколько же все-таки развелось народу на белом свете! — думал Алешка, преодолевая встречное движение воды. — Прямо некуда деться человеку».

Каменистая осыпь, где он решил бросить якорь, не сулила никаких удобств, и потому падкие на комфорт купальщики обошли ее своим вниманием. Алешке пришлось уподобиться индийскому йогу, танцующему на битых бутылках, пока он разыскал каменную плиту, более или менее пригодную для соприкосновения с обнаженным человеческим телом, и уселся на ней.

Камни... камни... одни мертвые камни. Вверху небо и одинокое облачко в нем. Река здесь тоже пустынна. Солнце дробится в ее зыбком стекле, и река качает на себе и несет в неведомые дали его золотые скорлупки. Вокруг ни души, и, если б не приглушенное многоголосье пляжа, Алешка вполне мог бы представить, что он очутился на необитаемом острове. А это и было как раз то, что ему нужно.

У самых Алешкиных ног вытянулся чахлый стебелек, желтая звездочка цветка была развернута к солнцу.

«Ишь ты, — подумал Алешка. — Пробился между камней и — ничего, живет, цветет даже. И речка — льется себе, льется — и горя мало. Солнце тоже жарит вовсю — не тушется. Вот ведь, существует все кругом и не мучится, не болеет этим, как ты болеешь собой, не бьется над проклятыми вопросами, что сделать, как примириться с собой, принять себя таким, каков уж ты уродился, и не требовать, не желать от себя большего, чем ты можешь дать».

Алешка вдруг почувствовал страшную усталость, как будто он всю ночь грузил кирпичи. Может, потому, что ему пришлось плыть против течения? А скорее всего давала знать о себе та болячка, что обосновалась где-то внутри под ложечкой и теперь не дает ему житья — ноет, саднит, не переставая. Ну, это уж никуда не годится! Должен же быть в конце концов какой-нибудь выход?

А что, если взять и войти вот сейчас в эту воду — вон она какая ласковая, шелковистая... Идти... идти до тех пор, пока она не укроет всего тебя с головой. Там лечь на дно и заснуть. И никаких тебе болячек, никаких беспокойств! Полнейшее отдохновение. Прохлада... покой! Приятное все-таки слово «покой»!

Покою захотел? Юморист нашелся! «Асфикция при утоплении», — вот как называется это в медицине. Да, приятного тут мало! Потом извлекут из речных глубин ваш хладный труп, и Лидочка Завальнюк с брезгливой гримаской на ангельском личике возьмет в руки скальпель. Раз, два — готово! Маленький комочек на узкой ладошке Ли-

дочки Завальнюк — ваше, сударь, мертвое сердце... Нет уж, спасибо! Он как-нибудь обойдется без такого факта в своей биографии...

— Вот он! Да вот же он!

Алешка вздрогнул от неожиданности. Девчонка! Ну да! Собственной персоной — явилась, не запылилась, как будто здесь без нее соскучились. Он и думать-то забыл о ее существовании, а она тут как тут. Да еще кавалера за собой приволокла.

Поодаль от девчонки стоял черноглазый коренастый мальчишка с каким-то свертком в руках.

— Это Генка. Мы с ним в одном классе учимся... А мы тебя искали, искали. Думали уж, потопнул ты, — радостно сообщила девчонка. И такая она была счастливая, такая довольная, словно ей преподнесли вдруг неожиданный подарок.

Алешка молча смотрел в ее сияющее лицо, с непонятным злорадством ощущая, как в нем исподволь накипает, подкатывает к горлу, затрудняет дыхание темная злая волна.

«Они искали! А кто их просил, спрашивается? Неужели трудно понять, что человеку тошно, что нужно ему одно единственное, чтобы никто не лез ему на глаза, чтобы в конце-то концов оставили его в покое».

Девчонка укололась о его ненавидящий взгляд и замолкла растерянная, но глаз не отвела, только посерьезнела и, помолчав, спросила неожиданно мягко и озабоченно:

— Ты чего? Заболел? Или случилось...

— Случилось! — яростно перебил ее Алешка и вскочил на ноги. Видали? Дите грудное, а еще смеет жалеть его! Да что она понимает в жизни? — Ты вот что, — процедил он сквозь зубы, — крошечка-хаврошечка, топала бы своей дорогой и не лезла, куда тебя не просят!

— Да я... — девчонка смотрела на него широко открытыми глазами.

— Надоела ты мне, страшило несчастное! — выкрикнул прямо в эти чистые удивленные глаза Алешка и сам испугался.

«Разве ж можно так? Она же ни в чем не виновата», — но эта тревожащая мысль еще больше распалила его злость.

— Чего ты таскаешься за мной? Чего тебе от меня надо? Проваливай отсюда со своим сопливым кавалером! — мерзким визгливым голосом вопил Алешка, теперь уже ясно осознавая всю нелепость, всю дикость своей выходки.

Девчонка скоро пришла в себя. Она выхватила из рук у мальчишки сверток и швырнула его Алешке. Сверток развернулся, к Алешкиным ногам упали его плетенки, джинсы и футболка.

— Мы к нему, как к человеку. Вещи принесли. Бросает где попало. А он еще ругается, как дурак, — девчонка надменно повела плечиком, совсем так, как умеет это делать красавица Лидочка Завальнюк, и будто ни в чем не бывало обратилась к своему спутнику. — Хочешь, Генка, искупнуться разок?

— Ага! — обрадовался мальчишка, точно она была королева, а

он ее паж и своим приглашением она даровала ему особую милость.— Ты посмотришь, как я теперь умею плавать,— и они запрыгали по камням вниз, к реке.

Алешка так и остался стоять, нелепо расставив ноги, опустив руки и медленно остывая.

«Стыд-то какой! И что это на меня накатило? Идиот! Нашел на ком злость срывать!».

Он лег ничком на камень, прижался к его шершавому боку, как будто хотел от кого-то спрятаться, хотя поблизости опять не было ни души. Рядом цвиркала одинокая пичуга. Пляж, отделенный от Алешки невысокой каменной грядой, жил своей беспечной легкомысленной жизнью. А он лежал тут один, никому не нужный, и сердце его разрывалось от жалости к самому себе. До чего же он все-таки несчастный одинокий человек! Как было бы славно, если бы вдруг рядом с ним оказался друг, способный понять его, поддержать в такую вот тяжкую минуту и даже пожалеть немножко. Ему-то он, конечно, мог позволить и такое. Алешка попытался представить в роли этого друга Лидочку Завальнюк. Но она, возникнув в его воображении, улыбнулась снисходительно, отчужденно, и Алешке показалось, что его ударили в больное место.

Так страдал Алешка, лежа на сером шершавом камне, пока не задремал. Как это случилось, он и сам не заметил.

Разбудил его звук, возникший внезапно, как сигнал тревоги. Слабый детский крик взлетел над рекой, коснулся затуманенного Алешкиного сознания и растворился в пространстве, оставив после себя ощущение смутного беспокойства.

Алешка стряхнул остатки дремы и прислушался.

—...ите! ...ите! — будто крошечная раненая птичка вспархивает, бьет крылышками и, теряя силы, падает вниз.

Алешка вскочил на ноги, но не побежал, а, постояв в раздумье, сел на прежнее место. Куда бежать-то? Вон там их сколько, людей. А ему все равно не успеть... Да и какое ему дело до того, что происходит там? Он напрочь отрезан от них, он, как Робинзон на необитаемом острове, со своей болью — верным своим Пятницей.

Но какими убедительными ни казались Алешке эти доводы, им не удалось усыпить его встревоженную душу. Однако напрасно настороженное ухо просеивало отдаленные шумы, ничего подозрительного обнаружить теперь не удавалось. Пляж продолжал свое беззаботное существование. Кто-то принес магнитофон — хриплые мужские голоса с подвыванием славил на всю округу толстого Карлсона из детской сказки.

Алешка успокоился. Тревога оказалась ложной. Не иначе, пацаны раздурачились. Вот ведь народец! И без того несладко, так они еще на нервы действуют.

Малое облачко, одиноко висевшее в небе, выросло, распушилось и накрыло Алешку своей тенью. Потянуло холодком. От лежания на жестком камне занемел бок. Алешке вспомнилось, что назавтра его

ждет разнос за сегодняшний прогул. Хорошо еще, если руководитель ограничится выговором и не снизит оценку за практику. Иначе прощай стипендия! А это событие почти трагическое.

Алешка оделся и, отдавшись во власть повседневным заботам, зашагал по откосу к реке.

То, что он увидел внизу, прямо под собой, испугало его. Хотя в сущности чего такого страшного было в небольшой плотной куче людей, столпившихся на узкой кромке берега.

Алешку будто кто с силой толкнул в спину. Из-под ног сорвались камешки и покатались вниз, обгоняя друг друга, словно им хотелось во что бы то ни стало первыми оказаться на месте происшествия.

Ну вот... Так он и знал! Опять она, эта девчонка! Лежит на мокрой гальке, и ее тщедушное тело почему-то кажется очень длинным. Рыжий, обожженный солнцем парень с выражением испуганного упорства на лице то вздымает вверх, то прижимает к груди тонкие пруттики ее рук.

«Асфикция при утоплении,— машинально подумал Алешка.— Но что он делает? Ведь надо совсем не так... Я сумею лучше...».

— Уйди ты! — парень вскинул на Алешку злые глаза и с еще большим ожесточением стал давить и мять огромными веснушчатыми ручищами узенькую детскую грудку. Дышал он тяжело, с надсадой. Большие круглые капли выступили на лбу и висках. Но парень упорно продолжал свое безнадежное святое дело. Кто-то наклонился и вытер полотенцем его лицо. Парень даже не заметил этого.

«Эспираторная одышка... Гипоксия...» — память услужливо, как на экзамене, подсовывала Алешке вычитанные в учебнике термины.

Гипоксия... Но при чем здесь та девчонка? Чепуха! Бред какой-то! Вот сейчас она появится — вынырнет из-под людей со своей любопытной мордашкой: что это, мол, у вас тут приключилось? — и вся эта дикая картина рассеется без следа.

Никогда еще в своей жизни и ничего не желал Алешка с такой силой, как этого невозможного появления. Он был готов на любые самые немыслимые жертвы, только хоть немного, хоть чуть-чуть отодвинуть время назад, когда та девчонка играла консервной банкой или когда появилась она перед ним на каменной осыпи, или — пусть даже так! — когда прозвучал тот слабый птичий крик! Он бы примчался, прилетел и — спас. Они не успели, а он... он бы обязательно успел! Знать бы... Если бы знать!

Облако сдвинулось, проглянуло солнце. Оно высветило мокрую гальку, распластанное на ней тело и молчаливый круг, безжалостно подтвердив неоспоримую реальность происходящего.

Алешке стало так холодно, что ему показалось, будто он умирает...

В то же мгновение, как от порыва ветра, по толпе прошестел единый вздох. Она жила. Она дышала. Судорожно вздымалась грудь. Мучимое тяжелой рвотой, содрогалось маленькое слабое тело. Но это была жизнь. Это было возвращение к жизни.

Парень выпрямился, грузно опустил большие руки. Возле девочки теперь хлопотала женщина в лиловом купальнике. Алешке смутно припомнилось, что он где-то ее видел. Женщина терла девочку полотенцем, давала пить из огромного термоса. При этом непрестанно вздыхала и причитала:

— Что делается! Боже мой, что делается! Ребенок и один на речке. Долго ли до беды... Ох, дети! Дети! Горе с вами... Каково матери-то? Ну, куда ж тебя занесло, милая? Тут глубина, камень. Тут ни одна добрая душа сроду не купалась...

Алешка стоял и смотрел — смотрел до боли в глазах в белое обострившееся лицо. Он ждал. Взгляда ее ждал, слабой мимолетной улыбки. Ждал покорно, обреченно. Только чтобы знать — она простила. Без этого прощения, без оправдания он теперь и представить не мог своей дальнейшей жизни.

А девочка лежала с закрытыми глазами на коленях у женщины, словно отдыхала от непомерно трудной работы, и женщина гладила ее по голове и убивалась:

— Куда занесло ее! Эх, куда занесло... Надумала где купаться! Как же тут не потонуть, в этакое бучиле?..

— Да не она вовсе... Я это купался... И тонул тоже я, — голосок несмелый, дрожащий: мальчонка заговорил, Генка. Только теперь заметил его Алешка, хотя мальчишка все время сидел в ногах у девочки, с головой укрытый большой клетчатой рубашкой.

Мальчишка стучал зубами то ли от холода, то ли от пережитого страха.

— Чего вы все к ней пристали? Не виновата она... Это я тонул... Ну, не совсем, чтобы тонул — просто испугался очень... Дна достать не мог — вот и испугался... Я не умею, чтобы не было дна — я плохо плаваю, учусь только...

Мальчишка разревелся.

Алешка схватил его за плечо:

— Ты что городишь, пацан? Что городишь?.. Если она не купалась, тогда как же?..

Мальчишка только всхлипнул в ответ.

— Ну и что такого... что не купалась? — разжались синеватые, не успевшие порозоветь губы. Узнавая и не узнавая, на Алешку смотрели затуманенные страданием глаза. — Я сидела... Вот тут... Камушки швыряла. А он ка-ак закричит: Помогите! — девочка улыбнулась на Алешкино недоумение: Вот, мол, чудак, удивляется. А чему удивляться? Все так просто — позвал человек на помощь, значит надо идти. А что она плавать не умеет, так о том она просто забыла. Так вот получилось — забыла и все тут! Вы уж за то не судите ее строго...

— Ну, и кино, скажу я вам, — тряхнул головой рыжий парень. — Кто-нибудь там, закурить дайте...

К нему сразу потянулось несколько рук. Парень взял, не глядя, первую попавшуюся сигарету. Спички одна за другой ломались в непослушных пальцах. Кто-то вынул у него из рук коробок, чиркнул и

дал прикурить. Парень затаился, выдохнул дым и повторил:

— Ну, и кино! Я ж эту красотку поначалу и не видел даже. Плы-ву себе. Слышу — верещит кто-то. Гляжу, малец у берега плавает. Нормально вроде плавает, а чего верещит, непонятно.

— Я на ноги встать хотел... И... испугался...

— Испугался он! А эта, оказывается, как шагнула с берега — так сразу свечкой на дно — прямо с головой. А много ли ей надо? Глотнула разок-другой и готова! Ну и наделали шороху, чертенята! Ладно! Теперь до ста лет будешь жить, красавица... — Парень отбросил сигарету, стянул с мальчишки ковбойку и пошел прочь, тяжело ступая.

— Спасибо тебе! Слышишь, что ли? Спасибо! — крикнула вслед женщина в лиловом.

Парень не оглянулся, только передернул плечами, что, мол, за разговор!

— Как же ты домой доберешься? — беспокоилась женщина. — Живешь-то далеко?

— Не очень, — вместо девочки отозвался Генка.

— Что ж делать? Мне на работу во вторую смену. А то б я...

— Я ее провожу... — не глядя на женщину, буркнул Алешка. — Велики дела...

— Ты? — женщина недоверчиво покосилась на него: откуда еще такой выискался? — Знакомый, что ли?

Алешка кивнул.

— Смотри мне!

— Чего беспокоитесь? — Алешка даже обиделся. — Все будет в порядке.

— Я сама... — девчонка попыталась встать.

— Ладно уж, героиня! — Алешка подхватил ее на руки.

«До чего легонькая! Не кормят ее, что ли?» — думал он, размашисто вышагивая вдоль берега.

— Дяденька! Пстой! Куда же ты ее?.. — кричал Генка, не поспевая за ним и теряя на бегу свои и девчонкины пожитки.

— Ступай вперед, кавалер, — приостановился Алешка. — Указывай дорогу.

Девчонка доверчиво и покорно лежала у Алешкиного плеча. А он, почти не ощущая ее тяжести, перепрыгивал через чьи-то ноги, петлял среди разметавшихся на песке неподвижных тел. Рядом легко и весело лилась река, все такая же безмятежная, такая же праздничная в золотисто-синем убранстве. Алешка шел и удивлялся самому себе. Что вдруг приключилось с ним? Откуда свалилось на него это новое непонятное чувство? Точно кто-то возложил на него, Алешку Круглякова, ответственность за какую-то совсем чужую девчонку. Ведь он ее и знать-то сроду не знал и видеть не видел! А вот поди ж ты — несет на руках, как невесту какую драгоценность, слушает ее дыхание, чувствует под рукой короткие ритмичные толчки ее сердца — и радуется, чужак человек!

Но как слаба, как непрочна эта тонкая живая ниточка! Еще б не-

много, еще б чуть-чуть... Если б он помедлил, тот рыжий... Алешку снова обдало зловещим холодом, он непроизвольно стиснул руки... Девчонка напряглась тугой пружинкой, оттолкнулась от его груди и соскользнула на землю.

— Ты чего? — растерялся Алешка.

— Я сама, — упорно повторила девчонка и быстро засеменила впереди него. Однако тут же села на песок и подняла к Алешке беспомощное огорченное лицо. — Голова кружится... И под ногами пусто... — зрачки ее расширились, и она протянула жалобно. — Знал бы ты, как страшно, когда под ногами ничего нету...

— Оделась бы! — Генка кинул ей на руки сарафанчик.

Девчонка долго натягивала его на себя подламывающимися руками, а Алешка стоял рядом и странное смущение мешало ему прийти ей на помощь.

— Дай руку! — приказала она Генке.

Мальчишка с готовностью помог ей встать. Девчонка оперлась на его плечо, и они медленно двинулись вперед.

На мосту девчонка припала грудью к перилам и замерла, отдыхая. Мимо проносились, надсадно гудя, автомашины, проскрежетал трамвай. Тяжело пахло нагретым железом, пылью, бензином.

— Не могу, — девчонка виновато улыбнулась Алешке побелевшими губами. — Не могу...

— То-то вот! А то все сама... сама! — ворчал Алешка, бережно поднимая на руки ее легкое тело. — Слушалась бы лучше старших.

— А чего ты кричал тогда? — вдруг спросила девчонка.

— Что? — Алешка даже приостановился. Надо же, он ведь совсем забыл! — Ты права... — и он вздохнул. — Дурак я был и кричал, как дурак... А тебя как хоть зовут-то, принцесса на горошине?

— Вот сюда! Сюда неси ее! Здесь мы живем... — командовал Генка.

Они свернули во двор старого четырехэтажного дома. Двор был невелик, зато чист, ухожен и почти весь прятался в тени густо разросшихся тополей. Над пустынной спортивной площадкой опавшими в безветрие парусами висело чье-то белье.

Алешка усадил девчонку на скамейку.

— Домой-то как попадешь? Ключ не потеряла?

— Бабушка дома. Я пока тут посижу — в холодочке. А ты иди.

— Ладно, — согласился Алешка. — Сиди, а я пойду. — Но сам стоял и думал, как сказать, чтобы она все-таки берегла себя, чтобы вот так, очертя голову, не кидалась другой раз куда не следует. И понимал, что говорить этого не нужно. Бесполезно. Пробьет час — и она, забыв о себе, опять бросится кому-нибудь на помощь. Значит, надо просто оберегать, хранить их, как зеницу ока, таких девчонок. И какое это счастье, что они незаметно подрастают на земле — рядом с тобой!

— А меня Олей зовут, — лукаво улыбнулась девчонка. — А ты научишь меня плавать?..

— Я научу,— ревниво буркнул хмурый Генка.
— Молчи уж!—девчонка засмеялась: опять запрыгали-зазвенели веселые бусинки.

— Оля...— Алешка отвел глаза.— Ты вот что... Ты прости меня.

— За что? За то, что кричал, да?

— Ну и за это... и вообще.

— Пожалуйста! Раз уж тебе это так надо,—с королевской щедростью разрешила девчонка.— А ты приходи к нам, ладно?—и она помахала ему вслед прозрачной ладошкой.

За углом дома Алешка остановился, вытащил из кармана блокнот и, помедлив, сунул его в урну. Затем одним легким прыжком одолел широкий газон, перемахнул через мостовую, одарив на лету лучезарной улыбкой ошалевшего водителя синебокого пазика, и, прежде чем сомкнулись двери трамвая, успел заскочить на площадку.

Трамвай набирал скорость. Его бойкий веселый перестук казался Алешке многоточием, таким длинным, таким нескончаемым, какой представлялась теперь ему вся его будущая жизнь...

Александр Родионов

РУБЛЮ ИЗБУ

В. Жестову

(одному из первых строителей
г. Стрежевого)

Рублю избу. До снега мало дней.
Рублю, как повелось, окном к востоку,
Перезимую я надежно в ней,
Чтобы весной продолжить путь к истокам.

Рублю избу. Рассудок начеку.
Должны на мох ложиться плотно бревна.
Колю на кровлю длинную щепу,
Должна щепа свисать карнизом ровным.

Пускай поет над желтой крышей дрозд.
Не быть под ней удушью пышных горниц.
Рублю избу. Дверь будет в полный рост,
Пусть человек войдет в избу не горбясь.

Я знаю, мне вспомнится потом,
Как в междуречье Кии и Растая,
Орудую пилой и долотом,
Я на зиму жилье когда-то ставил.

Но тем и жив, наверно, человек,
Что он, душой в оседлость не встая,
Все ходит по свету уже который век
И первым делом избы, избы ставит.

И не боится время потерять.
Поспешность, как тайга в пургу, жестока.
Рублю избу. Растет за рядом ряд.
Рублю, чтобы подняться вверх. К истокам.

РУЧЕЙ ТАЯН

Скалой лобастой не напуган,
А прижимаясь плотно к ней,
Гудит ручей Таян с натугой,
Грохочут камушки на дне.
Шумы, шумы, лесной оратор,
Вздувая струи синих вен.
У лба таежного Сократа
Упорно, словно Демосфен,
Катай во рту гранита гальку,
Чтоб, козность речи поборов,
Устами устья речке гаркнуть:
— Был многотруден мой урок.
Глаголы каменных наречий
Осилить легче нам двоим.
Лечу к тебе. К широкой речке.
С высоким голосом своим.

Я наблюдал за ней подробно.
Взбирался ночью на чердак.
Была береза, словно домна,
В ночи огромна и черна.
Рассветный ветер трогал ветку
И наважденья разметал.
Он выбивал из домны летку
И брызгал осени металл.

Светлана
Ткач

СЛОЖЕНИЕ И ВЫЧИТАНИЕ

РАССКАЗ

Борис не любил дни, расписанные по часам, жестко, механически распланированные по принципу: должен, обязан, необходимо. Даже если с утра знал, что предстоит что-то приятное, но оно регламентировалось — отсюда досюда — все равно от такого несобытийного, по его собственному выражению, дня оставалось ощущение с привкусом досадливости. Будто не он сам, а кто-то, кого хотелось назвать скучным именем Императив, распоряжался всем его временем, не оставляя отдушин на «что-то придумаю» или «там видно будет».

Сколько уже нанизалось друг к дружке таких несобытийных, обреченно-самотечных дней, он потерял счет.

Хорошо бы позвонить Вале. Но еще рано. Все варианты разговора он отвергал. Фразы придумывались наивно-примиренческие, просительные, заносили его в положение затяжной обороны, и не виделось никакой надежды на наступление. «Только саднят язвочки самолюбия от этих фраз, — зло сказал он себе однажды. — Ну, подари их кому-нибудь».

Вчера вечером к ним успела на чай тетя Айха. «Забеги, покажись с новой прической», — просила днем по телефону мама. Причины и мотивы, побудившие тетю к такому преображению, не интересовали Бориса. Хотя это было событие. Тетя долго носила косы, а последнее время длинные густые волосы укладывала «стогом» от макушки до затылка. Теперь она подстриглась коротко.

Встав вчера из-за стола, Борис договорился, что зайдет на днях к Айхе на работу в «Горсправку». Нужно уточнить адреса нескольких женщин. Вкратце объяснил: есть такая демографическая статистика, она собирает данные о естественном движении населения. Студентам предложено провести опрос некоторых женщин, имеющих по одному ребенку. Нужно выяснить факторы, определяющие естественный рост семьи. «Нафаршируем субботу всяческими неотложностями», — сказал он себе с утра и наметил на сегодня зайти к Айхе в киоск «Горсправки» на вокзале. Вот уточнит адреса, и уже будет повод поговорить с Валей.

Когда преподаватель объяснил их группе, как должен вестись опрос, парни зашумели: «Пусть девушки». Список был небольшой, фамилии распределили девушкам, а Вале приплюсовали лишних, «Все равно на двоих. Они везде с Борисом вместе ходят».

Валя уже навестила нескольких женщин. Неудачно, сменились адреса. Борис взял список себе, пообещав установить через тетю Айху нынешние адреса тех малолетних матерей.

— Ты садись, а я ворчать буду,— встретила его в киоске тетя Айха.— А что же с Вале́й, как в море корабли? Такая давняя дружба. Несовместимость — так это у вас называется? Или — решили: на время разоиде́мся, разбежимся, врозь потужим, себя проверим?

Он не успел отшутиться, ответить что-нибудь вежливо пресекающее, что-нибудь вроде «Вы — как скорая моральная помощь». Айха говорила беспрестанно то ему, то в окошко.

— За кем у вас было последнее слово?

Забавный вопрос.

Она ждала, что скажет он. Ответил серьезно и сердито:

— Меня можно выучить наизусть.

Он не ожидал от себя, что так вот сходу выложит квинтэссенцию, резюме их размолвки с Вале́й. На исповедальный лад, на соискание сочувствия он вовсе не собирался настраиваться. Но в том-то и дерзость: на забавный вопрос ответить серьезно. Поэтому и выпалил:

— Меня можно выучить наизусть!

— Айх! Она так сказала? Простецкий, значит? А чего ж ты добродетелями всякими не украшаешься? В самбисты пошел бы. Марки собирай. С парашютом прыгай. Давай твой список... Между прочим, Верочка, моя старшая внучка, да, Володина, так вот она решительно заявила, что детей у нее совсем не будет. Потому что она сама любит мороженое, а ей из-за горла его редко разрешают есть, а если дети будут, так с ними делиться надо, а она сама очень любит мороженое. Может, и у тебя с подружкой так: каждый норовит в свою сторону грести?

Айху отвлекли.

— Не работают сегодня сберкассы. Суббота,— ответила она.

— Ни одна во всем городе не работает? А должна. А почему не работает? А почему не знаешь? А должна знать. У-у-у, двоешница.

Айха нахмурилась и уже вслед грустно удаляющемуся мужчине бормотала:

— Нимало. Сам ты черновик. С кляксами. Иди давай. А вы что хотите узнать?

За стеклом над окошком склонился молодой, наголо стриженный мужчина. Он не торопился с вопросом, задал его четко, внемлюще ждал ответа.

— Вам на второй этаж к эвакуатору. Рядом с кабинетом дежурного по вокзалу.

Кто эвакуатор, Борис не знал. Айха объяснила:

— Освобожденным из заключения на проезд билеты оформляет. Вообще освобожденные — очень вежливые, а в иной день мне кажется, самые вежливые люди. Ни разу, ни один не нагрубил, не скривился в недовольстве.

— Так сказать, исправленному верить,— улыбнулся Борис.

— Я верю. По мне, так мне больше по душе неисправимые. Те, кто смолоду праведно и накрепко наставлены.

— На большое, чистое и красивое,— как-то звонко, отрешенным голосом выпалил Борис и осекся.

Айха всеми пальцами сгребла ручку,— она держала ее все время наготове, часто писала справки,— сжала ее в кулаке. Искоса глянула на Бориса и отвернулась, стараясь согнать хмурость с лица.

Он ждал, когда она снова посмотрит на него. От напряженности утяжелились глаза, разлилась в них такая уже знакомая ломота, она чувствовала всегда, когда он лгал в лицо кому-нибудь и уверял, что говорит правду, или когда боялся глупо пошутить.

Ну, а сейчас он вовсе не собирался иронизировать над Айхой. Только и всего, что не к месту вспомнил анекдот, который часто проходя инсценировали два парня в стройотряде, прошлым летом. Когда затевалась перебранка или случался простой в работе, или когда очень уставали или располагались на траве после обеда, один из тех двух парней намеренно бодрым или, наоборот, занудливым голосом произносил: «Хочется чего-то большого, чистого, красивого». Другой парень то приторно-ласково, то бесцветно, скрипучим тоном, то грубо, рычаще отвечал ему: «Возьми тряпку и помой слону уши».

Рассказать этот анекдот Айхе? В конце концов она сама завела разговор в такое русло, сама расфилософовалась. Похоже, она не обиделась. Или сдипломатничала, упрятала обиду?

— А она складывать умеет, твоя Валентина? — Айха снова повернулась к Борису. — Или только вычитанием и занимается? Борис такой, Борис разэтакий, нуль безнадежный. Айх! Да сейчас вы такие прыткие. Каждый мокроносый, зеленый да краснощекий школьник должен разбираться в противоречиях теоретических взглядов гениального Льва Николаевича Толстого. Разбираетесь?

Борис соглашательски поулыбался. Где-то на задворках памяти в самом деле ворошились какие-то формулировки, объясняющие, раскрывающие взгляды Льва Николаевича. Вспомнился и наказ учительницы — странно, впервые после школы вспомнился — прочитать «Анну Каренину» и в двадцать пять, и в тридцать лет. «Каждый раз это будет заново, как открытие».

Двадцати пяти Борису еще нет, после школы за Толстого и не брался. Читает только юморное и детективы. Вот другого Толстого, того, что А. К., — он вместе с братьями Жемчужниковыми Козьму Пруtkова создал — этого усвоил, подарил кто-то.

— Так Федоровна она или Петровна? То ли так, то ли эдак? — Айха уточняла необходимые сведения о человеке, адрес которого у нее запросили. — Подойдите через пяток минут. — Она закрыла окошко и, набирая номер телефона адресного бюро, рассказывала Борису:

— Это еще ничего. Недавно старики, двое, внука искали. То ли Геннадий он, говорят, то ли Евгений. Генкой звали! А одной даме понадобился то ли Хоросhev, то ли Нехоросhev, она фамилии не знает,

а вы из кожи долой, но найдите. Алло! Людочка, приветствую тебя, родная. Много надо,— продиктовала список.— А теперь зови Клаву, я ее развеселю, пока ты за адресами ходишь. Клавочка, здравствуй. Повернись затылком к начальству, слушай. Нет начальства? Вот беды-то. Но ты не огорчайся. Слушай и смотри в окошко, на небо, веточки и воробьев, а то забегалась вдрызг. А я всегда угадываю, когда вы устаете.— Айха протянула руку к шкафчику, достала книгу с закладкой на какой-то странице.— Слушаешь? «Пришел к попу древний старик, слепой, с поводырем-мальчиком. Из-за онучи вытащил трешницу, тоже старую, помял ее, пощупал, выложил перед попом: «Это тебе за сорокоуст по моей старухе, помяни ее за спокой души». «Имя скажи». «Как звали-то ее? Позабыл, запамятовал. Молодая была, молодухой звали, потом хозяйкой звали, а уж потом старухой да старухой... Ладно, пойду, добьюсь, может, люди еще помнят». Вернулся этот старик уже осенью, достал из-за онучи ту же трешницу: «Узнал,— говорит,— в деревне один человек вспомнил: Петровной ее звали». Ну, ладно, Клавочка, классику надо знать. Зови Люду. Вы свободны,— сказала она грозно-официальным тоном и засмеялась.— Диктуй, милая. Теперь перепишу, а ты еще, Боря, посиди.

Борис полистал Айхину книгу с закладкой. «Хождение по мукам». Айха — серьезный читатель. Уж, конечно, знает и того Толстого, который А. К.

О том, что дружба с Валею дала трещину, Айха узнала, наверное, вчера за чаем от матери. Конечно же, не преминули обсудить и случай с абрикосовым соком. Тот случай для матери — единственная предполагаемая причина его ссоры с Валею.

Зимой Валя упала с автобусной подножки и около месяца пролежала в больнице. Он навещал ее. «Что понесешь в больницу? — спросила мама, когда он в первый раз собирался идти туда. — Или мне сходить в магазин?». «Что-нибудь придумаю», — ответил он и взял деньги.

А накануне он встретил бывшего одноклассника Саню. Тот только что вернулся из армии. «Вспомнить молодость надо,— пригласил Бориса.— Сильно мне нельзя. Вчера перебрал, пойдем к «маминим слезкам». Они зашли в магазин, к стеклянным конусам, из которых в подставленные стаканы наливали вино. Потом погуляли. И назавтра, когда пришло время что-нибудь придумывать для больной Вали, Борис снова встретил направляющегося к нему Саню. Накануне, оказывается, он приглашал и просил его заходить, не стесняясь, навещать, не забывать. И они снова что-то придумали, и каждый раз, когда надо было идти за покупками для Вали, выяснялось, что еще раньше с Саней у них что-то задумывалось. И он навещал Валию без приношений. И никто не страдал от этого.

Как только выздоровевшая Валя появилась у них в гостях, мама и высказалась: «Я тебе, Валечка, соку абрикосового налью. Ты его любишь. Боря ничего другого для тебя покупать не хотел, когда ты болела, всегда только абрикосовый сок».

Такая выдалась немая сцена! Все друг другом насмотрелись, первым заговорил Борис:

— А ты, Валя, снова заболел, я исправлюсь, честное слово, все, что пожелаешь, приносить тебе буду.

Мама очень расстроилась.

— Да ты не обижайся, это я так глупо пошутил, — извинялся он потом перед Валею. — Ну что ты молчишь? Из-за сока не обижайся, прошу тебя.

— Из-за вранья, что ли? — поправила, уточнила Валя и снова замолчала.

— Что мне, совсем не шутить? Раз не всегда удачно получается. Индюком надутым ходить буду. А ты знаешь, юмор из обезьяны человека сделал? Представляешь, сколько невзгод, черных дней, лишений всяких надо было пережить обезьяне на своем пути, и если бы она не облегчала свою участь юмором...

— Сам додумался? — уже улыбалась Валя.

— Нет, прочитал. Так ты не обижаешься?

— Нет.

— Потому что не на всех обижаешься? На дураков — не стоит? — это он ее процитировал.

— Нет, не потому. Мы не будем ссориться по пустякам. Не будем делить бирюльки. Я забуду о соке. Его не было.

«Вы, тетушка Айха, спрашивали, умеет ли Валя складывать? Будьте спокойны. Отличница».

А работа у Айхи — не соскучишься. Дивные вопросы задают:

— Это на краю света, да? Далеко идти?

— Не надо нам «Друг спортсмена». Это «Враг спортсмена», нет там ни палаток, ни мешков спальных. Дайте другой магазин.

— Во сколько мне выходить из дома, чтобы успеть к поезду?

— Как футболисты сыграли?

— Как найти это прекрасное заведение (так спросили тюрьму, подав ее почтовый адрес)?

— Я здесь около окошка постою, а вы мне обязательно найдите улицу. Не набережную с таким названием, не проезд, не переулок. А то я всю местность там изучил, а улицу как украли. Пока ищите, я вам прибаутку расскажу. Жили люди в своей деревне Петушки, в одиннадцати верстах от окраины большого села. А потом дорогу перемерял землемер. «Глядикось, — удивились люди. — Всего-то семь верст от села. Сколько живем, значит, лишку ходили на целых четырех версты. Спасибо землемеру, теперь в точности ходим, знамо сколько».

— Самое близкое училище где? Все равно на кого, только бы не ездить далеко. («Это самый противный вопрос», — сказала Айха Борису и поворчала по поводу всеядности «этих зеленых, краснощеких и мокроносых»). «Наверное, у Айхи есть и любимый вопрос», — подумал Борис.)

Раза три ей протягивали телеграммы-похоронки. В таких слу-

чаях Айха не тараторила, убавляла энергии в голосе, но не улащала его сочувствием, несколько раз повторяла ответ, не торопилась обратиться к следующему: «Слушаю вас».

— Когда ближайший поезд? Хоть куда.

— Через три часа,— Айха писала справку и ответила, не глядя на спрашивающего: вопрос вне очереди, она не жаловалась, не поважала нахальных. Вопрос задавал, кое-как протиснув голову к окошку, худой мужчина, которого Борис несколько минут назад мысленно назвал Теловычитанием. Вместе с другим мужчиной, очень толстым, он не торопясь спускался с лестницы. Телосложение и теловычитание — вспомнил эту шутку Борис и хотел угостить ею Айху, но раздумал — с юмором ему сегодня не везло.

— Только через три, а раньше никак, никуда? — не унимался Теловычитание.

Наверное, им нужно до ближайшей узловой станции.

— Это что же, если я хочу под колеса броситься, не получится? Айха оторвалась от бумаг:

— На втором этаже ресторан с пивом. Утопиться можно.

— Это нам подходяще,— загудел над очередью Телосложение.

Около окошка никого не было, когда подошел парень с длинноволосой прической. Вопрос задавал, с трудом компануя исковерканные русские слова.

Айха даже встала, важно и как-то картинно облокотилась о подоконник, а другой рукой, хоть она при объяснениях принципиально не жестикулировала, даже когда усваивавшие маршрут пассажиры возросительно махали перед окном «Туда или туда?», вдруг грациозно начертила, наюлила каких-то линий в воздухе:

— О, да, пожалста, только затчем ехать? Идти нада. Тра-амвай. Понимат? Вдоль линии четыре остановка. Как повернет трамвай, и вы повернет. Там и есть гостинец. Идти — лутше. Увидите, какие у нас кругом догадливые люди.

— Он же русский насквозь. Айх! Гостинец,— объяснила она Борису.

Наискосок от киоска парня поджидали две хохочущие девушки, на чистом русском языке парень начал доказывать им, что вещи стоит сдать в камеру хранения, а потом ехать в гостиницу.

— Вот уж кому-то гостинец. Юморист зеленый. Говорят, юмор нынче — ценное лекарство.

— Мне гематологическое отделение нужно,— сказали в окошко. Айха вопросительно посмотрела на Бориса:

— По твоей части, медик. Что такое гематология?

— Там с заболеванием крови лежат, насколько мне известно,— подсказали в окошко.

— Правильно,— Борис привстал,— в облбольницу езжайте. Второй корпус.

Он хорошо знает, где расположено то отделение. Валя там проходит практику.

— А рядом там станция переливания крови,— сказал он Айхе и сразу сообразил, что это он сказал больше для себя, чем для нее. Зачем ей знать, где какой корпус? У входа в больницу, в воротах — справочное бюро. И указателей много. А вот для него это имеет какое-то значение: на станцию в донорское отделение ходит сдавать кровь ТОТ ПАРЕНЬ. Борис знает, как его зовут, но лично для него он просто ТОТ ПАРЕНЬ.

Из-за него он потерял Валю. «Это было до ТОГО ПАРНЯ», — есть такая отметина в его воспоминаниях.

Он не помнил его в лицо. Иногда, когда он грустно думал: «Вот еще один несобытийный день», когда казалось, что его временем распоряжается кто-то деспотичный, суровый и скучный, кого он уже привык называть Императивом, хотелось то ли от злости, то ли от жалости к себе, чтобы этот кто-то походил на ТОГО ПАРНЯ.

Виделись они в горкоме комсомола, куда на не очень ответственное заседание Бориса и Валю направил кто-то из комитета комсомола. Они с Валею пришли рано, первыми. В большом кабинете сидели за столами парни, видимо, горкомовские. Писали, читали, переговаривались. Кто-то прочитал вслух объявление-призыв: «Становитесь донорами!».

— А я должен кровь сдать,— сказал один из парней.— Мне около трех литров чужой крови влили, когда спасали. Чуть живой к врачам попал. Оперировали.

— Когда это тебя угораздило? — спросили у него.

— На Севере.

— А я два раза сдавал кровь,— вспомнил кто-то с другого стола.— Предупреждали, чтоб накануне, как сдавать идти, не ел жирного или острого, иначе больной, которому кровь перельют, плохо будет себя чувствовать. Температура и прочее.

«Еще не хватает ввязнуть в этот дилетантский разговор», — подумал Борис и ушел на крыльцо курить. Кажется, тот парень еще раз сказал: «Я должен, братцы, кровь сдать».

— Интересно, сдаст ли он кровь? — раздумчиво заговорила Валя, когда возвращались из горкома.— Представляешь, живет человек и время от времени напоминает себе: «Я должен людям кровь отдать». Может и не отдать. Так проживет.

И парень с того дня забылся. А потом он услышал о нем от Вали.

Это было на набережной, вечером, в те самые благословенные часы, об употреблении которых с утра предстояло «что-то придумать», и придумалось тогда удачно. Борис и Валя впервые наблюдали ледоход. Говорили о реке, кто какой ее помнит.

— А знаешь, бывает, в конце лета река мутнеет и прибывает вода,— рассказывала Валя,— я думала, что это от снега, в горах тает. Оказывается, это идет коренная вода. Кедровые притягивают к корням влагу, а в конце лета лишнюю, не нужную им воду сбрасывают, отпуская.

— Какие познания,— похвалил Борис.— Все серьезные книжки читаешь?

— Я еще и слушаю.

— Радио, телевизор?

— Не только. А ты помнишь того парня, который собирал кровь сдавать? Это он мне рассказывал о коренной воде.

— Он что, лесной житель или обыкновенный эрудит?

— У него дед всю жизнь в тайге прожил. Всю жизнь вздымщиком отработал, кедровую живицу собирал и сдавал. Живица — знаешь? Дед — знаменитость в своем деле. Но Юра — так того парня зовут — считает, что у деда не было никакого особого секрета. Он разумно усваивал чужой опыт, когда на совещания или в другие леспромхозы ездил, читал кое-что. Усвоенное проверял практически. Сгоряча, легкодумно не отвергал ничего. Между прочим, дед считает, что при длительной подсочке, когда у кедра берут живицу много лет подряд, он отдает ее все больше и больше. Как у донора, — сравнивает дед, — от сдачи крови улучшаются жизненные функции организма, так и у кедра вырабатывается потребность отдавать живицу.

Валя старалась эту мысль передать без нажима, не выпендриваясь. Но ей не удалось скрыть, что нравится ей эта параллель — кедра и донора.

— А Юра и в этом случае по-своему судит, — продолжала Валя. — Говорит, деду удастся бережно, осторожно подсекать дерево, и оно не болеет от подсочки, привыкает к ней. А другие вздымщики, может, из-за неопытности, жестоко, что ли, неаккуратно и кору подчищают, и нарезают усики, ложбинки-стрелочки, по которым живица в воронки стекает. Четыре-пять лет дерево отпускает живицу, а потом высыхает то место на стволе, где счищалась кора для подсочки. Дерево становится скучным, хоть с виду и здоровое. Кто из них прав — дед или Юра, я не знаю. Сейчас Юра поехал исправлять фамильную ошибку, как он говорит, — вызволять деда из дома инвалидов. Дед туда уехал доживать. Старик гордый. Кланяться никому не хочет. Сыновей пережил. Есть где-то племянники и их дети. Юра — один из них. Со временем дед потерял связи, писать не любил. Лет десять назад он уже совсем перестал работать. А потом как почетный кадровый вздымщик попал на совещание. Узнал там: какие-то продукты переработки живицы необходимы в космонавтике. Дед вернулся в поселок и попросил себе участок для подсочки. План на себя просил не давать, в соревнования не включать, в ведомость зарплатную не заносить. Жил на пенсию, живицы сдавал сколько мог. Тогда, еще до армии, Юра был у него. А потом на Север уехал, ответов от деда не получил, стал разыскивать. Председатель поссовета написал Юре покаянно: очень жаль, проглядели, но не ожидали от деда, что уйдет в дом инвалидов. В очень короткий срок председатель поссовета разыскал дом, где поселился дед... Юра уже ездил к нему. За один раз и не надеялся уговорить его переселиться сюда, в город. Ездил, чтоб

смутить душу, подготовить. Дед еще шутит. «Ты рано приехал,— говорит. — Я еще, видишь, в каком доме? У нас тут все могучие. А вот когда попаду в соседний корпус — там у нас валежник, все, значит, лежащие,— тогда приезжай, простимся». Тогда и увозить деда будет поздно. В тот дом не все приходят с увечьями, имея инвалидную группу. Приходят немощными, дряхлыми от времени. И, как Юрин дед, не все безродные. Но интересно, многие ли из родственников приезжают туда затем, чтобы, как Юра, исправить фамильную ошибку?

— Ах, этот мудрый и щедрый, обаятельный Юра,— сказал Борис.— Кедр-исполин, а не парень. Ты его тоже успела очаровать, как он тебя?

— Да, просто беда, по мне все кедры сохнут. Тайга вымерла.— Она не умела говорить колкости и покраснела. Но она и не умела скрывать того, что думала, и никогда не стеснялась своей восторженности, сентиментальности. Борис знал это, он даже привык к ее бесконечным, неожиданным «интересно, почему?»

— Интересно, почему это он тебе выложил свою биографию? — спросил он.

— Мы встретились в автобусе. Он заговорил банально: «Где-то виделись». «Точно,— сказала я,— вы кровь должны сдать». «Правильно,— ответил он,— надо вступить в ряды доноров. Так сказать, охватите меня! С чего мне начать?». Я сказала, что надо прийти на станцию переливания крови и сдать кровь на анализ. Это крайний от ворот корпус в облбольнице. «А вы что, тоже донор?» — спросил он. «Нет,— ответила,— у меня практика в гематологическом отделении, рядом». А потом он меня сам нашел в отделении, когда кровь сдал.

— Так это ты его вдохновила на такой подвиг. Понятно...

— Для «подвига» ему достаточно было раз сдать кровь. Он стал постоянным донором. «Не убудет меня»,— говорит. Кстати, сдавать будет дальше не на станции, а в другом пункте. А знаешь, я не хотела тебе говорить ни о нем, ни о его дедушке. Тебя же можно выучить наизусть. Я в последнее время стала угадывать, по какому поводу ты шутить начнешь. «Кедр-исполин» — именно это сравнение я и предполагала. А когда ты шутишь неожиданно, я все равно успеваю подумать: вот-вот ты что-нибудь смешное скажешь. Я по глазам угадываю.

— Я красивее становлюсь в такие моменты?

— А вот сейчас ты не это хотел сказать.

Да он и сам понимал, что говорит не то, глупость, а ничто больше не придумывалось. Он почувствовал, как онемело лицо и подумал, что очень странно он выглядит: растянут в улыбке рот, застыли от усталости глаза, они всегда утомлялись, будто становились больше в те минуты, когда приходилось в них фиксировать что-то напоказ окружающим или лгать, изображая чистосердечность, или улыбаться, когда шутка еще не произнесена и нужно отогнать опасение — а вдруг ее не воспримут? — и улыбаться вместе со всеми, кто уже слышал его шутку. И он не знал, как освободиться от этой не-

ловкости: то ли погасить вначале улыбку на губах, то ли опустить, отвести в сторону глаза, избавить их от насильного груза.

Не стоило, конечно, разуберять тетушку Айху в том, что последнее слово было за Валею. Так справедливее.

Он сегодня же позвонит Вале, начнет так: «Я был у Айхи». А скажет ли ей что-нибудь это имя? Нет, она вспомнит.

— Кто такая Айха, к которой ты пойдешь? — спросила она, передавая ему список.

— Тетя, — ответил он. — Почти что энциклопедия. «Ежели семитка виной падает с девяткой виной, то убиваться будешь ажно до больной постели». Так она приговаривает, когда ворожит на картах.

Вале понравилась эта фраза о семитке и девятке виной, она ее заучила, произносила скороговоркой, будто стращая кого-то. А расставаясь в тот день, сказала: «Да не упадет нам семитка и девятка виной».

Она еще спросила:

— Айха верит картам?

— Нет, потехи ради раскладывает.

— Айха — это имя?

— Нет. Я так ее называю. Она поперечница. Что ни скажешь, вздыхает: «Айх». И — завелась, поехала свое суждение высказывать. А ну ее!

— Сколько ей лет? — спросила Валя.

— Не знаю. Сама она шутит: «Старость пришла, так это надолго». Внуки у нее уже. Ты же знаешь, это труднодостижимая наука — определять возраст женщины. Вот тебя послушаешь, так дите ты, и во взрослые не торопишься. Твои любимые воспоминания: «А вот у нас в детском садике».

— Скоро начну вспоминать: «А у нас в институте». Состарюсь, так и не повзрослев. Пожалей меня.

Тогда они вместе смеялись над таким исходом разговора. А теперь вдруг сам собой придумался возможный конец тогдашнего диалога:

— И у тебя в памяти, Валя, я останусь под ярлычком: «Его можно выучить наизусть».

Семитка виной!

А она? Какой запомнится? Нет, он не хотел бы, чтобы она перебыла эпизодики, сценки, детальки детсадовской жизни. Они с нею ходили в один детский сад. Он не помнит того, что всегда неожиданно и, кстати, никогда не повторяясь, вспоминала она: «А вот у нас в детском садике». Пусть уж она не избавляется и от привычки задавать самой себе вопросы: «Интересно, почему?», «интересно, зачем?», «интересно, как?».

Валю бы с Айхой свести, они бы столкнувались. Эти родственные души в унисон бы пели и о неисправимости, о неостепенности. Айха, бесспорно, пришла бы в восторг от Вали, от ее охов и ахов, от Вали, которая — «А она складывать умеет?» — по мелочам вычитать

не любит, но уж не сомневайтесь, когда надо, безоглядно, не робея предъявит крупенький счет. Вроде этого — «Наизусть выучить можно». Семитка виной!

Во, идея! Это же прекрасное начало разговора: «Алло! Ежели семитка виной падает с девяткой виной, то убиваться будешь аж до большой постели».

Итак, «алло!» и далее эта фраза.

— Здравствуй,— и она вздохнет.

Нет, паузы, это уж точно, не будет. Тебе безостановочно выпалят приговор. Окончательный, но вежливый. Пауза понадобилась бы, если раздражительность одолеть надо, а Валя, открытая душа, и тут скрытничать, искать подходящую тональность не будет. А тебя наизусть знают.

Вот если бы она ответила в стиле язвучки-колючки, он бы сориентировался быстро. Упрекнул бы ее в колючести и уже, значит, перешел бы в наступление. Но она ж неисправимо тактична, на язвы ядом не капнет.

Чепуха десятого колена все это: «А я скажу, а она мне, а я, а она». Помнитесь, Валя говорила: «Интересно, о чем думают злые люди перед сном? Памятки, небось, составляют: завтра этому скажу то-то, одному подсоллю, другому сомнение в душу зароню, того-то надо разбедить, а того-то усыпить».

Ну, хватит. Она не о конкретных злых говорила, а ты уж к себе примеряешь ее слова. И, кажется, целый день разными ее словами, да еще тетушкиными, по косточкам вычитаешь себя. Семитка виной!

Давно бы пора уходить от тети. Она опять веселится. Хохоchet, придвинувшись к окошку. Напротив киоска, у выхода из вокзала пьяный мужчина с папиросой уверяет милиционера, сделавшего ему, видимо, какое-то замечание:

— Я в курсе дела. Ты думаешь, не понимаю? Я в курсе дела.

— И так уже минут десять,— сказала Айха.— Этого ничто не исправит: во всем курс дела знает. Но безнадежный. Как раз из тех, кто подходит иногда ко мне, просит напомнить телефон мясокомбината, сортировочной станции, торговых баз — всех предприятий, где грузчиком наняться можно, до лучших времен. А к лучшим временам и не добираются. Айх! Ты не уходи, скоро я закрываю. Вон идет, этот не знает, что спросить.

Так и есть. Молодому мужчине нужно найти своих, он отстал. Приехали помогать орошать земли. Большая группа из института. Вроде бы мужчина на студента не похож.

— Проектный институт, что ли? — спросила Айха.— Гипроводхоз? И не знаете, в какое хозяйство направили вас? Недавно у нас в городе открылся комплексный отдел вашего института.— Она позвонила.— Не отвечают. Поезжайте сами туда. Вот адрес, две трамвайные остановки. Неудачно съездите, возвращайтесь сюда, ко мне. До свидания. Айх! Эти проказники отстающие. Зимой, в стужу, как возникнет перед тобой здоровяка без шапки, без шарфа, куртка, а то

и рубашка нараспашку, так и знаешь, что в командировке, отстал от своих. Один такой подошел: «Где у вас тут труба в 180 метров монтируется? Я монтажник. На трубу нас послали». Ну вот скажи, откуда мне знать, я взаперти сижу, работаю, откуда мне все трубы знать? Вот и звонишь на ТЭЦ да на ГРЭС. Нашла ему трубу, как раз в 180 метров, а дружки его часом раньше, вспомнилось, гостиницу у меня спрашивали. По телефону соединила их с этим отстающим. Удивились: только с поезда и уже нашел.

— Голубушка, сделай из двух монет одну, — попросили в окошко.

— А что, дорогуша, твоя машина сломалась, сам не чеканишь?.. Айх, я здесь у них и матушкой, и хозяйкой, и голубушкой, и сестренкой, всяко названа бываю.

«Интересно, почему это мне никогда в голову не приходило похвастать такой тетей?» — подумал Борис. Мама всегда на семейных праздниках или при случайном застолье в их доме находила повод восхвалять сестру, Айху: «Ну, тебя, Катя, хоть куда в городе заведи, не заблудишься. Всякому хоть откуда дорогу укажешь. Так?» «Айх, — отвечала тетя Катя, — за двадцать лет не узнать всех улиц?».

«Старость — так это надолго». Это первое, что вспомнилось из тетиных речений, когда Валя спросила о ней. А разве не от Айхи слышал он: «Умирать буду, задохнусь от возмущения: «Не хочу! Рано!»?

Семитка виной! Се-мит-ка. А что же тогда, когда Валя спрашивала об Айхе, не вспомнилась пиковая дама? Как тетушку однажды разоблачили с нею! Трогательная была история.

Соседка зашла как-то к ним в квартиру, Айха как раз ворожила. Подсела тоже к карточным раскладкам, под конец этой процедуры насупилась, подозрительно водила глазами за картами.

— Ты, милая, чо? Недавно ослепла, а не видишь. Здесь же дама пик, а ты говоришь — весть.

— Дама пик и есть весть. Моя фирма не врет. Я ворожея со стажем, — авторитетничала Айха.

— Дама пик — злодейка. С какой стати она — весть, да еще с добром?

— По моей системе — весть.

— У тебя что-то и ударов нет, и слез. Халтура, а не ворожба.

— Вольному воля. Но могу и научно объяснить.

Для научного объяснения Айхе пришлось вспомнить какую-то бабу Секлетиною, знаменитую в деревне, во время войны, карточную гадалщицу, и подробно описать какие-то гадания, например, на зеркалах — в зеркальном коридоре возникали видения. Рассказала Айха и о какой-то Фросе. У нее в войну серебряные серьги потемнели оттого, что печалилась, ждала своего Петра с войны. А как победа пришла, вернулся Петр домой, так серьги снова и заблестели, вся деревня тому свидетели. А серьги Фрося ни разу не снимала после свадьбы, не чистила их, ни после войны, ни раньше того. А с другой стороны, считает Айха, серьги тут ни при чем. Печаль глаза людям

застит, кому это не понятно? А с третьей стороны, кто измерит страдания женские во время войны? Ну и шли к гадалке за утешительным словом. Бед на всех хватало, хоть ни одного фашиста не видели. Удары принимали сообща, сводки слушали все вместе. Удары сыпались из почтальонской сумки. После каждого, даже победного боя, командиры писали похоронки. В кино недавно такую, простите за слово,—обмолвилась Айха,—сцену показывали.

— В колхозе из работающих я была самая молодая, если детей в расчет не принимать,—продолжала Айха.—А Секлетиныя—самая старая из неработающих. Мне был поручен догляд за нею. Она сама призналась мне, что даму пик самовольно нарекла вестовщицей, вестью от близкого, родного человека, а туз пиковый произвела в нечаянность, в казенный дом. Грех на душу взяла старуха,—улыбнулась Айха, тут же объяснив:—Хотя карты-то от дьявола, не от бога. Не хотела Секлетиныя предсказывать: зло тебя ждет, удара не минует. Она видела: печаль застит людям глаза; не хотела, чтоб от ее гаданий опускались руки, сердца каменюкой застывали.

«Карты для Айхи—забава»,—так он сказал Вале. Легко сказал и почти что неправду. Разумеется, верить гаданью для Айхи—все равно, что мыть уши несуществующему слону. Но от безделья она никогда не берет карты в руки. Всегда—чтоб разрядить обстановку, успокоить сестру или самой отвлечься «от здешних мыслей».

Остепененная Айха. Нетушки (есть такое словцо у Вали). Неприложимо к Айхе это понятие. В детстве, помнит Борис, всей уличей большой ватагой ходили на гору. А перед уходом останавливались у дома Айхи, посылали гонца к ней самой и к сыновьям: «Пойдемте на мураву». Она любила полежать на травке, «на мураве», была искусным костроправом и всю ватагу научила разжигать и умирять костры, печь картошку, разбираться в травах, ягодах и немного—угадывать погоду.

А теперь, поди, внуков водит на ту гору. Конечно, водит, во всяком случае, на какой-то пруд с ними ездит. «Срам,—говорит,—какой. Ребенок до сих пор по земле босиком не ходил!» Недавно, чаевничая с мамой, она пересказывала, как невестка гоняла ее за подаренный внучке Верочке акваланг и за ссадину на коленке Верочки, которую бабушка хочет вконец «одикарить».

Интересно, как рассказал бы об Айхе тот парень-донор, Императивом со зла именованный, будь он на месте Бориса тогда, когда Валя спрашивала об Айхе? Наверное, он даже знал бы, какой у Айхи любимый вопрос—из тех, что ей задают в киоске. Спросить ее? Он не решался, а потом подумал, что ни парень-донор, никакой распоследний дурак не сидел бы вот так, как он, с туго сомкнутым ртом. И спросил.

— Да, есть такой,—ответила Айха.—Когда в мороз и вообще не летом мужчины спрашивают: «Где купить цветы?» Я во все глаза смотрю на них и думаю: всегда бы вы такие были, как в этот день.

«В этот день, наверное, совсем не хочется вычитать, а только

складывать»,— Борис хотел сказать это Айхе, но она сосредоточенно засуетилась, отодвинула справочники в сторону, сложила в сумку несколько книг серии «Подвиг», для дяди Васи, своего мужа, он любит эту серию.

В окошко постучали. Видимо, знакомая.

— Ну, как? — спросила она. — Прямо с порога матерными словами и встретил?

— Нет,— Айха засмеялась.— Я раньше его пришла домой. А потом — он, да не один, а с контролером по электричеству, в подъезде они встретились. А контролер ушел, он только мельком взглянул, «язви тебя» сказал, взял инструменты, к деверю побежал, дела у них какие-то. А я уж спала, когда он вернулся. Ну, тут уж он, пока ел, все приговаривал: «Ты смотри-ка». И протяжно матерки смаковал. А я лежала на диване и телевизор слушала, а он все на меня смотрит, а я ему говорю: «К телевизору отвернись, чего уставился?» А он говорит: «Не такая совсем ты стала». И все смотрит: «Не такая». Нет, не ругался.

«Так это они о новой прическе Айхи судачат»,— понял Борис.

Айха закрыла киоск. Борис представил: сейчас она родственно-ободрительным взглядом окинет его на прощанье, отработанно-учтиво он скажет ей какие-то слова и пойдет к троллейбусной остановке, поглядывая на часы. Интересно, почему это он ни разу-таки и не прикинул, насколько засиделся у Айхи, и почему не жалко: сломается так тщательно распланированный с утра день?

«Хочется быть битым». От кого он слышал это? От кого же еще! Правда, Валя по-другому сказала. Подражая кому-то: «Бабе хочется иногда быть битой».

И еще Валя признавалась, что любит ходить в гости к старикам, к старушкам, в фартучек им поплакаться. Вруша! Это только кажется, что старики и старушки по головке гладят. Гладят, но отрывисто и с прищелепом. И не по головке вовсе.

— Куда теперь твой путь? — спросила Айха.

— К вам загляну. Давно не был.

— Ну и хорошо. А то совсем с нами знаться перестал. Чего скис?

— Да я после разговора с вами чувствую себя захудалым двоешником. Со сложением у меня не в порядке. Все больше вычитаю. А Валя, она молодец. Больше любит складывать. А себя умеет вычитывать.

— Значит, в двоешники себя записал? Ничего. Англичане говорят: когда дело дошло до худшего, оно обязательно повернет к лучшему.

Вечером он позвонил Вале.

— Где ты все пропадаешь? — спросила она.

— Давай, Валя, сегодня встретимся.

— И что-нибудь придумаем,— вместе, голос в голос, сказали они.

Николай Колмогоров

Хвойный вал тишины,
русый ливень травы.
Из пьянящей колны
не поднять головы!
Это явь или сон:
жеребенок заржал!
Далеко в сосны он
от людей убежал.
Осыпается дым.
Сенокос и костры...
Быть бы мне молодым,
чтобы ноги — быстры.
Чтобы руки — сильные
и не знали вины.
Чтоб ни в поле войны
и ни в небе войны.
Чтоб веки не знать
ни беды, ни тоски.
Чтобы матери звать
сыновей от реки...
Где на козьей тропе
пробивается ключ,
к самой крайней избе
косо тянется луч.

И кричит петушок,
сам не зная к чему...
Паровозный гудок
подпевает ему.

Районный город в липах желтых,
отяжелевший весь от луж...
За что люблю тебя, за что так
люблю тебя, России глушь!
Есть сила давняя привычки,
как в детстве жажда дальних странт
рожок бегущей электрички
с горы услышать сквозь туман.
В душе, задетой за живое,
с короткой ясностью опять
увидеть прежнее, бывшее
и необъятное — объять!
Но где-то эхо ухнет гулко
и улетучится мираж...
И в горловине переулка
очнешься, мир увидишь наш...
И высь покажется глубинной,
молитвенною синевой!
И образ девушки любимой
предстанет юностью самой.

Гале

Как вас назвать понятней, проще!
Мне кажется уже давно:
Вы сотканы из белой рощи
И вам все светлое дано.
Мне кажется, что вы — заветна.
Мне кажется, что вы — не вы,
А доброе, большое лето
И запах солнечной травы!

Олег
Философов

РЕЧКА ЯЯ

Поначалу речка Яя
По-девчоночьи тонка.
Льется, ясностью сияя,
Из лесного родника.
По воде бегут колечки,
Как дымок мельчайших волн.
Яя — маленькая речка
Близ поселка моего.
Помню детство. Путь недлинный,
Километра два ходьбы.
Мы на Яю по малину,
Мы на Яю по грибы.
И, шумя, с веселым смехом,
Ну, а, может, и всерьез
Мы горланили. И эхом
Слово «яя» в тайге неслось.
И, возможно, тем словечком,
Если есть такая связь,
Нареклась лесная речка,
Так нескромно повторась,

Или, верно сохраняя
Родниковость, свет струя,
Вносит в Обь речушка Яя
И свое лесное «яя».

Я знал ведь, что прояснится вода
В том омуте с поверхностью рябою,
В сетчатку глаз, как будто в невода,
Плывет ее сиянье голубое,
И неба высь, и даль полей, и лес,
И Родины высоких дум течение.
И в мирных стройках сварки чуткий плеск
Дают голубоватое свечение.
И ты, моя голубушка, земной
Лучистый свет и чувства многострунность
Впитала ли не с той голубизной,
Которую душе дарует юность!
Свет жизни. Он все ярче, если в нем
Самим светить, к лучам его причислив
Голубизну души с ее огнем,
Искренне дел с глубинным ходом мысли.

В ГОСТЯХ У СПАРТАКА МИШУЛИНА

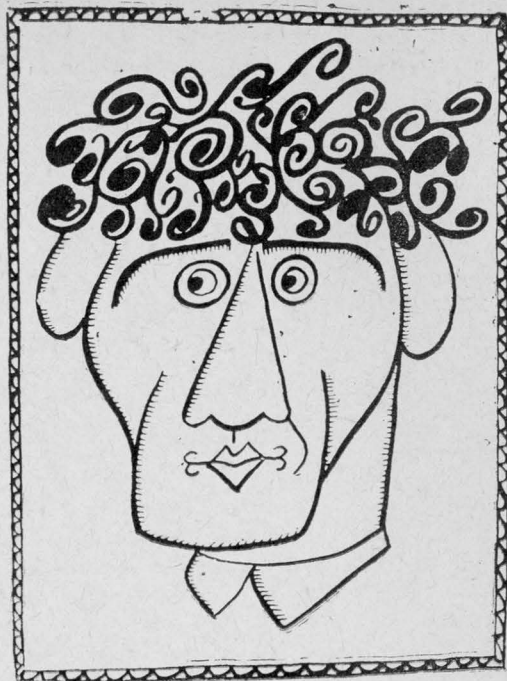
С ним легко разговаривать. Как с другом, которого давно не видел, но знаешь о его делах, успехах и заботах.

Сначала идет неторопливый разговор о событиях, знакомых обоим — кино, телекабачок, как здоровье пани Моники, что нового в Москве, нет ли хлопот с освоением новых правил уличного движения (автомобилевладелец все-таки!), куда поехать в отпуск, что такое «Таблетку под язык»?

Он шутит. Вначале я улыбаюсь, но, приходя к выводу, что совершенно невозможно быть серьезным рядом с ним, начинаю хохотать.

Больше вопросов не задаю.

От событий сегодняшних незаметно переходим лет на тридцать назад, к

той поре в жизни, о которой говорить серьезно уж совсем смешно. Он рассказывает:

— Было мне тогда 14 лет, но я уже служил художественным руководителем в районном Доме культуры в Удомле. Как-то по радио был мой творческий вечер. И вот, говорят, осталось время, вы можете еще что-нибудь исполнить, а я уже прочитал диалог Сатина и Барона (с пластинки выучил), басни Игоря Ильинского, «под него», с голоса выучил, монолог из «Горя от ума». Была у меня в запасе цыганская пляска — часто исполнял на выездных концертах агитбригады, я и говорю, что могу станцевать. Да и работники радио не сообразили сразу. Заиграл баян, я начал танцевать. Потом тоже понял, что это радио, но все равно что-то очень долго выхлопывал разные коленца. Мои знакомые так хохотали, думали, вот сейчас откроется репродуктор и выйду я, довольный собой и произведенным эффектом.

Став художественным руководителем, я, как и полагается, ставил спектакли, концертные номера, готовил программы агитбригады и даже написал оперетту, «Я вам пишу» она называлась. Одним словом, вундеркиндом был. У меня и сейчас есть 60 своих песен, но я их нигде не пою и никому не показываю.

Большая была тяга к работе — сам переделывал для сцены повести, рассказы — это «макулатура» у меня и сейчас хранится, с юмором смотрю я на нее. Но все это было потом, а прежде я ведь и пожарным был, и трактористом.

Митяев
Александр
"Они Кузбасса"

Думаю, что в этом году вернусь
туда и Вам все расскажу. Не
забудьте, что когда и в будущем
будете первыми, потому что
когда перестали быть первыми,
узнали, что ты и не первый?

С у Вадимом
С. Митяев
11.10.72

**Спартак Мишулин в роли Карл-
сона**

В отроческие годы занес меня ветер странствий в Кузбасс, в Анжеро-Судженск. В Кемерове учился на двухмесячных курсах трактористов. Так что Сибирь помню. Хочется приехать еще раз, посмотреть на край возмужания своего взрослыми глазами, походить по тем местам...

Не случайно я так много говорю о детстве своем, отрочестве — эта тема мне очень дорога. С первых дней своей сознательной жизни маленький человек должен видеть доброту вокруг себя, это очень важно. Ведь говорят же, что все новое человек узнает в детстве. Прекрасен этот мир детства, где все бывает и все сбывается! Я с удовольствием снимался в телефильме о «Карлсоне, который живет на крыше». Скоро на Центральном телевидении будет осуществлен цикл передач о Карлсоне, который, конечно же, будет попадать в ужасно смешные истории, но, как и прежде, выйдет из них победителем.

Let 12 назад, когда я работал в Омском театре, я поставил на местном телевидении, кстати, еще до выхода фильма Тарковского «Иваново детство», спектакль «12 мальчишеских лет» по мотивам книги «Иван». Эта постановка успешно там прошла. Не менее успешно идет в нашем театре история о Карлсоне, в театральном варианте. Вообще, театр я люблю. Люблю это непосредственное общение со зрителем. Разве может что-то сравниться с тем ощущением что это ты заставил гореть восторгом глаза этого малыша?!

Кино пришло случайно. Очень долго не понимал я его, не понимал камеру, средств выражения, тот градус, который ощущает актер на сцене.

Во время работы в Омске я познакомился с кинорежиссером Владимиром Мотылем. Он меня просто силой заставил прочитать сценарий «Белого солнца».

он мне понравился, и я решил попробовать, но вот тут-то началось самое страшное для меня — нужно было стричься наголо! Я считаю, что я и с волосами не очень, а без волос — просто кошмар какой-то.

Конечно, приятно начинать свою кинобиографию с хорошего фильма. Мой самый последний фильм — «Конец ночного вора», я там играю сельского пожарного, очень серьезного человека. Конечно, это комедия... Юмор, шутки, сатира, смех — как нам подчас не хватает их. С большой радостью и охотой работаем мы на телевидении в кабачке «13 стульев». Рады мы и тому, что эта передача хорошо принимается зрителем. Герои наших юморесок — не выдуманные люди, они нередко встречаются, и бороться с ними можно только таким оружием.

Многие персонажи нашего кабачка полюбили зрители, их прихода ждут, к нему готовятся! Это накладывает на нас большую ответственность, но пока мы выходили из всех положений! Есть у нас одна задумка — вы ведь знаете о том, что пани Моника часто встречается в нашем кабачке со своим школьным товарищем, паном Профессором, но никогда не приходила она со своим мужем, Бонифацием. Почему так? Призадумались мы и решили, что эта встреча состоится, если на эту роль согласится Юрий Никулин. Но он человек чрезвычайно занятой, так что это пока в перспективе.

Мы прощались. Говорить можно было бы еще и еще, но мой собеседник, заслуженный артист РСФСР, актер Московского театра сатиры Спартак Васильевич Мишулин тоже очень занятой человек: после нашей встречи — запись на радио, репетиции в театре, ночью съемки...

Александр Барышев

Фото Юрия Забродина.

Человек и природа

Ю. Киселев

ЗЕМЛЯ

Однажды я видел, как медведь ел малину. Он сдирает ягоды вместе с листьями, беспощадно ломая кусты. После себя он оставил истоптанный, изуродованный малинник.

Я подумал: что с него возьмешь, с медведя? Ни сознательности, ни хозяйского подхода к делу. Человек поступает по-иному. Аккуратно. Соберет ягоды, чтобы и завтра и на следующий год прийти в лесной сад за урожаем.

Но этого медведя я вспоминаю всякий раз, когда вижу огромный экскаватор, который ломает вековые деревья, уродует землю. Невольно представляю завтрашний день — кругом ямы, голая глина, не родящая ничего, кроме бурьяна.

— Не слишком ли мрачные прогнозы, глубоко ошибочные выводы, — скажет воображаемый оппонент. Началась кампания, сразу же нашлись борцы за сохранность

лесов, рек, пахотных земель. Мастаков чesать языками, не вникая в суть проблемы, найдется немало. А проблему не решить наскоком, публикуя статьи о том, что какой-то трест, шахта или разрез не занимаются, например, рекультивацией. Надо смотреть глубже, не забывать об экономике сегодняшнего дня, все под ней ходим.

В самом деле, может быть, повода для беспокойства нет? Все хорошо, все славно и не стоит ломать копыта? Однако оптимисты подчас стремятся выдать желаемое за действительное, стараются вообще не замечать оскальпированной, обезпоженной земли.

Я родился и вырос в Кузбассе. Можно сказать, на моих глазах построены десятки шахт, разрезов, заводов. Помню, мальчишкой отец привез меня в Шерегеш. Рудник только что начинал действовать. Небольшой поселок горняков был окружен зеленым морем тайги. Общественного жилья не хватало, и рабочие сами строили себе дома. Наша семья тоже строила дом. Лес валили на том месте, где должен стоять сруб. Удобно. Другие застройщики поступали точно так же. Рассуждая: в хозяйстве все сгодится, лес строевой и нестроевой рубили, пилили подчистую, без разбору. Контроля, конечно, не было. Отвели участок — делай на нем что хочешь. Государственные заготовки древесины велись близко от поселка. Всем казалось — море тайги не вычерпаешь, но оно быстро испарялось. Дно обнажилось, и теперь на месте непроходимых лесов догнивают пеньки разных калибров. Это еще полбеды. На обритых горах появилась мощная техника. Экскаваторы, тракторы нарыли ям, перевернули все кругом. Цель-то важная — добраться поскорее до руды, добыть ее как можно больше. И все же методы, которыми достигалось это, мне кажется, не оправданы. Ведь можно добыть те же миллионы тонн железной руды и сохранить в первоизданном виде зеленую зону вокруг поселка, оставить естественные парки среди домов.

Может быть, это частность? В других районах Кузбасса бережнее обращаются с землей? Отнюдь. Перекинемся-ка километров

на сто пятьдесят, в район Новокузнецка, глянем окрест.

Старожилы рассказывали мне, что 10—12 лет назад Листвяги в Новокузнецке окружали лесистые горы, с них сбежали говорливые ручьи. Непродуманная технология добычи угля дала свои отрицательные результаты. Нарушился водный режим — исчезли грунтовые воды, а лес, лишенный влаги, начал сохнуть. И сейчас с лысой вершины горы, через которую проходит дорога на Листвяги, насколько хватает глаз, видны рукотворные «анды», навороченные шагающими экскаваторами. Отвалы из красноватой глины наступают на редкий лес, пашню. Кое-где лоскуты картофельных огородов. Год-два — и картошку придется сажать в десятках километров от поселка.

Таких «картинок» множество. Шахтами, разрезами испорчены тысячи гектаров пахотных земель. И если нанести районы промышленных разработок на карту, то наша область будет похожа на лоскутное одеяло.

Земля кормит, поит нас, радует своими красотою, и мы обязаны заботиться о ней. Мы должны залечивать раны, нанесенные промышленностью. И впредь не причинять ей боли.

Надо взывать к совести, будить гражданские чувства. Однако этого мало. Не случайно поэтому издан земельный Кодекс РСФСР. Со дня его выхода прошло немало времени, а угледобытчики, например, не очень-то много сделали. Ведутся бесконечные, вроде бы деловые споры, издаются грозные приказы, руководители предприятий пытаются любыми средствами отвертеться от восстановления нарушенных площадей. Есть промышленники, откровенно отрицающие необходимость рекультивации, есть патриоты на словах. Есть люди, подводящие под свои действия глубоко научную базу. Они, на первый взгляд, поступают логично, защищаются железными аргументами. В Новокузнецке (примеры в основном по этому городу) я разговаривал с той и другой категорией людей, и мне хочется рассказать о них, привести их высказывания,

чтобы не быть голословным. А мой контраргумент один: земля не растягивается, не растет. Она у нас и наших потомков — одна.

Несколько цифр, фактов.

Справка инженера-землеустроителя управления сельского хозяйства Новокузнецкого райисполкома:

«С 1963 г. в Новокузнецком районе за счет земель колхозов, совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий, земель государственного запаса и земель государственного лесного фонда отведено под углеработки, промышленное и гражданское строительство, автодороги, железные дороги и на другие несельскохозяйственные цели 29186 гектаров».

1915 из них были некогда пашнями, 1364 — сельскохозяйственными угодьями, 1063 — пастбищами.

На всех этих гектарах в большинстве случаев уже не посеешь, не накосишь даже охапки сена. Под промышленными объектами земля как производящая сельскохозяйственный продукт погибла. Оно и понятно: на века строятся заводы, прокладываются дороги. Воздвигнутые предприятия варят сталь, дают стране кокс, цемент. Все это нужно. А как обойтись без хлеба, овощей? Они ведь по-прежнему подаются к столу от земли. Кормящее нас поле уменьшается, исчезает естественная зеленая зона вокруг городов. Назревает проблема: где сеять, где отдохнуть? Ведь промышленность наступает на природу быстрыми темпами. Одни только угольщики ежегодно уничтожают в области более 1200 гектаров земельных угодий. А если приплюсовать сюда строительные и рудные карьеры, отвалы, цифра возрастет втрое. Это на сегодня. С учетом же темпов развития промышленности в нашей области, как утверждают специалисты, лет через двадцать без рекультивации тысячи гектаров цветущей земли превратятся в пустыню.

Безрадостные перспективы. Тревожит и действительность. В среднем по стране на каждого жителя приходится около гектара пашни. В Кузбассе вдвое меньше. А на юге области, где особенно бурно развивается

промышленность и гражданское строительство, земельный «пак» совсем ничтожен. В Новокузнецком районе, например, на душу населения приходится десять сотых гектара. Здесь немало предприятий, которые пользуются землей временно, получив ее как бы взаймы. Карьеры, шахты, отвальные хозяйства занимают сейчас более семи тысяч гектаров. Площадь довольно крупного совхоза. По договорам с колхозами и совхозами («Земельный Кодекс РСФСР» говорит о том же) после выемки полезных ископаемых горняки должны возвращать земли законному хозяину удобными для ведения сельскохозяйственных работ. Иными словами, рекультивировать их: засыпать ямы, траншеи, спланировать, разравнять ранее собранный плодородный слой, чтобы на месте отработок можно было сеять хлеб или хотя бы садить деревья.

Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делается. Например, при комбинате Кемеровоуголь в декабре 1971 г. создано специальное управление по рекультивации земель. Но возможности этой организации весьма скромные: в 1972 г. она должна была восстановить лишь... 160 га. Из десятков тысяч, занятых комбинатом под разработки, и тех, что двадцать-тридцать лет назад приведены в негодность, которые тоже подлежат возврату сельскому хозяйству. Разделим 160 на число районов области, и на долю каждого получается всего ничего.

Значит, особых надежд на специализированное управление сейчас нет. Поэтому каждое угольное предприятие Кузбасса самостоятельно изыскивает средства на рекультивацию. А так как эти «непроизводительные» затраты ложатся на себестоимость тонны угля, то хозяйственники не проявляют большой щедрости. Естественно, новое дело движется медленно, кустарно. Тем не менее восстановление десятка — другого гектаров превращается в громадное событие. Сколько, например, гордости было у руководителей Байдаевского угольного разреза, когда на свет появился уникальный, исторический в своем роде, документ.

«Акт от 11 октября 1969 г.

Байдаевский угольный разрез комбината Кемеровоуголь передает Новокузнецкому лесхозу земельный участок из-под углеразработок для посадок. На участке площадью 10 (десять) га разрезом выполнены планировочные работы путем срезки гребней отвалов».

Десять гектаров из тысячи, которыми пользовался разрез. Начало было положено, и байдаевцы приступили к восстановлению земель в более широких масштабах.

Однако, что значит выражение «путем срезки гребней»? Что за этим скрывается?

Увиденное может разочаровать и повергнуть в уныние любого, кто задумывался о рекультивации и представлял на отработанных полях поляны с цветочками и деревьями. На самом деле «восстановленная» земля представляет из себя высокие крутые оползающие холмы, глубокие длинные траншеи. Бульдозер лишь пригладил верхушки отвалов, ручьи изрезали их белесые лбы глубокими морщинами. Эти, с позволения сказать, обновленные поля мне с удовольствием показал главный технолог разреза. Увидев, что я не разделяю его оптимизма, успокоил:

— Все нормально. Пашни здесь нет. Лесхоз согласился принять земли в таком виде. Решили садить деревья. Записб застраивается, поэтому от леса больше пользы будет.

На бедной почве видны рядки крошечных сосенок, акации, засохшие черенки тополей.

— Лесоводы испытывают,— продолжал технолог,— что примется на отвалах без плодородного слоя.

— Сколько стоила рекультивация?— спросил я.

— Две с половиной тысячи.

— А как это отразилось на себестоимости угля?

— Тонна обошлась нам дороже на несколько копеек.

— А почему бы вам не засыпать и траншеи?

— Так ведь это капитальные работы! Затраты возрастут в десять раз. К чему они,

если лесхоз на планировку гребней согласен?

(Для справки: если разрез придаст земле первоначальный вид, то себестоимость тонны угля с четырех рублей сорока копеек возрастет до пяти рублей десяти копеек.)

Обиделся тогда технолог за то, что я упрекнул руководителей разреза в скаредности, в торгашестве по отношению к земле. В другой раз, когда я по своим газетным делам приехал на «Байдаевский», он не преминул высказать свои претензии. Но тут произошел курьезный случай, показавший, как на самом деле ведут себя байдаевцы по отношению к земле.

Мы остановились около будки механизаторов. Технолог показал мне на склон, густо поросший пихтой, березой, осиной.

— Новый участок. Скоро здесь приступим к вскрышным работам.

— Что будет с лесом?

— Срубим, используем в своем хозяйстве.

Минуту спустя, когда мы подошли к группе механизаторов, я услышал буквально следующий диалог. Экскаваторщик спрашивал начальника участка:

— Лес машиной валить будем?

— Конечно! Ты что, первый раз?

— А вдруг стрелу поломаю?

— Ничего не случится.

Я посмотрел на технолога. Он несколько смутился, начал убеждать меня, что разговор экскаваторщика и начальника участка неофициальный, безответственный, дескать, будет так, как сказал он, технолог.

Хотелось бы мне поверить «официальному» заявлению. Но... На отработанных полях, на склонах отвалов в великом множестве валялись почерневшие, искрошенные стволы деревьев. Разумеется, никто и не подумал использовать их в хозяйстве. И много лет назад какой-нибудь бойкий начальник участка вот так же решительно, не раздумывая обрек десятки гектаров леса на слом. А чего церемониться? Стоит ли задумываться, когда перед тобой безбрежное море тайги?

Скажите, не так? Так! В этом я лишний

раз убедился, побывав на Ливинском разрезе, занявшем под разработкой около двух тысяч гектаров. В два раза больше, чем байдаевцы. Я логично предполагал, что и восстанавливают отработанные площади они интенсивнее своих коллег.

— А зачем? Земли навалом, — полушутливо ответили маркшейдеры разреза.

Из поселка видно, как громадные стальные машины безжалостно перемешивают плодородный слой с глиной. Маркшейдеры вздыхают. Что поделаешь, начальство требует, приказывает. Приходится возиться с рекультивацией.

— А если откровенно — нам вообще нет смысла проводить ее.

Посыпались доказательства. Есть, оказывается, вполне «объективные», «научно-обоснованные» причины — на участке «Бунгурский», когда появится мощная техника, придется добывать топливо в старых выработках, поднимать глубокие угольные пласты. А дальнейшая углубка, как известно, влечет за собой постоянное перемещение отвалов, находящихся на бортах траншей. Так что планомерная рекультивация пока преждевременна. Может быть, лет через 30, а может, и через 100. На других участках — холмы, плодородный слой — 5—10 сантиметров.

Вероятно, это очень уж серьезные и убедительные соображения, если руководители комбината Кемеровоуголь идут навстречу просьбам разреза и делают уступки. Дело доходит до курьезов. Вот любопытный приказ по комбинату (№ 262, 1970 г.). «В соответствии с «Основными земельными законодательства Союза ССР и союзных республик» разрезам комбината необходимо восстанавливать нарушенные земли, снимать и складировать плодородный слой для последующего использования. С заданием 1969 года не справились. Руководители Черниговского разреза заверили, что все сделали. Но 4 июня 1970 года проверкой установлено: снято не 9 га, а 3».

Дальше, как принято в таких случаях, обычно пишут: «За срыв задания — прика-

зываю...» И следует мера наказания. В упомянутом же приказе вместо «объявить выговор», «лишить премии» написано буквально следующее: «Разрез Черниговский должен построить в деревне Н-Балахоновка водопроводную сеть с колонками».

То-есть — откупиться. Заткнуть рот селянам, чтобы не очень-то требовали возврата земли в нужном для пользования виде.

Еще проще разрешается проблема восстановления земель, взятых у сельского хозяйства на более долгий срок. Там, где на месте разреза будет впоследствии шахта, один, мол, черт, всю округу преемники перевероят. Так пусть они и занимаются рекультивацией.

У шахтеров тоже свой резон. Они тоже борются за снижение себестоимости «тонны». И не очень-то спешат лечить землю. Но, с другой стороны, вынуждены иногда, в силу чисто производственной необходимости (расширение шахтных полей), вести частичную рекультивацию после разреза. По технологии добычу нельзя начать, не выкачав воду из траншей, не завалив их. Только поэтому бунгурцы в 1970 году «перелопатили» 180 тысяч кубов глины из отвалов в старые ямы, в 1971 году — более 150 тысяч. Если учесть, что перегрузка одного куба породы стоит пять копеек, то даже очень примитивная рекультивация 20 гектаров земли обошлась предприятию в 16 с половиной тысяч рублей.

Кому же выгодно нести эти «ненужные» расходы! Вот и рождается новая технология — «спихотехника». Только бы спихнуть с себя обязанности перед землей. В результате ни разрез, ни шахта по-настоящему не выполняют закона. И из тысячи гектаров угольщики ежегодно передают лесхозу только по 5—10 гектаров «анд» под лесопосадки.

Да, не скоро зашумят рукотворные рощи и порадуют людей нежными маслятами, как мечтают энтузиасты. Ведь пока что сосны высаживают на глине и камнях по принципу: приживутся — не приживутся.

Надо отдать должное героическим, именно героическим, усилиям Новокузнецкого

лесхоза, который, несмотря на невероятные трудности, заселяет неокрепшими саженцами любой мало-мальски пригодный клочок земли.

К сожалению, у добытчиков упорство иного плана. Они героически испускают тонны дефицитной бумаги, лишь бы как-то обойти закон.

Идут обходные пути не только угольщики. На рудниках, гравийных карьерах земли теряется тоже много, ее тоже надо возвращать народному хозяйству. Но, как я уже говорил, выручает бумага. Мастерски ею пользуются в тресте Кузбассжелезобетон. Эта организация в 1955 году начала разработку Абагуро-Атамановского песчано-гравийного карьера, арендовав 309 гектаров. Время от времени управление сельского хозяйства в Новокузнецке тревожило трест, требуя возмещения убытков. С 1955 по 1958 год карьер, как бы отдавая долг, осушил для села 100 гектаров болот. Однако полемика продолжалась. В результате многолетних споров в 1966 году по решению облисполкома в кассу районного управления была перечислена большая сумма на осушение еще 166 гектаров. После этой финансовой операции на свет появился документ:

«Новокузнецкое районное управление сельским хозяйством подтверждает, что... трест Кузбассжелезобетон перечислил средства в сумме 63613 рублей на наш расчетный счет за ранее отведенные сельхозугодья на площади 166 гектаров под разработку Абагуро-Атамановского песчано-гравийного карьера. Задолженности за ранее отведенные сельскохозяйственные угодья трест Кузбассжелезобетон не имеет».

Полемизирующие стороны как будто пришли к мирному соглашению. Однако с выходом Земельного Кодекса споры вспыхнули с новой силой. В мае 1971 года в адрес селян было сочинено основательно документированное письмо со следующей пояснительной запиской главного инженера треста:

«Что касается восстановления и возвращения отработанных площадей в состояние,

пригодное для использования в сельском хозяйстве, то в условиях поймы реки для этого необходимо заполнить выработанное пространство в таком же объеме, в каком произведена добыча, а для этого потребуются открыть новый карьер для добычи заполнителя».

Согласно проведенных экономических расчетов, себестоимость восстановления одного га при этом составляет 61500 рублей.

Согласно существующих расценок восстановления одного га в пашню в Новокузнецком районе составляет 385 рублей 21 коп.

Сопоставив приведенные цифры, следует сделать вывод о том, что отработанные карьером площади восстанавливать для использования в сельском хозяйстве нецелесообразно...

В связи с этим, Абагуро-Атамановский карьер перечислил Новокузнецкому сельхозуправлению денежные суммы на восстановление равного количества земель из-под заболоченного леса и кустарника в пашню и продолжает вести расчеты за вновь полученные под разработку пахотные земли.

— Как видите,— резюмировали заместитель управляющего трестом по экономическим вопросам и главный технолог по нерудным ископаемым,— сколько взяли земли, столько и вернули. Мы восстановили баланс. Осушили болота, а сейчас еще и деньги платим...

Болота, оказывается, в любом случае выручают эксплуатационников. Будто они бесхозны или находятся на другой планете. Никто не знает их, не ведает, а вот пришел хороший человек, увидел, осушил и, как подарок, передал селу. Почему-то не принимается во внимание то обстоятельство, что и болота — земля. Рано или поздно их будут облагораживать, использовать как резерв сельского хозяйства.

Товарищи любезно показали оправдывающие их со всех сторон документы, вынули как большой козырь вышеупомянутую справку,

— Какие могут быть претензии?

Выходит так — П. одолжил К. 10 руб-

лей. К. перехватил у М. столько же и вернул П. Значит ли это, что К. не остался в долгу? Допустим, трест рассчитался с управлением сельского хозяйства. Зато погубил 309 гектаров земли. Свое нежелание рекультивировать отработанные земли аргументируя тем, что придется рыть новую яму, руководители просто смеются над селянами. Шахтеры, между прочим, тоже могут сказать: чтобы убрать терриконы, нужно в другом месте насыпать точно такой же холм.

Как ни крутись, а долг остался. Пустая затея и подсчет расходов на восстановление сельским хозяйством новых болот. Не считать надо, делая будто бы услугу (это и на селе умеют), а самим приводить в порядок землю. «Земельный Кодекс РСФСР» от 1 июля 1970 года гласит:

«Предприятия, организации и учреждения, разрабатывающие месторождения полезных ископаемых открытым или подземным способом, проводящие геологические, строительные или иные работы на представленных им во временное пользование сельскохозяйственных землях или лесных угодьях, обязаны за свой счет приводить эти земельные участки в состояние, пригодное для использования в сельском, лесном или рыбном хозяйстве... Приведение земельных участков в пригодное состояние производится в ходе работы, а при невозможности этого — не позднее, чем в течение года после завершения работ».

Конечно, подсчитав, что восстановление (прямо скажем, абсурдным методом) одного гектара обойдется в десятки тысяч рублей, в тресте ахнули. Ведь эти денежки лягут на себестоимость гравия.

— Не то что дорого, — говорят в тресте, — а бессмысленно, невозможно. Глубина отработки карьера около семи метров. В процессе выемки гравия выработка сразу же заполняется водой. Чтобы ликвидировать озерки, надо засыпать их одиннадцатью миллионами кубометров грунта — столько вынута гравия с начала эксплуатации карьера.

— Кто же от вас требует нецелесообраз-

ной, лишенной всякого здравого смысла работы? Даже в законе не сказано, что карьеры нужно непременно засыпать. Речь идет о пригодности земель в сельском, лесном или рыбном хозяйстве. Может, образовавшиеся водоемы заселить рыбой?

— Это уже не дело треста. Требуются очень сложные водообменивающие сооружения.

Заместитель по экономическим вопросам произнес длинный монолог: восстановление земель — проблема всесоюзная. Прежде чем приступить к ее разрешению, необходимо составить земельные кадастры, определяющие ценность земельных участков. При острой надобности отработанные площади надо немедленно восстанавливать, а если они, скажем, потребуются лет через 50 или их использование будет слишком дорогим, если к ним нужны подъездные пути, если земли тощие, то стоит ли сегодня вкладывать в них средства?

Мысль о кадастрах содержит в себе рациональное зерно. Но это дело будущего. Сейчас же это лишь очередная умная отговорка, не более. Ни сегодня, ни через столет ценность земли не потеряется. Тот же район гравийного карьера по соображениям руководителей треста не представляет интереса для сельского хозяйства. А там отдыхают горожане, земля нужна им. Значит, надо вернуть государству 309 гектаров.

— Сейчас мы просто не в состоянии все восстановить. Строительство растет, больше требуется бетона для нашего и соседних городов. Намечено ввести в строй очень большие мощности по производству бетона, и, следовательно, увеличится потребность в гравии, щебне.

Да. Откроются новые карьеры. Строить надо. Других мнений быть не может. Однако нужно искать пути рационального использования природных ресурсов. Выхода, по словам заместителя управляющего трестом, нет, кроме как продолжать рыть ямы. А почему бы вместе с гравием не использовать в изготовлении панелей, перекрытий доменные шлаки Кузнецкого комбината,

Запсиба и других предприятий металлургии? Производство шлаковой пемзы удешевит выпуск строительных конструкций, дешевле и теплее будут дома. Кстати, освоится 200 гектаров, занятых отвальным хозяйством комбината. Не нужно увеличивать мощности нерудных горных предприятий.

Однако руководство Кузнецкого металлургического комбината и Запсиба не торопится строить шлаково-пемзовые установки. А ведь Азовсталь, например, производит пемзу для строителей уже несколько лет, получая от этого миллионные прибыли.

В тресте в совершенстве владеют «спихотехникой». И все же, мне кажется, что делается это в основном от слабого знания путей рационального использования обработанных площадей, кустарного подхода к новому делу. Нет еще комплексной технологии, учитывающей и добычу и восстановление земли одновременно. Отсюда и рождается формализм, бездумность которого прикрывается деликатными, умными разговорами и длинными бумагами. Уж коль крепко держишь перо в руках, то нетрудно, наверное, затеять переписку с институтом почвоведения и агрохимии Сибирского отделения Академии наук СССР. Из лаборатории рекультивации института ответят — что и как. По данным этой лаборатории, восстановление обработанных земель повысит себестоимость тонны угля всего на 2—3 копейки. Надо только заранее знать, в каких случаях рекультивировать землю под посевы, лесонасаждения, рыбные водоемы. Короче говоря, иметь рациональный проект, учитывающий возможности предприятия. Без всего этого новое дело будет вестись вслепую.

В конце концов есть опыт передовых предприятий страны, где уже кое-чему научились. Взять хотя бы эксперимент на Курской магнитной аномалии. Здесь важную государственную проблему горняки решают вместе с учеными сельскохозяйственных и лесотехнических институтов. Разработано несколько способов рекультивации — наносят плодородный слой мощностью от 30 до

40 сантиметров на породы; вносят в обработанные земли удобрения, подбирают устойчивые, неприхотливые культуры. Сначала, конечно, тщательно изучают физико-химические и биологические свойства вскрышных пород.хлопотно, но по расчетам экономистов расходы на восстановление одного гектара (около трех тысяч рублей) окупаются через десять-пятнадцать лет. Затраты будут сокращаться по мере внедрения более совершенной техники и агротехники освоения земель.

А как, например, у нас складывается плодородный слой? Бульдозер сдирает чернозем в кучи, которые через несколько лет размывает вода, а то, что остается, превращается в золу. Собранная земля сохранит свой состав только тогда, когда над ней поставят хороший крепкий навес. Чтобы ни солнце, ни ветер, ни вода не действовали на нее. Нет таких укрытий. А они совершенно необходимы.

Передо мной письмо садовода-любителя Геннадия Петровича Спичкина, слесаря Новокузнецкого алюминиевого завода. Вот что он пишет:

«В Кузнецком районе за поселком Куляновка завод ферросплавов построил отстойник. Сейчас его заполняют водой. Сначала говорили, что дно его будут расчищать, часть плодородного слоя земли вывезут. Это должны были сделать зимой, так как место там сырое. Ничего не сделали. Затопляют. Гибнут несколько гектаров земли и целая березовая рощица. Когда соорудили отстойник, мы, садоводы общества «Сантехлит», покупали землю, которая лежит на месте строительства толстым слоем, по три рубля за машину.

Все это создавала природа сотни лет, а губят за год. В годы войны мне пришлось пройти и проехать Литву, Латвию, Польшу, Германию, Финляндию. В некоторых местах люди живут и сеют хлеб буквально на камнях. Сколько им приходится трудиться, чтобы прожить на клочке земли?

Неужели нам можно так безнаказанно обращаться с землей и не нести никакой от-

ветственности, неужели в план строительства не входит уборка черноземного слоя? Это же богатство.

У нас в городе много обществ садоводов. Земли у некоторых плохие, выработанные. Чернозем достают кто как может. Организации и частные лица берут чернозем где кому вздумается. За городом образуются ямы. А ведь можно удобрять сады землями, взятыми прямо в черте города. Сколько сносят частных домов для того, чтобы строить большие здания. Здесь годами удобрялись огороды. Но вот подходит экскаватор, роет котлован под фундамент, и богатый плодородный слой перемешивается с глиной. Не могу спокойно смотреть на все это».

Управление городского коммунального хозяйства Новокузнецка не имеет единого подрядчика, который занимался бы добычей земли для газонов Новокузнецка. Город разбит на несколько условных квадратов, где несколько организаций отвечают за доставку чернозема. Например, управление Спецжилстрой треста Востокгидроспецстрой только для трех районов — Заводского, Центрального, Кузнецкого — ежегодно требует около 30 тысяч тонн жирной земли.

Как она добывается?

— За городом нам отводят участки, — отвечают из управления, — и мы бульдозером снимаем 15—20 сантиметров верхнего слоя земли.

— Что после вас остается? Глина?

— Почему же — земля, но не совсем черная.

— Используйте ли вы чернозем, собранный на месте новостроек?

— Да, на солидных объектах. Вот на месте сооружения свинокомплекса много берем, на Запсибе.

— А при сносе частных домов?

— Что вы! У нас ведь большие масштабы!

— Значит, там земля пропадает?

— Конечно.

Отстойник завода ферросплавов не такой уж маленький объект, и плодородный слой

там мощный. Однако ни завод, ни коммунальное хозяйство не использовали накопленное богатство. И сточные воды сейчас очищаются, можно сказать, за счет загубленной земли. Хорошее дело не было продумано до конца. Сделать же надо было совсем немного — вычерпать чернозем, продать его садоводам или развести по газонам города. На месте сооружения осталась бы лишь глина. Но нет, не сделано этой малости. Потому что земли «навалом». И грустно сейчас смотреть на засохшие березки, окруженные ядовитым илом.

Я привел эти несколько примеров для того, чтобы показать, как промышленники, хозяйственники относятся к земле. Одни знают законы, но умело их обходят, другим не хватает знаний агротехники, третьи вообще не задумываются о серьезности положения, живут широко, размахисто. Но все они, вместе взятые, фактически рубят сук, на котором сидят. Тем, кто еще не представляет, какой будет земля завтра, простительно. Зато нет никакого оправдания промышленникам, которые «в курсе». Понятно, трудностей много. Проблема отработанных земель многогранна. Над ней бьются сейчас биологи, экономисты, юристы, архитекторы, целые научно-исследовательские и проектные институты. Многие начали пробовать на вкус новый термин — биоэкономику, уяснили истину — экономические и экологические процессы взаимосвязаны. Встает вопрос о рациональном поддержании биологического равновесия, сохранения и улучшения естественной среды для себя и будущих поколений.

В силах ли промышленники без особого ущерба для производственной деятельности решить столь трудные задачи? Конечно. Надо преодолеть некий психологический барьер. Не ахать, ссылаясь на глобальность проблемы, а, засучив рукава, браться за дело. Не секрет, что за «грехи» прошлого хозяйствования нам уже сейчас приходится расплачиваться. Раньше, когда наше социалистическое хозяйство только вставало на ноги, крепло, неэкономное расходование

земли было объяснимо: некогда было, да и не на что восстанавливать природное равновесие, следить за водным балансом и т. д. Откладывали на будущее.

Сейчас это будущее наступило, и переносить сроки нельзя. Пора действовать. Чем дальше, тем дороже обойдутся плоды нынешнего бесхозяйствования: к вчерашним шрамам прибавятся сегодняшние, завтрашние. Нужно воспитывать в себе почтительное отношение к земле. И самое главное — всем хозяйственникам Кузбасса необходимо учиться восстанавливать земли. Ведь это по сути дела такая же каждодневная ответственная задача, как добыча полезных ископаемых. Следовательно, и решать ее надо тоже серьезно, планомерно, спрашивать с нерадивых за каждый метр нерекультивированной земли так же строго, как и за уголь, руду и т. д.

Разумеется, формулировка в законе «за счет предприятия» не совсем конкретна. Никто из эксплуатационников точно не знает, какую именно сумму он может вложить в «невыгодное дело»? Какие выделить лимиты по труду? Следует, вероятно, при составле-

нии общих планов предприятия, точно определяя средства на рекультивацию, разрабатывать реальные, подходящие для каждого случая проекты. И когда количество обновленной земли, переданной сельскому хозяйству, будет включаться в реализацию продукции горнодобывающего предприятия, оно будет более заинтересовано. И нет никаких сомнений, что дела резко пойдут в гору.

Уяснив с детства, что страна наша обширна, просторы ее велики, «много в ней лесов, полей и рек», мы подчас вольно или невольно потребительски относимся к нашему богатству. Иждивенческая позиция особенно прочно укрепилась в Сибири. Здесь от земли мы берем большими ломтями. А вот что ей возвращаем? Что делаем для того, чтобы земли, на которых могут вырасти деревья, заколоситься поля, разлиться пруды, не уменьшались, не гибли? Не абстрактно ли воспринимаем мы необъятность нашей земли, есть ли в наших восторгах трезвая критическая оценка? Наверное, строго задумавшись об этом, мы сделали бы вывод: если уж земля кормит, поит и радует нас, то и ей надо платить благодарностью.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редколлегия альманаха считает, что в очерке Ю. Киселева затронута очень важная проблема. Однако, как видно из материала, многие руководители не знают о том интереснейшем опыте рекультивации земель, нарушенных горными выработками, — опыте, в котором, как в капле воды, отразились преимущества социалистической системы хозяйства.

Поэтому редколлегия сочла необходимым перепечатать статью В. Травинского «Земной пейзаж», опубликованную в «Литературной газете» 31 мая 1972 г.

В. Травинский,

специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ЗЕМНОЙ ПЕЙЗАЖ

Вдруг кончалось пестрое земное разнообразие, пропадал запах прелой прогретой земли, исчезали голоса птиц. Начинался «лунный пейзаж»: тусклые, густо-бурые вперемешку с черными конусы поднимались над землей, с мертвой правильностью чередуясь до горизонта и отделяясь друг от друга темными гулками провалами в недра.казалось, действительно, некий бездушный, но целенаправленный пришелец с Луны пере-

© Литературная газета, 31 мая 1972 г.

ложил здесь куски нашей планеты в какие-то ему лишь одному понятные формы...

Однако «пришелец с Луны» живет на Земле и имеет вполне земное имя: горнорудная промышленность.

Надо отметить, не всегда так выглядели окрестности многих шахт и карьеров. Когда руду и уголь били кайлом, а наверх выносили в корзинах, холмы выкинутой породы были пониже и пореже. Потом землю показывали в вагонетках, в вагонетку впрягли лошадь, приладили электромотор. Кайло сменил врубовый молоток, система молотков, мощный комбайн. А затем явились в мир открытые разработки. Человеку надоело тесными штреками продираться к углю или руде, он стал снимать земное покрытие, обнажать месторождение и быстро, дешево брать из него драгоценное содержимое.

Было бы нелепо думать, что этот путь — от кайла до открытых выработок — проложен чьим-то злым умыслом, некоей недоброй волей. Наоборот, воля и умысел были чисты, как родниковая вода, они взывали и стремились к добру. Разве это плохо — ликвидировать согбенный труд горняков, вывести их из-под обманчивой обвалистой земли на солнце? Однако внутренняя диалектика, присущая техническому прогрессу, сказала и здесь: наши недостатки опять явились продолжением наших достоинств.

До 1952 года открытые рудные разработки на Украине, да и во всем СССР, были незначительны. Однако «вскрыша», как говорят горняки, внедрялась ускоренно. К 1958 году открытым способом добывалась на Украине третья часть железной и марганцевой руд. К 1969 году уже более 70 процентов руд шло из открытых разработок, ныне—75—76, в 1974 году станет 76—77 процентов. Вслед за тем большая часть руды «пойдет в открытую».

Вот тогда-то, в конце 50-х годов, еще до космических полетов, термин «лунный пейзаж» обрел полноправие, стал слышаться чаще и чаще.

Мы вступили на стезю массовых открытых

разработок позже других промышленно развитых стран и потому именно — на основе самой современной, могущественной техники. Открытые разработки ворвались в жизнь наших горнопромышленных районов, переиначивая их устоявшееся бытие. Переиначивая к лучшему и худшему.

Я сижу в кабинете директора Орджоникидзевского горнообогатительного комбината (ГОКа) Григория Лукича Середы — невысокого, очень крепкого, тугоплечего человека, с широким, напористым лицом, резкой жестикой, раскатистым голосом, — сижу и слушаю: почему, во-первых, открытые разработки — это к лучшему?

Динамика такова: в 1952 году комбинат открытым способом добывал в 23 раза меньше руды, чем подземным; в 1960 году открытая добыча уже обогнала подземную; в 1965 году она ушла вперед в четыре раза; в 1970 году — в 10 раз! К 1975 году шахты ликвидируются вообще.

— Наша руда известна: марганец, — говорит Середа, проводя ладонью вдоль подбородка. — Может, кто-нибудь не знает, что без марганца сталь — не сталь? Нам открытые, знаете, что дали? 46 процентов союзной добычи марганца они нам дали! Понятно — новейшая техника! Отсюда — производительность труда, значит, — заработки, премии. Плановая прибыль комбината свыше 55 миллионов рублей в год — значит, фонды у нас такие, что на них кое-что можно сделать, так? Да что ни возьми... Количество несчастных случаев по комбинату за десять лет снизилось на две трети — это ж теперь не в темноте да в тесноте подземной копать, это ж на свежем воздухе, вольно!

— Ну, а во-вторых, Григорий Лукич! Почему к худшему?

— Почему к худшему?.. Вот вам еще цифры. Из карьеров мы извлекаем ежегодно примерно десять миллионов тонн: четыре с половиной миллиона — руда, пять с половиной — шлам. За 10 лет 55 миллионов тонн шлама — куда его девать? Но это еще пустяки! Марганец у нас лежит в среднем на

глубине около 60 метров. Значит, до того, как карьер возникнет, до того, как пойдут из него шламы и руда, мы сдираем покров земли в 60 метров толщиной. Итог: в одном 1970 году мы перекувырнули, перелопатили, отворотили — называйте как хотите — 94,8 миллиона кубометров земли и камня, пока дошли до руды. А в 1975 году объем вскрышных работ составит 160 миллионов кубов. Мы ведем некую сумасшедшую войну с землей, мы выигрываем, все время выигрываем эту войну — но все чаще вспоминаем о пирровой победе...

М-да... Помнится, ехал я на машине через Донбасс. Три дня с перерывами длилось путешествие, и три дня жесткая острая пыль скрипела на зубах, шевелила волосы, запорашивала глаза; серое неуловимое марево покачивалось вокруг; ветер пахнул жостью, горелым песком и мазутом. Иногда казалось, что мы перебираемся через особенные Кызылкумы с тлеющей травой из угля и раскаленным саксаулом из металла. Но вокруг лежали благодатнейшие места: терриконы перебивались пшеничными полями и бахчами; яблоневые и вишневые сады то и дело выглядывали из-за плетней. Увы, пыль лежала и на вишнях, и на арбузах... Лежала она и на тенистых полянках, и на теплых прудах в зонах отдыха, что во множестве построены в Донбассе.

Ничем не лучше угольного края в этом смысле рудный край. В одном только небольшом Криворожском районе Днепропетровской области сотни миллионов тонн мертвой земли обступили «лунным пейзажем» города и поселки. В районе уже «нарушено» (официальный термин) около 13 тысяч гектаров. К отвалам присоединяются шламоотстойники: когда они заполняются, то превращаются, по выражению специалистов, в «пыльные пустыни». Специалисты подсчитали, что ежедневно в воздух района выбрасывается триста тонн пыли, из-за чего загрязненность кое-где в шесть раз превышает санитарную норму, а урожайность зерна и картофеля падает на 27—47 процентов.

Однако какие-то проценты на полях все-

таки созревают. На полях, но не на отвалах. Земля вокруг горных разработок мертва в самом точном смысле слова. Для того, чтобы возродить прежнее плодородие, природе понадобится — по разным подсчетам — от 50 тысяч до 200 тысяч лет.

С Николаем Игнатьевичем Ткаченко, главным маркшейдером Орджоникидзевского ГОКа, бредем мы не спеша по тропке к хибаре из кровельного железа под соломенной крышей. Слева от нас — тонкомалахитовая щетинка всходов пшеницы, справа — люцерна, она потемней. Арбузы едва проклюнулись... Белый опушок на сливах уже окреп, а розовый на яблонях только-только пробивается... Деревья ростом повыше меня мягко поводят ветвями, будто привыкая к теплу запоздалой весны: стволы, как положено, подмазаны известкой, земля вокруг них разрыхлена. Полевой колесный трактор рокочет неподалеку...

— Это отвалы Запорожского карьера, — объясняет Николай Игнатьевич, человек молодой, обстоятельный, деловитый, до крайности увлеченный тем неожиданным для маркшейдера делом, которое он курирует здесь. — Вот на этих-то отвалах урожайность пшеницы вдвое выше, чем в колхозах. А лес, который мы смотрели, — отвалы Александровского карьера. Пруд, значит, будет вот тут... Ульи надо вывозить, тепло уже...

У хибары — хохот и визг: студенты-практиканты Днепропетровского сельскохозяйственного института умываются перед обедом... Пряные запахи сельской весны ползут от земли...

Мы говорим со студентами, с их руководителями и опять бредем через пашню, через пшеницу, через низкий лес палок для виноградных кустов, через бахчи, через сад... Мы бредем через отвалы величайшего в мире марганцевого месторождения, на которые вскоре вывезут пасаки, потому что надо опылять поля и сады...

Подобная метаморфоза имеет точное название: «рекультивация». Термин этот долго обозначал скорее мечту, чем метаморфозу: замена «лунных пейзажей» земными не уда-

валась или удавалась плохо. Рекультивация земли на отвалах Орджоникидзевого ГОКа — одна из самых удавшихся, по-видимому, не только у нас, но и за рубежом.

Прежде чем вдаваться в детали, я выхватываю еще один фрагмент из долгого разговора с Григорием Лукичом Середой.

— Это ж очень дорого, Григорий Лукич, — говорил я. — В среднем рекультивация одного гектара обходится примерно в пять тысяч рублей, но вы хотите сеять не лес, как обычно делают, а сельскохозяйственные культуры, значит, выйдет еще дороже! Легко подсчитать, что затраты не окупятся у вас ни за 10, ни за 20, ни за 40 лет! Рекультивация для вас нерентабельна, убыточна. Что же ради вы-то, горняк, так стараетесь?

— Знаете, — сказал Середа, — я не люблю высокий слог, а придется. Это ж земля. Земля! Разве к ней — в широком смысле — применимы наши обычные понятия рентабельности и окупаемости? Она киммерийцев кормила, скифов кормила, нас кормит и через тысячу лет потомков кормить будет. Рентабельно ли ваше существование, молодой человек, в расчете на тысячу лет? Или мое? Существование земли так же рентабельно, как существование человечества. Какие на этот счет возможны нормы? Вы меня спрашиваете: окупается ли рекультивация? Отвечаю: даже в сегодняшнем виде окупается в расчете, может быть, на два поколения. Землю не на рубли и не на годы надо взвешивать, а на поколения. К тому же завтра...

Стоп. О завтра — позже. Сначала — о вчера.

В начале шестидесятых годов ряд правительственных постановлений обязал горно-рудные предприятия проводить рекультивацию. Постановления развязали руки директорам, и теперь вроде бы все зависело от инициативы и энергии хозяйственных руководителей. Но когда Орджоникидзевский ГОК, вместе с иными, решился было начать что-то делать, обнаружил, что обратился к чистой головоломке. К тому времени у нас практически был опыт лишь двух

крупных попыток: в Эстонии на горючих сланцах и — менее удачный — в Подмосковном угольном бассейне. Оба района решительно не подходили к условиям комбината.

Комбинат обратился в Днепропетровский сельскохозяйственный институт. Там тоже не имели представления о том, как оживать горные отвалы. Но к просьбе горняков отнеслись с интересом, тем более, что Середа обещал финансировать работы без задержек. Опытный хозяйственник, мудрый человек, выросший здесь же, на Днепропетровщине, он знал, что слово — словом, а рубль надо изыскать, ежели хочешь, чтобы было дело. И изыскиали: еще до того, как начали рекультивацию, включили ее стоимость в себестоимость каждой тонны добытой руды. Чем больше добудешь, то есть чем больше разрушишь земли, тем больше денег на ее восстановление — простая, убедительная экономика. Группа днепропетровских ученых во главе с профессором Николаем Емельяновичем Бекаревичем выехала на «лунный пейзаж».

Первый успех пришел в 1965 году. На отвалах Александровского карьера посадили лес. Конусы разровняли, землю удобрили, но колебались сердцем: примется ли? Досель не слыхивали здесь, чтобы жизнь уцепилась за горный отвал.

Середа, закладывая традиции на будущее, с самого начала вел дело широко: посадки производились механизированно, по строгому плану, с соблюдением всех возможных лесохозяйственных идеалов. Там, где машины не проходили (нарочно устроили искусственные увалы и взгорбки, чтобы было «как в натуре»), сажали ручную добровольцы. Добровольцев оказалось больше, чем нужно. Каждое посаженное дерево закрепили за «сеятелем», и до сих пор «отцы-сажатели» опекают крестников, урывают время — в субботу, в воскресенье, вечером ли — окучивают, пропалывают, поливают, подрезают, окучивают...

Последняя траншея Александровского карьера подошла почти к самому городу. Заполнили ее водой, выложили цветным

камнем берега, домики вокруг поставили — вот и зона отдыха: лес, вода...

Лес принял. Да как принял! Через два года молодая роща шумела на городской окраине. И в шуме ее слышался Середе особенный, взволнованный смысл. Дело в том, что леса в здешних местах не было — ни при киммерийцах, ни при скифах...

Так что же получается: рекультивация не просто исправляет ущерб, нанесенный природе, рекультивация может сделать природную среду полней и красочней, чем до разрабoтoк? Тогда, наверное, и зародилась в головах днепропетровских ученых и хозяйственников из Орджоникидзе та дерзкая мысль, что ныне придает особый колорит их поискам и труду по спасению земли.

Логика ясная, как опять-таки родниковая вода: если ту же технику, тех же людей, ту же мощную финансовую базу бросить на восстановление земли, то не будет ли эффект столь же силен, как и при разрушении? Отвалы — это же своего рода перепланировка недр — так, может, вести ее так, чтобы природа только выиграла?

Маленькое научно-популярное отступление. Земля не вся плодородна. Рекордсмен плодородия — чернозем, толщина его на Днепропетровщине около 40 сантиметров. Дальше, вглубь, метров на 20—30 тянется так называемая потенциально плодородная земля. На ней пшеница не вырастет, но деревья растут... И уж потом идет мертвая земля. Напоминаю, что марганец в Орджоникидзе лежит на глубине 60 метров.

Что же решили? При вскрыше сначала снимается чернозем, те самые 40 сантиметров, снимается осторожно, тщательно и складывается в стороне. Потом в другую сторону отсыпают потенциально плодородную землю. И лишь потом идут вглубь, не оглядываясь. Когда карьер отработан, — засыпка в обратном порядке: мертвая, потенциально плодородная, чернозем...

Но почему обязательно сорок сантиметров чернозема? А если больше? Попробовали: чем больше слой, тем выше урожайность пшеницы. Максимальная — двойная! — при

восемьдесят сантиметров, дальнейшее утолщение чернозема влияния на урожай уже не оказывает. Но если восемьдесят, то половина площади окажется без чернозема. Ну и что же — ведь урожай-то двойной, «за всю площадь». Зато на второй, бесчерноземной, потенциально плодородной половине можно посадить сад, бобовые, кормовые. Значит, со всей площади берут столько же зерна, что и раньше, да еще плюс фрукты, корма для скота. Гектар теперь дает и хлеб, и мясо. Он обогатился, рекультивированный гектар, ему перетряска пошла на пользу.

Это не кабинетные расчеты. На рекультивированных землях комбината уже третий год снимаются урожаи вдвое выше, чем в окрестных колхозах. В 1969 году комбинат засадил 70 гектаров пашни, бахчей и садов — по ним-то мы и бродили с маркшейдером. А 230 первых гектаров леса передано лесничеству.

Специально для скептиков заложили особые три с половиной гектара: нечто вроде земляной лесенки, идущей вглубь. Верхняя ступенька вовсе без чернозема — урожайность пшеницы половинная. Вторая — с сорока сантиметрами чернозема: урожайность обычная. Третья — с шестидесятью: 150 процентов. Четвертая — с восьмидесятью: двойная урожайность! Наглядно, зримо...

И опять слово Середе:

— У нас рудная залежь — 25 тысяч гектаров. По горному отводу — 7 тысяч. Переработаны две тысячи гектаров. Восстановили почву на полтысячи гектарах. Но восстановим все. Обязательно!

...Я уезжал утром. Автобус плыл мимо кашемировских полей. «Лунный пейзаж», — вспомнилось мне. И вдруг озорно подумалось, что шутка шуткой, но если вот так, с душой и умом, пусть еще на ощупь, энтузиасты способны оживлять землю, то, может быть, их последователи с тем же жаром и старанием научатся оживлять и Луну? И это поле за автобусным окном, и этот юркий трактор, и белые сливы, и костер на обочине — может быть, это в самом деле далекий прообраз лунного пейзажа?

Виктор
Чугунов

ТОМИ- ТЕЛЬНЫЙ ВОЗДУХ СКИТАНИЙ

Я ступил на землю Абхазии в середине лета.

Стояли жаркие дни. В скверах поспела шелковица, и ее темные ягоды падали на землю. Маслянистые и белые цветы магнолий заметно выделялись на крупных и густых деревьях. Где-то в горах беспрестанно гремел гром.

Я смотрел на море со склона Гагрского хребта. Море было ровное и синее, казалось густым и вязким. На горизонте белел паром. Несколько черных лодок с неподвижными рыбаками лежало на морской глади. Берег был усыпан отдыхающими. Насколько хватало глаз — от гагрской пристани до Пицундского мыса — все люди, люди, люди...

Любопытные экскурсанты карабкались вверх по склону и тоже смотрели на море. Пожилой человек в фуражке показывал прутом на синюю гладь и объяснял тихо, заученными книжными фразами:

— Сколько чудес и горя видели эти воды? Они качали мужественных греков на их суденышках-триерах. Они поглотили древнюю и легендарную Диоскурию, проматерь абхазской столицы Сухуми. Волны гнали к берегам хищных и воинственных римлян: здесь, на абхазском побережье, томилаась в жаре и лихорадке их захолустная крепостишка Себастополис, и даже в настоящее время можно отыскать в субтропических зарослях диких азалий остатки римских маяков. Отсюда, где мы с вами стоим, было видно, как тонули в море турки, персы, ангlosаксы, немцы и французы. В этом тихом си-нем и славном море...

Экскурсанты осматривали кусты самшита, надеясь увидеть «остатки римских маяков», а я устроился на камне и подумал:

«Мы всегда чего-то ждем от знакомства с неизвестным краем, что-то пытаемся отыскать для себя и других, похожее на откровение или чудо. Что? Трудно ответить однозначно. Много. Наверное, в каждом из нас сидит Магеллан...»

На западе слабо мерцали ледяные вершины Кавказа. Где-то там притаились знаменитые альпийские луга, и молчаливые карачаевцы пасли бесчисленные стада. Темные заросли бука и синеватая бахрома пихтового леса сплошь затянули холмы и покаты гор. В провалах бились горные реки, петляли по узким логам, вынося в море камни, ил и корни деревьев. В реках плавала рыба с темными пятнами — форель. Возле рек на взвышенностях жили люди, предпочитающие целебный горный воздух влажному воздуху приморской полосы.

...Я устроился на житье в доме рабочего-строителя Серха Бгажбы. Дом был недалеко от моря, в саду. Варвара Павловна, хозяйка, русская, торговала на пляже сливами. Старшая дочь Лилия работала кассиршей в агентстве Аэрофлота. Младшая Элика училась в техникуме. Ей надоели сад, море, дом и кухня, как она сама сказала, и Элика вызвалась быть моим гидом. Я обратил внимание на ее застывшие злые глаза, но не придал этому особого значения.

— Только предупреждаю — никаких угощений и всего такого, вальяжного, — заявила Элика, глядя поверх моего лба. — Кон-

феты и мороженое не ем! Рестораны терпеть не могу! Complimentов не выношу!

Мне казалось, что Элика совершенно не знала ни родного города, ни республику, и выходило так, что больше обо всем рассказывал я, а она слушала, топорщила накрашенные ресницы и возмущалась:

— Не может быть! Я все хорошо помню! Чехов к нам не приезжал... И не спорьте, пожалуйста...

И все же с ней было интереснее, чем одному.

...Слово Абхазия в переводе с абхазского языка означает «Страна души». Это небольшая по территории автономная республика, входящая в состав Грузинской ССР. Две трети республики занимают горы — красота и богатство Абхазии. Вся жизнь коренного населения была связана с горами. Несмотря на то, что рядом издавна шумело море, абхазцы не стали мореходами. Конь и сабля веками олицетворяли их неодолимую привязанность к суше.

В горах было все: лес, руда, пастбища, дикие звери. Вой шакалов можно слышать и теперь, сидя у костра в глухой и темной расщелине в предгорьях Абхазского хребта. Он тоскливый и неприятный, этот вой; в нем жуткое отчаяние и мольба. Вой шакалов не переносят даже медведи, угрюмо слоняющиеся по горным склонам; лисицы прячутся в норы, опасаясь за свои жилища, приглушенно вздыхают туры.

Абхазцы никогда не плавляли руду и не добывали уголь. Они люди сельской беспокойной и трудной жизни. Правда, земля у них добра и щедра и жить на ней, не выращая ничего, невозможно. Я видел, как помидоры росли на морской гальке и как сочно зеленела кукуруза на каменистой красноватой земле. Урожан чая, цитрусовых и табака крестьяне снимают два раза в год. Рано созревают вишни, алыча и виноград. В это время удивительно сладко пахнет воздух.

Абхазские дома похожи на русские, с верандой и сенями. Дом от дома стоит далеко,

выражая самостоятельность и добротную жизнь хозяев. Поселки небольшие, тихие, затянута лозами винограда.

Чем ближе к приморской низменной полосе, тем дома добротнее и свежее. Они поставлены на высокие фундаменты и побелены. У каждого красивое крыльцо с поворотами и узорами. Сады ухожены, чисты. В саду вольготно гуляет птица. У подъезда автомобиль.

Еще недавно приморская полоса была сплошным болотом, рассадником малярии и лихорадки. Низменность то и дело переходила из рук в руки завоевателей — персов, арабов, турок. Издревле она имела исключительно военное значение. Коренное население защищало горы, куда на протяжении веков не ступала нога поработителей. Истощенные бесконечными стычками и малярией, чужестранцы, в конце концов, уходили, проклиная гнилые места.

С середины прошлого века болота начали отступать под напором человека. Абхазцы потянулись на жительство ближе к городам — Сухуми, Гагре, Гудауте.

Но и по сей день большая часть абхазцев живет в сельской местности.

Строить в Абхазии непросто. Я побывал на одной из нескольких строек в Гагре. Был обычный жаркий южный день. Духотой веяло от цветущих растений, от гранитной стены Гагрской крепости, от нагретого асфальта. Раздетые по пояс люди разбирали перфораторами подножные скалы, расширяя площадь имени Гагарина. Натруженно и хрипло гудел компрессор, содрогаясь богатырскими внутренностями. Темно-коричневые спины рабочих лоснились от пота. Граниты разрушались с трудом, но люди снова и снова врубались дрожащими носами молотков в отвесную стену, а потом устало садились под тенты.

«Вот как она создается, красота курортной земли,— подумал я.— Сколько требуется человеческих усилий и характера, чтобы одолеть упорство природы — возвести каменную стену или проложить километр дороги. Мы не знаем этого, отдыхая в перво-

классных гостиницах и санаториях...».

Глядя на работающих, я вспомнил письма из Абхазии Бестужева-Марлинского, живо-го свидетеля жизни этих мест. Писатель на-звал Гагру «гробом для русского гарнизо-на». А в прошлом веке здесь было то же солнце, то же море и те же пальмы.

В Гагре у меня произошла интересная встреча.

Однажды я читал книгу в саду хозяйско-го дома. В сад ворвалась Элика, схватила меня за руку и увела на гору, за же-лезную дорогу, к белолицей невысокой ста-рухе, бывшей служанке в доме табачного фабриканта Андрианова.

— Если и она ничего не знает забавного, тогда простите...

У старушки был тонкий слащавый голо-сок. Она закатывала глаза и без конца, но вяло, ругала принца Ольденбургского, вла-дельца Гагрского участка до революции. Она ругала принца за то, что он тиранил свою жену, что погубил милых обезьянок, завезенных на гагрскую дачу «для прида-тия местности экзотического вида» (обезья-ны, не приспособленные для жизни в гагр-ских условиях, заболели и передохли), руга-ла за то, что конюх принца Васька Собакин опозорил ее, старушку, назвав орловской совой перед всем честным народом.

Поначалу я не проявил к старушке ника-кого интересу — выжившая, мол, из ума. За «хозяйном» гагрской дачи принцем Ольден-бургским числились более существенные гре-хи, чем помнила андриановская служанка. Женившись на сестре Николая второго, принц получил в приданое гагрские земли и несколько миллионов казенных денег для «устройства» русского курорта — Черномор-ской Ниццы. Деньги принц истратил на лич-ный дворец (дворец сохранился до нашего времени: сейчас санаторий «Чайка»), землю распродав сначала по сто рублей за десяти-ну, а потом по десять тысяч. Коренное насе-ление было оттеснено далеко в горы, потому что принцу и его приближенным нужны бы-ли места для охоты и прочих развлечений. Аборигены взбунтовались. Для их успокое-

ния в Гагру вошли две пехотные роты. Был восстановлен «порядок», и внешне жизнь потекла спокойно. По личному рас-поряжению принца всякие сведения, поро-чащие царскую семью и рассказывающие правду о положении в Гагре, были строжай-ше запрещены для публикации в печати.

И только ленинская «Искра» в статье «Ко-ронованный вор и царское приданое» ото-звалась на вопиющие беззакония в Гагре. Неизвестный корреспондент писал: «Боль-ных, если они не имеют туги набитых кар-манов, сюда не пускают. Тайные советники и генералы будут тешиться у царского зятя-ка в Монрепо — этом отныне Эльдorado всех денежных чиновных отцов». Была в статье и откровенная насмешка: эксцен-тричный принц выписал из Ирана двенадцать белых ишаков. Один ишак не одолел длин-ной дороги на новую родину и подох. Когда оставшихся животных пригнали в Гагру, принц Ольденбургский сфотографировался среди них в белом мундире, и злые языки стали нашептывать, что число ишаков на месте возросло.

Вот каков был принц. Я читал о его про-делках, поэтому слушал болтливую старуш-ку скупающе до тех пор, пока она не пред-ложила посмотреть семейный альбом. Аль-бом был толст, тяжел, в старинном кожаном переплете. В нем были чиновные тузы ста-рой Гагры. Старушка всех характеризова-ла — этот уехал в Париж, этот погиб на фронте, этого расстреляли, а этот помер только недавно, жил в Гагре на соседней улице, работал бухгалтером.

Перелистав альбом до середины, я на-толкнулся на пожелтевшую вырезку из га-зеты «Искра» с той самой статьей о коро-нованном воре, о которой я говорил выше.

— Откуда это у вас? — спросил я, обра-дованный находкой. И старушка рассказала историю, как рабочие Гагрской климатиче-ской станции (была до революции в Гагре такая контора) подсунули принцу Ольден-бургскому в почту ленинскую газету и как метался взбешенный принц, путая датские, немецкие и русские слова.

После этой встречи я долго думал о том, какое всеохватывающее значение имела в русской жизни начала двадцатого века ленинская «Искра». Ее читали всюду, даже в царском Монрепо, куда трудно было проникнуть революционной мысли. Надо еще иметь в виду, что в то давнее время по всей Абхазии едва можно было насчитать тысячу человек, которые относили бы себя к рабочему классу.

Ночью шел дождь. В открытое окно доносился его прозрачный и монотонный шум, сопровождаемый аккомпанементом моря. Было душно. Я выключил свет и лежал на высокой кровати, глядя в открытое окно.

«Как все меняется! — думал я. — Могло бы случиться, что в этом доме жил чванливый царский генерал, а живет рабочий-строитель абхаз Серхо Бгажба, по-русски Сергей Иванович, живу я, сын железнодорожника. Я слышу шум знаменитого субтропического дождя, вдыхаю аромат олеандров, насаженных хозяйкой под окнами дома. Когда редет белая полоса дождя, я вижу множество огней старой Гагры. Отчетливо светятся близкие корпуса новых санаториев «Украина» и «Армения» (вспомнил, что ежегодно на гагрских курортах отдыхают более ста тысяч человек); матово сияет «Гагрипш», собранный без единого гвоздя из норвежской сосны. Лохматые тучи, выходящие из-за гор, сливом падают на приморскую набережную, заслоняя блеск старинной «Жюзквары» и парка, где тревожно и молчаливо спят в такую ночь величественные птицы: пеликаны, павлины, фазаны и черные лебеди. Как хочется жить, глядя на все это, сделать что-то доброе и полезное!».

Я люблю дальние поездки не только за то, что можно что-то увидеть, но и за то, что во время их хорошо думается.

С Абхазией связаны, например, многие страницы жизни Серго Орджоникидзе, — неожиданно вспомнил я, и в памяти начали проясняться один случай за другим. Орджоникидзе работал в Гудауте фельдшером. Там при выгрузке оружия его арестовали.

Монахи новоафонского монастыря едва не выкололи ему глаза... Случайно избежал Орджоникидзе расстрела в Сухумской крепости... В 21 году части Красной Армии под руководством Орджоникидзе освободили Абхазию от меньшевиков и эсеров.

* * *

Ненастье в Абхазии проходит так же быстро, как и наступает. Еще колышется взбаламученное и грязное море, а солнце, торжествующее и стремительное, поднимается над Абхазским хребтом, предвещая хороший день. Мокрые бесстыдницы (так называют здесь эвкалипты) чуть колышут отмытыми от голубоватого налета листьями. Трава блестит и цветы. В саду парит сырая дорожка.

Мы с Эликой решили поехать в Сухуми.

Маленький катер пристал к берегу, и мы вместе с группой отдыхающих поднялись на палубу. Нас встретила девушка с крахмально-белыми глазами яблоками и четким профилем — флорентийка. (В Абхазии живут потомки крестоносцев.) Девушку звали Галей. Она усадила нас на лавки, и катер запрыгал по волнам, взяв курс на юг.

Галя из туристического бюро щебетала без умолку, как скворец в теплый весенний день.

— Я вас познакомлю с бытом старой Абхазии... — улыбалась она всем сразу. — Вы, наверно, слышали о кровной мести? Это был основной закон здешних мест: если пролита твоя кровь, пролей кровь врага... И в то же время, если путник перешагнет порог дома своего ненавистника, он может быть спокоен как дома: ни один волос не упадет с его головы... Абхазцы, если так можно выразиться, жили на конях... В первые годы Советской власти абхазцев нельзя было затащить в залы заседаний: они собирались под своим священным деревом и, сидя верхом, произносили длинные речи... Голосовали тоже с коней, подняв нагайки... Даже сейчас в дальних селениях можно встретить лошадиные черепа на заборах — от злого духа...

В настоящее время быт Абхазии, конечно, изменился... У нас в республике два института, шесть техникумов... В Абхазии на пятьсот тысяч человек населения — двадцать Героев Советского Союза, 264 Героя Социалистического Труда...

За бортом показались оливковые сады Нового Афона. Когда-то это место было знаменито своим монастырем. В 1888 году его посетил царь Александр третий. Поездка ознаменовалась тем, что в Новом Афоне появилась «Царская аллея» — обсаженная кипарисами дорожка, по которой шел к монастырю от пристани «хозяин земли русской», и тем, что светлейшая императрица Мария Федоровна, попросту говоря, спуталась с абхазским князем-красавчиком Георгием Шервашидзе и увезла его от семьи в Петербург.

Монастырь получил от царя новые привилегии, стал коллективным эксплуататором-кровопийцей. Когда в 1922 году Советское правительство издало декрет об использовании церковных ценностей для закупки за границей продуктов для голодающего населения, в монастыре чего только не оказалось: золотые ризы, серебряная в полтора пуда модель монастыря, крупные жемчуга, алмазы, аметисты, рубины, сапфиры, золотые и серебряные монеты и, как говорят, несть им числа. В монастыре нашли приют всякого рода контрреволюционеры и бывшие царские чиновники. Решением Ревкома Абхазии монастырь был закрыт.

Сейчас на территории Нового Афона несколько санаториев, чудесный парк-дендрарий (в парке есть островок в диаметре метров сорок, заросший тропической зеленью — на этом острове снимался фильм «Робинзон Крузо»). В Новом Афоне на бывших землях монастыря разместились цитрусовый совхоз, цветочно-луковичное хозяйство,

Кавказский берег незаметно удалился, и его контуры стерлись. Несколько дельфинов догнали наш катер и плыли рядом. Они плыли так близко, что я видел их глаза. Дельфины тоже смотрели на нас. Чуть-чуть холодило от их испытующих взглядов.

Они плыли долго, потом отстали и затерялись в серых волнах.

Разговор о дельфинах не затихал до конца пути.

Над Сухуми висели тучи. Катер пристал к деревянному дебаркадеру, и я увидел остатки древней сухумской крепости. Она была совершенно разрушена, кроме одной части, где предприимчивые сухумцы открыли закусочную. Вдоль моря тянулись частные деревянные дома, обсаженные яблонями. Воздух был белесый, мятный. Мы пошли вдоль улицы к автобусам. Из крайнего дома вышел пожилой абхазец и поздоровался по-абхазски, приложив руки к груди.

Современный Сухуми бесспорно очень своеобразный и красивый город. Каждая его улица одета строго в свой зеленый наряд: на одной улице растут яблони со свисающими плодами, на другой — самшит, на третьей — лимонное дерево, на четвертой — пальмы, на пятой — кипарисы. Улицы соревнуются между собой за первое место по красоте зеленого оформления. Город кажется чистым и светлым. Дома здесь белые.

На Сухуми большой отпечаток накладывают его многочисленные курорты и санатории, впрочем, как и на другие города Абхазии. Сам город невелик: его население насчитывает меньше ста тысяч человек. Однако в курортные сезоны он принимает такое количество отдыхающего люда, что буквально некуда ступить. Пришельцы опустошают магазины, киоски, к полудню выпивают всю газированную воду и пиво, набиваются в рестораны, кинотеатры и пляжи. Успокаиваются поздно и поднимаются чуть свет...

Нигде так близко не познакомишься с абхазцами, как в Сухуми. Их белая солнечная столица в чем-то по характеру напоминает живой абхазский народ. Здесь шумно, солнечно; красивая гортанная речь будто подбадривает людей. Мужчины горячи, вспыльчивы, разговаривают беспокойно, пронизывая сухими черными глазами. Женщины задумчивые, неторопливые, гордые и красивые, как столетние чинары. В их темных и

искристых глазах — неподдельное достоинство.

Абхазцы любят торговать, но не торговаться. Их базары красивы, богаты, запашисты, переливаются всеми цветами. Если килограмм алычи стоит двадцать копеек, абхазец ни за что не продаст его за пятнадцать... Но если ты скажешь, что его алыча самая лучшая на всем базаре, он отдаст этот килограмм, можно сказать, бесплатно, и, прощаясь, скажет:

— Прыходы, дорогой, ко мне. Я тебя угощу, чем хошь...

На сухумских улицах много женщин в черном. Это не потому, что в Абхазии много помирает людей, а потому, что в Абхазии долго помнят об умерших. Жена, например, до тех пор обязана носить траур, пока не решится обзавестись новой семьей. Гордые абхазки порой носят траур всю жизнь.

Еще не совсем искоренены в Абхазии старые обычаи. Мне рассказывали, что в горных селах нередко жена умершего старшего брата становится женой младшего. Но я не думал, что встречу с пережитками старого лицом к лицу: так далеки были эти пережитки. И неожиданно встретился.

Элика вдруг нарушила свое слово — не ходить со мной в рестораны. Мы обедали на Сухумской горе. Я снова обратил внимание на ее пасмурные глаза.

— У тебя неприятности?

Элика вздохнула и разоткровенничалась.

— У меня есть хороший товарищ, — сказала она. Уголки ее накрашенных губ растерянно дернулись. — Я с ним дружу... Когда-то давно Володин дед убил нашего деда,

и папа не разрешает мне с Володей встречаться...

Я долго ничего не мог ответить, потому что все сказанное Эликой казалось мне невероятным. Вот они, отголоски кровной мести в семье рабочего-строителя.

— И что ты думаешь предпринять? — спросил я Элику.

— Наверно, уйду из дому, — сказала она твердо и посмотрела перед собой в пустоту зала.

Я похлопал ее по запястью, одобряя поступок, и подумал, что сейчас, конечно, не старые дедовские времена. Вот почему у тебя пасмурные глаза, Элика. Ну, ничего...

Через неделю после возвращения в Гагру Элика уехала к своему Владимиру в Гудату.

Меня не огорчила эта встреча с остатками прошлого: жизнь есть жизнь и ничего в ней бесследно не исчезает. Я был уверен, что Элика будет счастлива.

Когда я собрался домой, Лилия, старшая Эликина сестра, купила мне билет на самолет и, передавая его, сказала:

— Я, между прочим, тоже люблю делать добро...

Я не знаю, что она имела в виду, но пролетая над Кавказом, думал, что Абхазия была добра ко мне, я чувствовал себя там, как дома, я вдохнул томительный воздух скитаний, как называл Паустовский запах магнолий и мимоз, я познакомился с дружественным мне народом.

Слева внизу грохотала гроза. Облака багровели и тускли. Была сильная тряска. Я смотрел в иллюминатор, и мне казалось, что самолет наполнен шумом моря.

Виктор Дроздов

К. М. Станюкович в сибирской ссылке

Всем нам известны полюбившиеся с детства рассказы и повести из морской жизни К. М. Станюковича. Мы восхищаемся его героями, стойкими и бесстрашными, человечными и ненавидимыми к произволу и насилию, твердо верящими в конечное торжество справедливости и готовыми к самоотверженной борьбе за ее победу.

«Более полу столетия минуло с тех пор, когда выпало перо из рук писателя,— а книги его все еще живут. И все еще идет полным ветром его корабль под белыми парусами, чистыми и незапятнанными, как чиста и незапятнана была совесть этого примечательного русского писателя»,— писал о Константине Михайловиче Станюковиче крупнейший советский писатель-маринист Л. С. Соболев.

К. М. Станюкович известен не только как писатель, но и как участник освободительной борьбы в России 1870—1880-х годов, связавший свою судьбу с демократическим лагерем. Об этом мы узнаем из архива департамента полиции следующее:

«Секретно. Госп. начальнику СПб-го губернского жанд. управления.

В департаменте полиции имеются из источников безусловно достоверных сведения о преступной деятельности отставного флота лейтенанта Константина Михайловича Станюковича... что, во-первых, Станюкович в 1879 году после покушения на жизнь генерал-адъютанта Дрентельна оказал содействие к сокрытию от преследования полиции государственного преступника Леона Мирского, во-вторых, во время своих неодно-

кратных поездок за границу Станюкович находился в непосредственных отношениях с проживающими в Женеве и Париже русскими эмигрантами и в том числе с Исааком Павловским и убийцею ген-адъютанта Мезенцева Сергеем Кравчинским, а также с редакцией издаваемого Львом Тихомировым революционного журнала «Вестник Народной воли» и, в-третьих, помещал в журнале «Дело», в издании коего он, Станюкович, принимал близкое участие, статьи вредного направления за подписью «И. К.» и «И. Кольцов», принадлежащие перу скрывшегося за границу обвиняемого в государственных преступлениях Льва Тихомирова».

21 апреля 1884 г. К. М. Станюкович был арестован.

Как значится в следственном деле, обвиняемый не признал себя виновным. Сотрудничество политических эмигрантов в журнале «Дело» он объяснил традицией журнала, а свое знакомство с ними тем, что не знал якобы их прошлого. Однако материалы, попавшие в руки тайной полиции (при обыске у Станюковича были найдены письма русских эмигрантов, в записных книжках обнаружены заграничные адреса, записи о выдаче гонорара из журналов «Дело»), приводили к заключению «что обвиняемый Станюкович, если и не принимал непосредственного участия в преступных действиях русской революционной партии, то во всяком случае... был пособником ее преступной деятельности, оказывая разные услуги членам этой партии».

В августе 1885 г. министр юстиции извещал управляющего министерством внутренних дел, что «государь-император в 24 день апреля 1885 года высочайше повелеть соизволили разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы: 1) выслать Константина Станюковича под надзор полиции в местности Западной Сибири на три года».

Местом ссылки ему был определен город Томск. В начале лета 1885 г. Станюкович вместе с семьей — женой и тремя дочерьми — выехал в административную ссылку. В этой поездке до Перми их сопровождала близкий друг семьи Е. Некрасова. Она оставила нам подробные записки о поездке и сибирском периоде К. М. Станюковича, его письма. Сам Станюкович описал эту невольную поездку в очерке «В далекие края».

Е. Некрасова свидетельствует, что всю дорогу Станюкович был бодр, и она не слыхала от него «ни одного жалобного звука, ни на счет того, что он вынес в последнее время, ни насчет того, что ему предстояла впереди тяжелая ссылка, куда он ехал, не имея никакого обеспечения, запасшись только некоторыми редакционными авансами».

С поразительным мужеством Станюкович вынес все свалившиеся на него несчастья: смерть четырехлетней дочери, арест, год тюремного заключения, утрату любимого журнала, полное материальное разорение. Как вспоминает Е. Некрасова, провожая Станюковичей на пароходе от Нижнего до Перми, Константин Михайлович неохотно сидел в каюте, он ходил по палубе, познакомился с переселенцами, студентами, «со всеми интеллигентными и неинтеллигентными пассажирами парохода».

В своих путевых заметках К. М. Станюкович описывает эти встречи и разговоры, обращая особое внимание на переселенцев и причины массового переселения крестьян. С большим сочувствием он отзывался о тяжелом положении народа, с болью и го-

речью говорит об обреченных на вымирание малых народностях Сибири, которых губят «сифилис, разные эпидемии и грубая эксплуатация, доводящая до нищеты».

В Томск семья Станюковичей прибыла 17 июня 1885 года. Местные власти уже были предупреждены о его приезде конфиденциальными письмами директора департамента полиции и петербургского градоначальника, в которых предписывалось бдительно наблюдать за писателем, предотвращая его возможные попытки сблизиться с учащейся молодежью.

С самого начала жизни в Томске Станюкович пытался найти какое-нибудь место работы, чтобы иметь постоянный заработок, но политических ссыльных брали на работу неохотно. Зарабатывать на жизнь ему приходилось литературным трудом, сотрудничая в «Сибирской газете». Жена давала уроки музыки.

Через четыре месяца пребывания в Томске Станюкович пишет Е. Некрасовой: «Работаю, не замечая, как идут дни за днями, читаю, по вечерам у меня непременно гости».

Благодаря общительному, открытому характеру К. М. Станюкович быстро завел круг знакомых в Томске. Квартира его стала излюбленным местом встреч политических ссыльных. Наиболее частыми посетителями ее были народники Ф. В. Волховский, Д. А. Клеменец, С. Л. Чудновский, А. А. Кропоткин, Н. А. Морозов, О. Любатович.

В неунывающем настроении К. М. Станюкович встретил новый 1886 год. Однако и этот год был тяжелым для него: ухудшилось здоровье, приходилось много работать, чтобы обеспечить семью. В марте 1886 года он пишет Е. Некрасовой, что «совсем расклеился здоровьем. Невралгия одолевает. Запрещено на время писать. Диктую».

Лето этого года Станюковичи прожили на даче в деревне Заварзино.

Как опытный журналист и известный писатель, Станюкович был охотно принят

редакцией «Сибирской газеты», близко сошелся с ее издателем А. Андриановым, человеком, по мнению полиции, неблагонадежным, публицистом В. А. Голубевым, литератором А. И. Иванчиным-Писаревым. В «Сибирской газете» он напечатал немало произведений различных жанров. Одно время вел в газете постоянный фельетон, писал очерки, статьи. Особенный интерес вызывали его фельетоны из цикла «Сибирские картинки», в которых автор вскрывал продажность и взяточничество местной администрации, клеймил хищничество наглевшей буржуазии, высмеивал мещанскую тупость, ратовал за просвещение и образование народа. Ряд очерков и фельетонов с «продолжением» был запрещен цензурой, и тогда очередной номер «Сибирской газеты» выходил с многозначительным сообщением редакции: «вторая половина фельетона — по независящим от нас обстоятельствам — напечатана быть не может».

С сентября 1886 года в «Сибирской газете» начал печататься роман К. М. Станюковича под псевдонимом Н. Томский «Не столь отдаленные места». Публикация его подняла успех «Сибирской газеты», о чем свидетельствует объявление от редакции в № 52 газеты за 1886 г., что число подписчиков на 1887 год «значительно превысило ожидания редакции, так что понадобится дополнительное издание глав романа «Не столь отдаленные места», появившихся в текущем году».

На нового сотрудника газеты обратила внимание местная полиция. В политическом обзоре Томской губернии за 1886 год в разделе «печать и литература» начальник губернского жандармского управления писал, что «Сибирская газета» направления крайне вредного, в ней осуждается деятельность как местной администрации, так и вообще распоряжения правительства, причем статьи пишутся в таком тоне, что подрывают авторитет различных правительственных учреждений и лиц... В состав редакции входят многие политические

ссылные, в особенности же в ней выдающуюся роль играет сосланный по приговору особого присутствия правительствующего сената Волховский и административно-ссылный — бывший издатель журнала «Дело» — Станюкович».

Роман «Не столь отдаленные места» печатался на страницах «Сибирской газеты» в течение 1887 и первой половины 1888 года. В 1887 году К. М. Станюкович вновь обращается к морской теме. В журнале «Северный вестник» публикуется его рассказ «Человек за бортом!».

О бывшей морской службе ему напоминает поездка из Томска на пароходе «Фортуна» к месту строительства Обь-Енисейского канала. С июня по сентябрь 1887 года К. М. Станюкович работал конторщиком на строительстве этого канала, посетил Колпашево, Новый Стан, Верхнюю Ельню. Общение с простым народом всегда привлекало Станюковича, давая ему массу свежих наблюдений и впечатлений. Работая конторщиком, он писал письма для рабочих, составлял за них официальные бумаги, находя среди работающих «самых разнообразных типов, племен, партий, состояний, начиная от крестьянина и кончая гимназистом... особые нравы, самое разнообразное прошлое многих, приехавших сюда из разных мест,— все это, разумеется, крайне интересно и дает мне богатый материал».

В 1888 году Станюковича посетил известный американский исследователь жизни политических ссыльных и тюрем Сибири Дж. Кеннан, который писал следующее: «Один из самых интересных и в то время еще недавно поселенных в Томске политических был Константин Станюкович... Это был внимательный наблюдатель русской общественной жизни, талантливый беллетрист и вообще человек энергичный, сильный и очень даровитый. Жена его, приехавшая за ним в Сибирь, превосходно говорила по-английски и вообще произвела на меня впечатление женщины, выше обыкновенно».

венного уровня по образованию и развитию. У них была взрослая дочь, лет 18, хорошенькая, умненькая, и еще двое младших детей, и вся семья была удивительно милая. Самые приятные вечера в Томске я проводил в их маленькой уютной гостиной, где мы иногда засиживались далеко за полночь, слушая дуэты, исполняемые мисс Станюкович и князем Кропоткиным, толкуя о русской политике и ссылке или же обмениваясь воспоминаниями о Лондоне, Париже, Нью-Йорке и Сан-Франциско. Супруги Станюкович оба были в Соединенных Штатах, и странно было мне видеть у них в гостиной визитные карточки таких известных в Америке людей, как капитан Джемс Идс, капитан Джон Роджерс, портрет президента Линкольна, индейские изделия из бус и бересты в виде башмачков и челночков, привезенных с Ниагары. Не ожидали мы, что у нас окажется столько общих знакомых и воспоминаний с русскими политическими ссыльными в Сибири, точно так же, как не ожидали найти у них так хорошо знакомые нам предметы,— вышитые бисером мокасины и башмачки для часов из березовой коры, выделяемые индейцами из Тонюанды. Станюкович упорно и много работал, содержа литературным трудом семью, а жена его, отличная музыкантша, помогала ему, давая уроки музыки.

В 1888 году заканчивалась ссылка Станюковича. Писатель по-прежнему много работает. В «Сибирской газете» после некоторого перерыва продолжает печататься роман, публикуется биографический очерк об известном путешественнике Г. Н. Потанине. В журналах «Северный вестник» и «Русская мысль» печатаются его рассказы «Матросский» линч», «На камнях».

Администрация строительства канала предложила ему место помощника управляющего строительством с окладом в 3 тысячи рублей в год. Однако К. М. Станюкович колеблется с принятием решения, соглашаясь на эту работу только при условии, если семья уедет за границу для отдыха и лечения. Семья протестует против такого решения, тем более, что здоровье самого писателя все более ухудшалось.

В середине года жена Станюковича неожиданно получила известие о небольшом наследстве. Это давало возможность всей семье покинуть Сибирь и выехать на лечение за границу. И 29 июня 1888 г. в «Сибирской газете» появилось сообщение, что «бывший редактор, а одно время и издатель журнала «Дело», известный по своей талантливости романист и публицист Константин Михайлович Станюкович, после трехлетнего пребывания с семьей в Томске и Томской области, 27 июня выехал в Россию, откуда, как мы слышали, немедленно уедет за границу лечиться».

Откуда пошло слово

Илья Половинкин

Представьте: вы едете по Томи от Кемерово в Томск, видите около села Новороманово высоту, напоминающую высокий шатер или старинный русский воинский шлем, и спрашиваете, как она называется.

— Шолом, — слышите в ответ.

Шоломов, оказывается, два — Большой и Малый.

— А эту речку как зовут?

— Тиунина.

Нет, это не шутки. Мы, современники, не употребляем этих древних русских слов, хотя знаем, что тиун — судья — упоминается еще в «Русской правде», а шолом — высота — в «Слове о полку Игореве»: «О, русская земля, ты уже за шоломом еси», то есть позади за горой. А вот в названиях они живут, и не где-нибудь, а в Сибири.

Думается, небезынтересно рассказать историю моих поисков для разгадки слова «юрга».

Ближе всего, казалось, искать объяснение ему в аннотации-предисловии, которым сопровождается генеральный план развития города. И там я нашел категорический ответ: «Юрга — татарское слово, означающее — яма ветров». Не знаю, кто это придумал, но ни в одном русско-татарском и татаро-русском словаре «юрги» днем с огнем не отыщешь. Да и не может быть, как стало ясно мне позже.

В те первые дни моих поисков все, к кому я обращался, точно сговорившись, упирали на татарское происхождение названия речки Юрга, от которой получил имя наш город. И только один человек сказал мне «нет». Это была учительница-татарка, преподававшая английский язык в одной из школ города.

ЮРГА

— Я сделала для себя удивительное открытие, — сказала она, когда мы встретились не то во второй, не то в третий раз. — Наши татары не могут объяснить многих сибирских слов, о которых говорят, что они татарские. Эти слова такие же татарские, как и русские. Ведь мы почти одновременно пришли в Сибирь.

Да, на Томи к моменту прихода сюда русских, старожилами были еуштинские татары, но они вряд ли селились выше Томска. Академик С. П. Крашенинников, проезжавший в наших местах в 1734 году, самым верхним татарским населенным пунктом на реке назвал Басалаевку, что находится между Юргой и Томском. Но и эта Басалаевка носила русское имя: Басалай на северо-русском наречии — веселый человек, хват-парень.

Но чье же все-таки слово «юрга»?

— Поищите это слово у башкир, они называют так какого-то коня, — посоветовала моя собеседница.

Нашелся среди моих знакомых и башкир.

— Точно! Юрга — это башкирское слово. Дело, видишь ли, так было, — пояснил он. — Когда строили железную дорогу, то однажды на поле, как раз против будущей станции появился белый конь. На строительстве были и наши башкиры, из Уфы их пригнали сюда. Увидели они коня и закричали: «Юрга, юрга». Иноходец, значит, — так по-нашему конь-иноходец называется. После этого станцию и называли — Юрга.

— А речка, что течет против станции, как называлась?

— И речку так называли. Отсюда и пошло — Юрга.

Но речку именовали Юргой еще за сотни лет до строительства Транссиба. Вот копия рукописи начала XVIII века, в ней черным по белому написано: «Юрга речка».

После этого я решил обратиться к родному языку. Я не отверг вышеупомянутых понятий юрга — яма ветров и юрга — иноходец. Именно они подсказали мне, что следует оттолкнуться от всем знакомого нам русского слова юр. Сам этот краткий звук в языке нашем тоже таит неясность. В. И. Даль, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», его даже не упоминает, но дает объяснение словам, в которые входит юр. Вот эти слова:

Юра — беспокойный человек, непоседа.
Юрить — метаться, суетиться.

Юркать, юркнуть — внезапно уйти, спрятаться.

Юркий — бойкий, проворный.

Как видим, все эти слова выражают движение, причем движение резкое, быстрое, стремительное. Даль поясняет, что тут произошло смешение русского понятия юла с чудским корнем юр, который в русском языке спутан с глаголом вить, отсюда — выюрок и юркий.

Это смешение породило, однако, в нашей народной речи многочисленные выражения с юр, подчеркивающие те же стремительные, быстрые движения: «Мышка юркнула в нору», «Месяц юркнул в облака», поговорки и присловицы: «Юркнул в реку и был таков», «Юркнул в воду — только пузыриверху», «Сидит баба на юру, ноги свесила в реку» и т. п.

И вот это последнее выражение — на юру. Оно напоминает на яру, но это не одно и то же. На юру — это не просто на яру, высоко на берегу, а на таком яру, где все вокруг открыто, где гуляет ветер.

Понятие «на юру» бытует в некоторых других языках. В этом отношении особенно характерно одно место старой литовской

рукописи — «Хроники Быховца», написанной в середине XVI века и посвященной истории Великого княжества Литовского.

Хроникер передает легенду о происхождении литовцев и их государства. Рукопись начинается так:

«В году господнем 401 появился Аттила, прозванный Бичем Божиим, вышел он от реки Югры, а Юра (так в рукописи, И. П.) и сейчас находится в земле царя Ивака...» (Хроника Быховца, «Наука», 1966, стр. 33).

Затем описываются походы Аттилы: он покорил много народов, завоевал землю Венгерскую, назвался королем венгерским, после чего напал на землю Итальянскую. Римские сенаторы и князья «были сильно напуганы и разбежались». Бежал и князь по имени Аполлон и с ним «пятьсот человек римских дворян». Беглецы «пошли на кораблях морем на север» и, обойдя Францию, Англию и Датское королевство, вошли в реку Неман, где увидели берега, пышно цветущие.

И далее «Хроника» гласит: «Над этими реками, над Дубиссою и над Неманом и над Юрою, там поселились и начали размножаться». Мы узнаем, что один из сыновей князя по имени Борк «создал на реке Юре замок и объединилось имя того князя с рекой... и назвали тот замок Юрборк». Позже, когда Литва попала под влияние немецкого ордена, город стали именовать Юрбург, то есть город на реке Юра, на юру.

Для нас в этой легенде интересно то, что Юрга или Юра, откуда вышел Аттила, и речка Юра на Немане — созвучны, а в названии города объединились два разных слова «юр» и «борк» из разных, может быть, языков. Разумеется, Юра Аттилы не имеет никакого отношения к нашей речке.

Обращение к юр русскому и юр литовскому привело меня к неожиданному выводу: я решил, что Юрга — Быстрая река. В этом убеждало меня то, что Юрга прорезает высокий берег — юр, следовательно

но, течет быстро, стремительно, как оно и есть на самом деле, особенно при впадении реки в Томь. Что касается слога «га», то мне казалось, что оно пристало к юр из какого-то другого языка, как к литовскому юр присоединился бурк. В то время я еще не знал, что «га» существует на самом деле.

Чтобы твердо сказать: Юрга — Быстрая река, — нужны не догадки, а доказательства. А путь к доказательствам не прост. Наличие похожих или даже сходных слов не облегчает, а часто затрудняет поиск. В русских источниках есть слова, которые не только созвучны с юргой, но и писались абсолютно одинаково. К ним относится уже упомянутая выше Югра, однажды она названа — Юрга. Еще более интересно, что этим именем окрестили в летописи основателя Москвы Юрия Долгорукого. Имя Юрий не сразу получило нынешнее звучание, долго его писали Гюрьга, Юргя и даже Юрга.

Ни одно из этих понятий прямо не указывает на свое родство с Юргой-речкой, но все же, подумалось, связано общим происхождением.

И я решил начать переписку по этому поводу.

Первое письмо отправил в Курганский краеведческий музей. Неподалеку от Кургана есть населенный пункт Юрга. Поэтому можно было рассчитывать, что там знают тайну этого слова. Но ответ был неутешительным.

«Мы пересмотрели все материалы, имеющиеся у нас по данной теме, но ответа на ваш вопрос найти не смогли. Так что можем согласиться с каждым из ваших объяснений слова юрга, но научного доказательства этому дать не можем».

Вслед за этим я набрался смелости и обратился с письмом к поэту Н. С. Тихонову, так как мне помнилось, что у него вроде была поэма с похожим названием. Николай Семенович, несмотря на свою заня-

тость, быстро откликнулся. Привожу его ответ полностью:

«Уважаемый Илья Филиппович.

Боюсь, что слово «юрга» не имеет прямого отношения к названию Вашего родного города. У меня нет поэмы «Юрга». У меня есть цикл стихотворений о Туркменинии, где, между прочим, так говорится о юрге:

И — по коням... И странным аллюром,
Той юргой, что мила скакунам,
Вкось по дюнам, по глинам, по бурым
Саксаулам, солончакам...

Это скачут пограничники на туркменских конях, у которых нет рыси, а есть та тропота, которая и называется «юргой». Эти кони сразу с шага переходят в галоп или идут юргой, тропотой. Таким образом, это, видимо, туркменское слово. Может быть, название поселения пошло от каких-то кочевников, которые здесь имели коней именно такого свойства.

Может быть, вам следует поискать, спросить знатоков казахского или туркменского языка. Там, возможно, лежит разгадка.

Вот все, что я могу сообщить. Напишите в Ашхабад, в Союз писателей, Кербаеву Берды Мурадовичу, ул. Хивали Бабаева, д. 3, — и он ответит, я уверен.

С уважением — Н. Тихонов».

Признаюсь: меня глубоко тронуло это письмо. Это не просто ответ: тут и советы, и пожелания, и человеческое тепло. Должен отметить, что выдающиеся люди никогда не ссылаются на занятость, находят время и тотчас отвечают любым корреспондентам, — хороший пример всем нам грешным.

Письмо Н. С. Тихонова воодушевило меня. Немедленно последовал запрос в Ашхабад. Берды Мурадович Кербаев ответил также быстро. Он писал:

«Слово «юрга», вернее, ёрга — туркменское. Это название лошади-иноходца. Наравне с чистокровным породистым конем,

туркмены любят иноходца, и потому он оценивается очень дорого. Они постоянно мечтали об иноходце.

Есть у нас на севере Туркмении развалины Куны-Ургенч — столицы бывших хорезмских шахов. Но это название не имеет никакого отношения к слову «ёрга».

Это письмо интересно тем, что писатель дважды подчеркнул, что по-туркменски иноходец правильно звучит «ёрга». Во-вторых, в нем сделана оговорка о том, что развалины Куны-Ургенч не имеют отношения к слову «ёрга». Суть оговорки вот в чем: древний Среднеазиатский город Ургенч, который русские именовали то Юргенч, то Ургенич, назывался еще иначе — Урга. А Урга слово монгольского происхождения, что в переводе на русский означает — ставка хана. Ургенч как раз и был столицей хорезмских шахов. Б. М. Кербабаев и предупреждает меня, чтобы я не спутал слово «ёрга» из туркменского языка, который относится к иранской группе языков, с монгольским словом.

С особым нетерпением ожидал я ответа на четвертое письмо, так как на этот раз адресовался к видному томскому ученому, знатоку сибирских языков профессору А. П. Дульзону.

Вот что сообщил Андрей Павлович:

«Для толкования названия Юрга точных данных пока не имеется. Ясно только, что город получил свое название по речке Юрга (Юргинка). Скорее всего это — слово селькупского происхождения. В селькупском языке имеется слово «юр» — «жир» современное русское название возводится к селькупской форме юргы (юргы), что значит «речка с жирной водой, имеющей жировые пятна». Я не знаю, дает ли вода этой речки основание для такого толкования, если да — прошу сообщить мне.

Совпадение со швейцарским «юрг» или новгородским «юрга» (Юрий Долгорукий) случайны».

Таким образом, я оказался перед выбо-

ром: или конь-иноходец или селькупское — Жирная речка. С конем для меня было ясно: маленькая Юргинка получила свое имя, вероятно, еще в то время, когда древние поселения Среднего Притомья не знали с лошадьми, а имели дело больше с лосем, что доказывают Писанные камни в наших местах. Оставалось второе — селькупская Жирная речка. И я написал об этом статью.

А ведь предупреждал профессор А. П. Дульзон: посмотрите, подойдет ли. Открою секрет: ходил я на Юргинку, смотрел, не выступают ли на ее берегах... нефтяные пятна. Тогда я подумал: весной небольшая долина Юргинки утопает в желтых цветах, может быть, это и натолкнуло селькупов на сравнение речки с жиром. А так, — какой в ней жир, длины-то она всего каких-нибудь 5 километров.

Время показало: торопиться не следовало.

В 1969 году в Томске состоялось большое научное совещание, итогом которого явились две книги: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков» и «Языки и топонимика Сибири».

Наука давно обратила внимание на то, что языки — это визитные карточки народов, на которых написаны история их происхождения, место в семье человеческой, вклад в развитие мышления людей. Народы Сибири не являются исключением в этом отношении. В Сибири скрестилось множество языков, причем некоторые из них остаются как бы в первозданном состоянии, поэтому представляют исключительный интерес для науки. Таким является, например, язык кетов — народности, которая сохранилась в очень малом числе — всего около 2 тысяч.

До сих пор считалось, что если есть близкое родство между языками внутри групп, то сами языковые семьи совершенно изолированы друг от друга, то есть всякое сходство между ними отсутствует. Но вот теперь, в результате многолетних трудов

советских ученых, накопился материал, который позволил выдвинуть новую теорию о том, что и языковые семьи могут быть родственны. Еще раньше высказывались догадки об отдаленном сходстве индоевропейских языков с енисейско-алтайскими и уральскими, теперь мы с фактами в руках можем говорить об их генетическом родстве, и появилось в науке новое определение — алтайско-индоевропейская общность.

Для определения родства языков исследуются исконные корнеслова, то есть такие слова, позднее заимствование которых исключено, например: названия органов и частей тела, древних орудий труда, наименования общих зверей, рек и т. п.

Один из авторов книги «Языки и топонимия Сибири» В. Н. Попова подробно изучила гидроним ир — определение, относящееся к реке, воде.

Этот гидроним на санскритском языке звучит как ар, а в понятии арпа, где па суффикс причастия, он означает «бурлящий, клубящийся, бушующий поток».

Из ар, говорит В. Н. Попова, возникло иранское ир, его основное значение «течь, устремляться». С помощью ир автор объясняет происхождение гидронима Иртыш, считая, что это кетское слово. Выводится оно так: кеты взяли иранское ир — бурный, добавили к нему собственное слово сес — река, получилось Ирссес — Бурная река, — таким и является Иртыш в верховьях. В дальнейшем монголы изменили окончание сес по-своему — на цес и цыс, а тюрки — в тис и тыш.

С этой трактовкой гидронима Иртыш нельзя не согласиться: в Сибири ряд рек начинаются на ир — Иргиз, Ирбит и т. д.

Корнеслово ир, имеющее отношение к реке, воде, усвоено во многих языках, но продолжало в течение веков изменяться. Это ир мы встречаем в Сибири в виде ер, юр, ур, эр. Но все эти корнеслова от ар и ир до ур, юр и эр означают течение, движение, в гидронимах — бурное, стремительное. Иногда это просто вода, речка,

например, в венгерском языке ер — «маленькая речка», а на языке чулымских татар иргиз — эрги-зу «старая вода». А вот у коми-зырян вода обозначается звуком юг и даже ю, у якутов речка — юрягя.

Таким образом, мы подошли, думается, к нашему слову юрга. Конечно, это — маленькая, бурная, быстрая речка. На алтайском и монгольском языках быстрая речка — турген, понятие по созвучию близкое. Что же первичное: юр или ур?

Кто же дал название нашей Юргинке? В этом слове мы чувствуем звуки индо-алтайско-европейской языковой общности, — так можно ответить на наш вопрос. Возможно, что у кого-то из аборигенов Сибири юр превратилось в юра, а под этим словом мы уже знаем реку Аттилы Юра, последнее слово, похоже, угорское: в Вологодской области есть речка Чюрга, это название могли занести туда лишь угры. Э. Г. Беккер считает, впрочем, что чюрга — селькупское слово, не объясняя, однако, его значения.

Не будем отбрасывать и селькупов, они жили в наших местах, их захоронения на берегу Юргинки сохранялись до последних лет. Возможно, что именно они прибавили к юр свое гы, что означает «река», а русские, придя на Томь, преобразовали гы, согласно законам речи, в га — стала Юрга.

В основе, как мы убедились, — маленькая бурлящая речка, короче и яснее — быстрая речка. В ней мы узнаем милую Юргинку. Что Юрга — Быстрая речка — весьма доказательно убеждает нас ее соседка — Бурлачиха, или Бурлиха, как называли ее полсотни лет назад. Это — родные сестрички: обе невелики, обе прорезают высокий юр и бегут весной и после дождей говорливо, бойко.

Вот так, перерыв, говоря языком Маяковского, ради единого слова тонны словесной руды, мы нашли то, что искали: Юрга — Быстрая речка. И в слове этом, в имени этой речушки заключена, оказалось, огромная книга истории Сибири.

ПО ТОЧНОМУ АДРЕСУ

Слово критике

Юрий Изюмский

С перерывом в четыре года в Кемеровском книжном издательстве вышли две повести Г. Блинова — «Патруль «Синяя стрела» и «Операция «Бременские музыканты». Книги эти быстро нашли своих читателей. В них подкупает непринужденность, с которой автор ведет повествование, занимательность, отсутствие указующего перста в разговоре о том, как жить нынешнему поколению мальчишек и девчонок, какие нравственные ценности утверждает и защищает наше общество, с какими героями себя отождествляет.

Формально обе книги объединяют их главные герои — Алька и Санька, Катька и Ольга, преданный товариществу Валерка. Однако в двух разорванных во времени повестях существует и более глубинная связь: дух героики и романтики, борьбы за справедливость, их направленность, настроение и идея. Не забывая о своей задаче быть защитником и другом детства, Г. Блинов видит главную свою цель в том, чтобы стать для своего читателя наставником, товарищем, вожатым. Вот и поведал он подросткам (а книги адресованы именно им) об их сверстниках, фантазерах и романтиках, обуреваемых жадой настоящей работы и больших дел, а не выполнением будничных, тоскливых поручений.

Все Алкины друзья уехали в пионерский лагерь, а он один остался в городе. Натура деятельная и энергичная, он не находил себе места, не зная, чем заняться. Однажды он сидел у радиоприемника и вертел регулятор настройки. Алька сразу насторожился, когда услышал о том, что капитан атомной подводной лодки пригласил пионеров, собравших много металлолома, на свой корабль.

С этого и начинается наше первое знакомство с Алькой и Санькой, будущими командиром и комиссаром отряда «Патруль «Синяя стрела»; с Катькой-подлизой, круглой отличницей, оказавшейся впоследствии не такой уж и плохой девочкой; с бригадиром строителей Петром, ставшим членом «Синей стрелы»; с тетей Полей — старшей дома, где живут герои книги, ко-

торые томятся положением сторонних наблюдателей жизни, но не знают, как из него выйти.

Аналогична ситуация и в книге «Операция «Бременские музыканты». Мальчишкам скучно в лагере «Романтик», куда они приехали на летний отдых. Им не хочется гоняться за всякими бабочками и шмелями, шить куклы, делать «дурацкие» бусы из семян Марьиного корня, собирать лекарственные травы и даже играть с утра до вечера в футбол. Им надоели будничные дела. Вот и назвало себя звено Алки «лесными братьями». Назвать-то назвало, а дел интересных придумать себе не смогло. Глава «лесных братьев» с горечью констатирует: «В других лагерях в походы ходят, а мы — бусы? Да?» Мужское самолюбие ребят, считающих себя почти взрослыми, оскорблено до крайности.

Именно в этот момент, когда, кажется, впереди нет никакого просвета, судьба как бы сжалась над нашими героями. Провисев над головами, к ногам «лесных братьев» и Катьки, председателя совета отряда, падает стрела с запиской. В ней печатными буквами написано: «Екатерине Акимовой. Что-то важное вы найдете в дупле старой осины, которая стоит у Медвежьего оврага, рядом с дорогой».

Алька, Катка и их друзья немедленно начинают поиск. В темном дупле трухлявой осины они находят конверт с надписью: «Совершенно секретно. Главному Бременскому музыканту». Содержание письма, оглашенного Катькой, было таково: «Штурм крепости «Утяжье гнездо» назначен вам на послезавтра. Если вы провороните, то вам достанется капуста или того хуже — редька. А это, сами знаете, не мед. Гнездо же захватят другие, те же романтики, у них бездельников — ой-ой!».

Совпадение ситуаций в двух книгах не случайно. Автор как бы сразу хочет предупредить, что бездействие, тусклая жизнь противопоставлены подросткам. Жадой дела, романтики и героики обусловлены и появление отряда «Синяя стрела» и все дальнейшие дела «лесных братьев». В наши

дни, утверждает Г. Блинов всем строем своих произведений, подросток взрослеет чутью быстрее, чем его предшественник, растет более тонко, более чувственно организованным. Его нетрудно научить сопереживанию, умению чувствовать горести и радости другого человека, как свои собственные. Но для этого нужно так организовать его жизнь и деятельность, чтобы эти ценные качества могли проявиться в конкретных поступках, в отношениях с другими людьми, нужно уметь уловить эту возрастающую тонкость душевной организации сегодняшнего подростка.

Вот автор и попытался поставить себя на место героев, посмотреть на мир их глазами. Такой взгляд, безусловно, не оберегает от ошибок, но помогает понять подростка, особенности его психики. Сообразаясь с пока еще крайне слабыми возможностями придуманных им мальчишек и девчонок, Геннадий Блинов учит их видеть в обыденном необыкновенное, находить увлекательные и полезные дела, жить по закону долга и сердца. Делает это он тактично, без высокомерного желания решать за детей, что им должно нравиться, а что нет, какие поступки совершать и какие категорически запретить.

О таком характере взаимоотношений с юным читателем и писал, наверное, А. Гайдар, когда говорил о людях, которые «из хитрости назывались детскими писателями», а на самом деле «готовили красную звездную крепкую гвардию».

Г. Блинов не торопит своих героев, дает им возможность самим разобраться в событиях, людях, в себе. Пройдет много времени, произойдет много событий, прежде чем «лесные братья» узнают, что таинственное «Утячье гнездо» — это утинная ферма, организованная такими же, как и они, пионерами из деревни Нижний Оскол, а капуста и редька — не шпионская тайнопись, а самые обыкновенные овощи, которые им придется пропалывать. А пока, так и не разобравшись в тексте, в котором под «овощами что-то важное зашифровано», они поняли главное: их оскорбили, назвав лодырями и бездельниками, оскорбили по заслугам, потому что действительно бродят они по лагерю, как сонные мухи, не занимаясь ничем полезным.

Доказать, что они способны на серьезные дела — вот чем с этого часа руководствуются ребята, вот что становится движущей силой их деятельности и поступков. Именно этот мотив определяет жизнь подростков из обеих книг, в которых таинст-

венное и будничное, трогательное и смешное, общественное и интимное переплетается самым невероятным образом, составляя их содержание. И, очевидно, ценность книг не только в остроте и занимательности фабулы, а в тех нравственных уроках, которые получили ребята, столкнувшись с жизнью, в тех выводах, которые они сделали для себя.

Живут дети во дворе большого дома, как живут миллионы таких же детей и в других больших домах. Они дерутся и мирятся, придумывают концерт факиров, главная роль в котором отводится псу Ричарду, строят козни Катьке-подлизе, собирают цветной металлолом и ловят рыбу, ошибаются и мучаются. В отношениях друг с другом и взрослыми формируются их характеры. Центральное событие книги «Патруль «Синяя стрела» — поездка на остров, встреча Саньки с браконьерами, находка на дне озера пулемета и рассказ о том, как юный партизан Пашка Нечаев много лет назад на этом острове совершил героический подвиг.

Но это не только рассказ о подвиге юного партизана. Сегодняшний пионер Санька чувствует себя продолжателем того дела, за которое отдал жизнь незнакомый ему мальчишка Пашка Нечаев. Чувство сопричастности благородным делам и подвигам предшественников, ощущение неразрывной связи людей во времени и пространстве отличается у Саньки глубиной восприятия, которое характеризуется непосредственностью, интенсивностью сопереживания. И не только степенью интенсивности, но и качеством ее.

Сопереживание Саньки предельно: он отождествляет себя с героем, решает про себя, что жить так дальше, как он живет, утаивая что-то от друзей, нельзя. Он еще не знал, что будет делать, но чувствовал, что все будет по-другому, иначе. Поэтому психологически оправдана в книге и стычка Саньки с браконьерами, и его единорожество с ворами, укравшими со строительства отопительные батареи.

Подросток, как известно, любит коллектив, дорожит его мнением. Г. Блинов, учитывая эту закономерность детской психики, сумел в книге «Операция «Бременские музыканты» достаточно точно показать влияние коллектива на формирование характера ребят. Сделал он это на примере Игоря, несколько шаржировав и лишив полутонов психологический рисунок этого персонажа.

В Алькином звене Игорь не последний че-

ловек. Товарищи любили слушать его рассказы. Еще бы! Игорь плавал с баргузином через Байкал, ходил по морям, исколесил Амур, Волгу, Енисей, в Одесском порту встречался с африканским принцем, бороздил океан, был у морских пограничников вроде юнга. В лагере он носил морскую форму, тельняшку и бескозырку с броской надписью «Отважный». Нет, не напрасно, кажется, друзья по звену называли его Капитаном.

Однажды ребятам представился возможность покататься на лодке. Речушка, правда, походила на лужу, а «Вездеход» — на корыто, но это никого не смутило. Севка сел за кормовое весло, а Капитан командовал, изредка бросая язвительные замечания: «...Киты в этой луже не водятся», «...Мелководье. Это же не Волга и даже не Миссисипи». Переплыв речку, «лесные братья» встретились со своими врагами — «бременскими музыкантами», которые направлялись в Нижний Оскол. Сколько ни хитрили «братья», сколько ни отговаривали ребят не переправляться на противоположный берег, «музыканты» были тверды в своем решении попасть в деревню. А Ванечка-Барабанщик даже заявил: «Товарищ юнга, я могу плыть только с вами...».

Игорь замаялся, хотел что-то сказать, но не решился, струсил и взялся за весло. Плоскодонка вышла на течение, закрутилась, как «танцующий на арене слон», а Капитан только беспомощно перебрасывал весло с одной стороны на другую. Открылась течь. Посудина стала медленно оседать на дно. «Сое! Тону!» — завопил Игорь и... вскочил на ноги. Ему было по колено.

Товарищи встретили его общим презрением: заливал, что чуть ли не вокруг света прошел, а сам не только лодкой управлять, но и плавать не умеет. К званию капитан прибавилось неприятное слово: Врунгель.

Игоря «мучила совесть». Он занимался самоанализом. Другими словами, Игорь раздумывал над своей жизнью. Конечно, моря он не видел. И плавать не умел. Когда звено решило жить по правде, ему надо было признаться, а он побоялся». Вот и случилось самое страшное: звено подвел, товарищей обманул. И Игорь решил научиться плавать. На речку он отправился ночью.

Одиннадцатую главу «Об уроках по плаванию и о том, как речной пират Врунгель и барабанщик Ванечка стали почти друзьями» можно было бы назвать и так: «Как Игорь сделал себя». Ему было холодно и страшно лезть в воду. Но он вошел, пре-

одолев неприятную дрожь и боязнь. Колотая по воде руками и ногами, он понял: научиться плавать можно. А еще он понял главное, что он, Игорь Афонин, не никудышный человек, только никогда не надо врать, потому что вранье до хорошего не доводит. Становление человека состоялось!

Книги едины и по композиции: каждая представляет собой как бы большую картину, в которой отдельная глава — маленькая юмористическая миниатюра, имеющая свою завязку, развитие, свой сюжет, свою кульминацию и развязку, один, а иногда и несколько взаимосвязанных конфликтов. Справедливости ради следует заметить, что из общего композиционного строя иногда выпадают некоторые главы, не несущие должной нагрузки, и затормаживают действие. Такой, например, оказалась нам двенадцатая глава в «Операции «Бременские музыканты». Юмор этой главы, пожалуй, несколько грубоват, утрачен психологический рисунок героев, события носят случайный характер, чувствуется какая-то логическая незавершенность.

Обе книги писателя густо населены подростками и взрослыми, помогающими или направляющими усилия детей. Для ребят Г. Блинов нашел довольно точные приметы, черты характера, свою индивидуальность, используя различные изобразительные средства, чтобы никто не затерялся среди других. Для главных героев, объединяющих повествование, автор припас развернутые характеристики, открывая их перед нами как людей дерзких и смелых, мечтательных и трезвых, фантазеров и реалистов. Что ж, это правомерно именно сегодня, когда усиливается внимание к вопросам воспитания, когда возникает опасность разрыва между уровнем информированности и уровнем воспитанности, между развитием коллектива и чувств. У юных героев пока эта гармония автором не нарушена.

Представляя читателю «лесных братьев», Г. Блинов стремится в каждом из них подчеркнуть самое главное, определяющее «одну, но пламенную страсть». В дальнейшем эта черта, составляющая стержень личности, обрастает многими деталями. Игорь бредит морем. Яшка увлечен механикой, любит подбирать всякие железки и складывает в карманы, из-за чего его брюки постоянно сваливаются. Петька-Добавочка любит поесть, коллекционирует значки. В «музыкантах», как правило, выделяются внешние приметы: толстый барабанщик Ванечка, мрачноватый Тромбон с фамилией Соловей, длинноногий Флейта.

Деревенские ребята характеризуются в деле. Васька Потапов, начальник утиной фермы, постоянно занят, степенен, как взрослый, немногословен. Павлуха — мастер на все руки, умеет и лошадь запрячь, и косить, и за утками ухаживать. Маняшка добра, отзывчива. Горькими слезами она плачет над котенком, которого хотят посадить на цепь, чтобы он не пугал утят. Третьеклассница Нюшка, первая помощница на утиной ферме, постоянно в движении, охотно берется за любую работу, легко вступает в контакты и со взрослыми, и с «товарищами музыкантами».

Язык ребят в целом ярок, индивидуализирован, современен. Автор не злоупотребляет вульгаризмами, жаргонными словечками, которые довольно распространены среди школьников. По речи городских ребят трудно отличить от сельских, но иногда в разговорах тех и других появляется книжность, сухость, взрослость, не свойственная детям этого возраста. Стремясь подчеркнуть их широкую эрудицию, информированность, автор заставляет героев говорить несвойственными детям сложными синтаксическими конструкциями о вещах, вряд ли им известных. Вот, например, несколько высказываний: «Не ворота нос. Ломоносов не тебе чета, а из Холмогор в лаптях шел» (Алька); «Лев Толстой тоже носил лапти» (Петька); «Расписали в афишах, будто оркестр Осипова выступает» (Игорь); «Сначала подумал, что у них ценные инструменты вроде скрипки Страдивариуса, а они на заслонке шпарят» (Васька).

Речевые просчеты усиливаются, когда, стремясь выдать шутку позабистее, автор вкладывает ее в уста первоклассника. В результате подчас создается впечатление, что автор и его герои чрезмерно увлекаются острословием. Теряется то «чуть-чуть», которое отличает остроумие от потуги остерить всегда и по всякому поводу. Мы не против юмора вообще, тем более, что книга написана ярко, но за соблюдением меры, хороший тон в остроумии. В целом, однако, авторские характеристики, речь и иллюстрации (художники В. Ягунова, В. Пресняков и П. Левицкий и С. Моисеев) помогают создать зримый образ героев, понять их внутренний мир, мысли и чувства, мотивы поступков. Есть в них та многосторонность, которая характеризует детей нашего времени.

А вот взрослым в книгах явно не повезло. Прямолинейно, дидактично выписан Петр. Даже как-то не верится, что этого сухого и неинтересного парня ребята со-

гласились принять в отряд «Синяя стрела». Груба, примитивна тетя Поля, чей громкий голос невольно режет слух. Нейнтересны, бледны, как личности, и взрослые во второй повести, характеры их однозначны.

Старшую вожатую Нонну ребята называют Главным Музыкантом. Главным, очевидно, это тот, кто ведет за собой оркестр, это солист, лидер, личность, предводитель. Главным музыкантом, наверное, по праву могла бы называться и другая вожатая — Клара Сергеевна, которая вместе с Нонной придумала и организовала операцию. Ребята во время операции показали себя с лучшей стороны, узнали себя и своих товарищей, стали друзьями. Но никто ничего не узнал ни о Нонне, ни о Кларе Сергеевне, настолько они безлики и аморфны. Полно, да могут ли такие люди вообще работать с детьми?

Дед посоветовал деревенским ребятам организовать утиную ферму, постоянно руководит ими. Что это за человек? Каков его характер? Автор отводит ему чисто служебную роль: предложить, произнести дежурное дидактическое поучение. Вот, например, как он разговаривает с Севкой, приехавшим в гости к деду из города: «...Бездельников в доме не потерплю. Собирай свои манатки. Не хочу видеть такого внука. Сам всю жизнь тружусь и лодырям потакать не собираюсь. А ты знаешь, дорогой внучек, что самое главное в жизни человека — труд. Его работа». Уезжая от деда, Севка с грустью думает о том, что и здесь все как в школе. Грустно, конечно, что нет искры педагогической в деде, еще грустнее, что такие же преподаватели в школе, где занимается Севка, совсем грустно оттого, что автор не заметил среди учителей людей одержимых, страстных, романтических, умеющих повлиять на отдельного ученика и организовать целый ученический коллектив.

Не затронув ни чувств, ни мыслей, прошли через повесть бабка Прошиха, владелица подольской швейной машины и козла по прозвищу Принц; сельский фельдшер Анисим Кузьмич; староверка Кузиха, понадобившаяся только для того, чтобы в начале повести не дать ребятам напиться воды, а потом быть ими же спасенной в последней главе, бабушка Севы и другие.

Хотелось бы, коль речь идет о недостатках, указать автору и на временную неточность. В первой повести сказано, что Валерке шесть лет, а Санька и Алёшка учатся в пятом классе. Разрыв между событиями первой и второй книги составляет при-

Мерно два-три года. Сегодня Валерка-Оруженосец числится уже в младшем отряде, учится в школе, а наши герои — Алька и Санька — роковым образом «застряли» в четвертом классе. Они, пишет автор, «перешли в пятый класс». Тернистым и долгим, оказывается, был путь героев из пятого класса в четвертый и опять в пятый.

И еще об одной, теперь уже редакторской, небрежности: в предисловии не Валерка, а Алька назван Оруженосцем. Далее: в третьей главе Клара Сергеевна возвращается в лагерь к вечерней линейке. После беседы с ней ребята находят «берестяную грамоту» и отправляются... на тихий час. Довольно странный распорядок дня в лагере «Романтик».

Отмеченные недостатки тем более досадны, что книги Г. Блинова, в которых он не изменяет ни полюбившейся ему теме, ни доверчивой манере повествования, по-настоящему увлекают и волнуют. В последнее время возникла опасная тенденция постепенного «овзросления», «осерезнивания» детской литературы. В своих книгах, как нам кажется, автору удалось избежать этой опасности. Он ни на минуту не забывает, что ребята хотят мечтать о дерзком подвиге, в мечтах и фантазиях опережая свое развитие, свои возможности.

Обе повести имеют достаточно точный адрес.

Читатель—автору

Нет, пожалуй, большей награды для писателя, чем читательский отклик на его новую книгу, даже если в нем всего несколько строчек, даже если в нем высказаны суровые критические замечания. И в том, и в другом случае дожда, значит, книга до сердца и потянулась рука читателя к перу...

Ну, а если письмо написано неумелым, но старательным детским почерком, подчас с грамматическими ошибками и неровными, спотыкающимися буквами, такое письмо для автора книги дороже вдвойне.

Только появилась на книжных полках первая повесть для детей «Патруль «Синяя стрела» Геннадия Блинова, как в адрес ее автора и Кемеровского книжного издательства буквально посыпались те самые неумелые, но очень дорогие автору и издателям письма первоклашек и ребят постарше.

«Повесть Г. Блинова «Патруль «Синяя стрела» очень меня заинтересовала,— пишет Люда Гусинская из г. Куйбышева.— Я была рада познакомиться с героями повести... Я тоже хотела, чтобы у нас в нашем отряде «Мечтатели» тоже были такие ребята, как Алька, Санька, Юра и многие другие. Хотя я учусь и в шестом классе, мне эта книга очень и очень понравилась. Большое спасибо всем людям, создавшим эту книгу, и, конечно, ее автору Г. Блинову».

Люба Степанова из г. Вязьмы как бы подтверждает предыдущий отзыв: «Книга

очень хорошая... Здесь написано: «Для младшего школьного возраста», а я перешла в 5 класс. Это уже старший возраст. Но все равно книга хоть младшего возраста, ее читают старшие. Спасибо за книгу!»

Но и у маленьких читателей складываются разные мнения о произведении.

«В книге «Патруль «Синяя стрела» мне больше всех понравились по душе Катя и Саша,— пишет Люда Карасева из поселка Промышленная Кемеровской области.— Катя любила детей и все время находилась с ними. Она была быстрой, точной и находчивой».

А вот Лина Фикс из г. Балхаш не согласна с мнением Люды Карасевой: «Мне понравились герои этой книги, особенно Петр, но не понравилась Катя». Правда, Лина не объясняет причин, решив, видимо, что автор и так все поймет и сделает свои выводы.

У девочек же из неизвестного города — в волнении они даже забыли написать на конверте обратный адрес — после прочтения книги Г. Блинова возникла целая проблема:

«Мы ученицы пятых классов. Учимся в разных школах. Люда и Катя учатся в школе № 23, а Оля в 34-й школе. Мы тоже хотим создать свой отряд, но нас всего трое. Летом мы пытались организовать его, но дворник, когда мы построили шалаш из веток, увидел его, сломал и чуть не отлупил нас...».

И смешно и грустно.

Письма, письма... Со станции Соколовка Ростовской области, из Новокузнецка, Медвежегорска Карельской АССР, из десятков других городов...

Недавно вышла вторая книга Геннадия Блинова «Операция «Бременские музыканты», и снова:

«Прочитала книгу «Операция «Бременские музыканты». С таким удовольствием книгу еще никогда не читала», — написала Алла Касабиева из г. Алагира Северо-Осетинской АССР.

«Спасибо Г. Блинову за эту книгу, — пишет Люда Загорская из г. Белова. — Он сумел показать настоящую дружбу ребят, ведь когда дружба — интересней жить на свете».

И почти в каждом письме просьба сообщить, над чем сейчас работает писатель.

Выполняем эту просьбу с удовольствием: Геннадий Блинов завершает работу над новой книжкой для детей «Пятое приходит на помощь», в которой читатель снова встретится с некоторыми героями, полюбившимися ему по предыдущим книгам.

Владимир Матвеев

МИМО ЦЕЛИ

Взял критик автора
на боевой прицел:
и критик сыт,
и автор цел.

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИИ

Знали древние греки
обычай крутой —
пить не смеешь вино,
не разбавив водой.
Продавец тетя Маша
древним грекам верна —
у нее без воды
не бывает вина.

РАЗЛАД НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

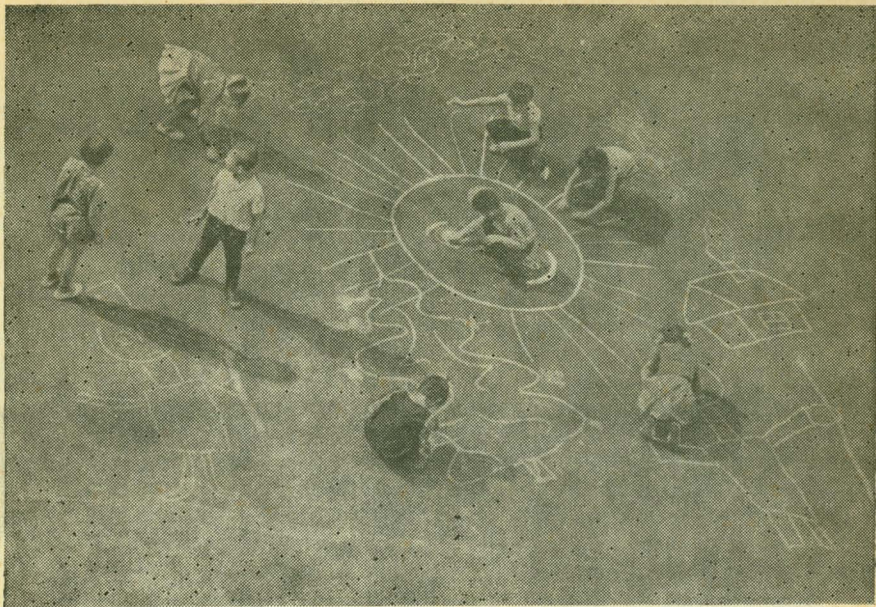
В ссоре супруги живут непрестанно.
Едва помирившись, «взрываются» заново:
Он на заводе дает два плана,
Она на сцене всегда однопланова.

У ГОЛУБОГО ЭКРАНА

Решает диктор
сложные задачи —
как ярким быть
и в серой передаче.

ГРЕЗЫ САТИРИКА

В мечтах не желаю лишку,
Поверю в силу успеха,
Если, прочтя мою книжку,
Кто-то умрет от смеха.

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ

Фото В. Моисеева

25 к.

**ОТНМ
КУЗБАССА**

КЕМЕРОВО 1973